

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

- Аболина Л.А.** Белорусская усадьба в Иркутской области.....5
Куликова А.Н. Рецензия на монографию Макаровой К.И. «Наследие моих сородичей». Нерюнгри: Полиграфический центр, 2015. 270 с.12
Шульга М.А. «Русинский вопрос» и геополитические миры Владимира Ламанского.....15
Квициния М.Б. Архаические словесные формы рефлексирования абхазов.....27

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

- Позняк Т.З.** Из истории первой русской революции на Дальнем Востоке: как Иван Колесников стал «руководителем восстания» 31 октября 1905 г. во Владивостоке.....34
Курусканова Н.П. Издательская деятельность сибирских Центральных рабочих групп ПСР (1906-1907 гг.).....45
Исаев А.А. Политико-идеологическая работа власти по привлечению демобилизованных воинов к заселению Дальнего Востока СССР в начале 1930-х гг.53
Оболкин Е.С. Экономические причины протестного движения работников образования Иркутской области во время перехода к рыночным отношениям (1989-1991 гг.).....59

ФИЛОСОФИЯ ИЗМЕНЕНИЙ СОВРЕМЕННЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ

- Щербенок А.В.** Вступительное слово.....71
Бубновская О.В. «Взаимодействуй или умри»: выход за пределы дисциплины.....72
Дремлюга Р.И. Опыт трансформации зарубежных университетов сквозь призму модернизации российского образования.....77
Копылов Л.Е. Проблемы управления изменениями академических единиц в современных университетах: опыт Великобритании и Австралии.....81
Кузнецов П.А. Анализ мирового опыта трансформации университетов.....86
Павловский В.В. Форма и содержание современных концепций дисциплинарности.....91

PHILOSOPHIA PERENNIS

- Кротов А.А.** История философии в творчестве А. Бергсона: две концепции или одна?.....96
Докучаев И.И. Метафизические и феноменологические основания и итоги региональной онтологии.....106
Романов И.А., Романова В.Н. Религиозно-политические идеи К.Н. Леонтьева и Л.А. Тихомирова в формировании научной школы русской государственности.....113

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ф.Е. АЖИМОВ – доктор философских наук, профессор,
директор Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г.В. АЛЕКСЕЕВА	доктор искусствоведения, профессор кафедры теологии и религиоведения Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета
Н.Н. КРАДИН	член-корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, археологии и антропологии Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета
М.Г. ЛЕБЕДЬКО	доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, заслуженный деятель науки РФ
А.В. ЛЫСОВА	доктор социологических наук, профессор, Центр криминологии и социально-правовых исследований (Centre for Criminology and Sociolegal Studies), Университет Торонто (University of Toronto)
Б.И. ПРУЖИНИН	доктор философских наук, профессор кафедры онтологии, логики и теории познания философского факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный редактор журнала «Вопросы философии»
Н.Е. ХАРЛАМЕНКОВА	доктор психологических наук, профессор, зав. лабораторией психологии посттравматического стресса Института психологии Российской академии наук
Т.Г. ЩЕДРИНА	доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета
С.Е. ЯЧИН	доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, заслуженный работник высшей школы РФ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

К.С. ЕРЕМЕНКО – кандидат исторических наук, помощник директора Школы гуманитарных наук

Компьютерная вёрстка Е.А. ПРУДКОГЛЯД

Полное или частичное воспроизведение материалов
допускается только с разрешения редакции.
Ссылка на журнал обязательна.

Полнотекстовые версии номеров с 2008 г.
размещены в сети Интернет по адресам:
ДВФУ: <http://dvfu.ru/web/soh/gis-dv>
РНЭБ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28209

Подписано в печать ???.2016.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 13,95. Уч.-изд. л. 14,58.
Тираж 500 экз. Заказ

Адрес редакции:
690950, Россия, г. Владивосток, ул. Суханова, 8.
Тел. (423) 245 77 48.
E-mail: gisdv@dvfu.ru

Отпечатано в типографии
Дальневосточного федерального университета
690950, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

HUMANITIES RESEARCH

in the Russian Far East

ISSN 1997-2857 (Print)
ISSN 2076-8575 (Online)

ACADEMIC JOURNAL

№ 2 (36) 2016

Certificate
ПН № ФС 77 32359
09.06.2008

TABLE OF CONTENTS

ARCHAEOLOGY, ANTHROPOLOGY AND ETHNOLOGY IN CIRCUM-PACIFIC

Abolina L.A. Belarusian farmstead in Irkutsk Oblast.....	5
Kulikova A.N. Review of the book by K.I. Makarova «The heritage of my tribesmen». Nerungri: Poligraficheskii tsentr, 2015. 270 P.	12
Shulga M.A. «Rusyn issue» and geopolitical dimensions of Vladimir Lamanskiy.....	15
Kvitsinia M.B. Archaic sayings of Abkhazians as a form of reflection.....	27

HISTORY OF RUSSIAN REGIONS

Poznyak T.Z. An episode of the revolution of 1905 in the Russian Far East or how Ivan Kolesnikov became the «leader of the uprising» on October 31, 1905 in Vladivostok.....	34
Kuruskanova N.P. Publishing activities of Siberian Central working groups of Socialist Revolutionary Party, 1906-1907.....	45
Isaev A.A. Political and ideological work among demobilized soldiers to settle the Soviet Far East in the early 1930s.....	53
Obolkin E.S. Economic reasons of the protest movement of educators in Irkutsk Oblast during the transition to market relations, 1989-1991.....	59

PHILOSOPHY OF TRANSFORMATION OF MODERN UNIVERSITIES

Shcherbenok A.V. Introduction.....	71
Bubnovskaya O.V. «Partnerships or perish»: towards the issue of crossing disciplinary borders.....	72
Dremluga R.I. Transformation of higher education abroad in the light of Russian educational system modernization.....	77
Kopylov L.E. Change management in academic units of modern universities: British and Australian experience.....	81
Kuznetsov P.A. Transformation experience of world universities: an attempt at analysis.....	86
Pavlovskiy V.V. Shape and contents of modern concepts of disciplinarity.....	91

PHILOSOPHIA PERENNIS

Krotov A.A. History of philosophy in H. Bergson's works: two concepts or one?.....	96
Dokuchaev I.I. Metaphysical and phenomenological foundations and outcomes of regional ontology.....	106
Romanov I.A., Romanova V.N. Religious and political ideas of Konstantin Leontiev and Lev Tikhomirov in political philosophy of Russian statehood.....	113

FOUNDED
IN 2008

FOUNDER:
FAR EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

PUBLISHED
QUARTERLY

EDITOR-IN-CHIEF

F.E. AZHIMOV – Doctor of Sc. (Philosophy), Professor,
Director of the School of Humanities, Far Eastern Federal University

EDITORIAL STAFF

G.V. ALEKSEEVA	Doctor of Sc. (Arts), Far Eastern Federal University
N.N. KRADIN	Doctor of Sc. (History), Far Eastern Federal University, corresponding member of Russian Academy of Science
M.G. LEBEDKO	Doctor of Sc. (Philology), Far Eastern Federal University
A.V. LYSOVA	Doctor of Sc. (Sociology), University of Toronto
B.I. PRUZHININ	Doctor of Sc. (Philosophy), National Research University «Higher School of Economics»
N.E. KHARLAMENKOVA	Doctor. Of Sc. (Psychology), Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences
T.G. SHCHEDRINA	Doctor of Sc. (Philosophy), Moscow State Pedagogical University
S.E. YACHIN	Doctor of Sc. (Philosophy), Far Eastern Federal University

EXECUTIVE SECRETARY

K.S. EREMENKO – Candidate of Sc. (History), assistant director, School of Humanities

Editorial office address:
8, Suhanova str., Vladivostok, Russia, 690950
Tel. (423) 245 77 48.
E-mail: gisdv@dvfu.ru

Website:
DVFU: <http://dvfu.ru/web/soh/gis-dv>
E-LIBRARY: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=28209>

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

УДК 347.787

Л.А. Аболина*

БЕЛОРУССКАЯ УСАДЬБА В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ**

Статья посвящена исследованию особенностей народной архитектуры, сложившейся в деревнях, основанных во второй половине XIX – начале XX вв. в Прибайкалье белорусскими крестьянами-переселенцами. Опираясь на материалы экспедиционных исследований, произведенных на территории Беларуси и Иркутской области, выявлен ряд специфических белорусских влияний, привнесенных в строительную культуру аграрной среды Восточной Сибири.

Ключевые слова: народная архитектура, деревянное зодчество, белорусы, крестьянское переселение, этнокультурные взаимодействия, Восточная Сибирь, Иркутская область

Belarusian farmstead in Irkutsk Oblast. LARISA A. ABOLINA (Institute of Northern development studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences)

The article is devoted to the features of folk architecture of the villages founded in the second half of XIXth – the beginning of XXth century in Baikal region by Belarusian peasant immigrants. Basing on the materials collected during the field research in Belarus and Irkutsk Oblast, the author reveals a number of specific Belarusian influences introduced into the regional construction traditions of rural Eastern Siberia.

Keywords: folk architecture, wooden architecture, Belarusians, peasant resettlement, ethnocultural interactions, Eastern Siberia, Irkutsk Oblast

В начале XX в. во время столыпинской аграрной реформы происходило массовое переселение белорусов в Сибирь. Переезжая в поисках земли и лучшей жизни, они часто образовывали в новых местах целые деревни. На территории Иркутской области таких поселений довольно много, в том числе обследованные нами деревни Тургеневка, Васильевка, Лидинск в Баяндаевском районе, деревни Икей, Одер, Нижний и Верхний Бурбук в Тулунском районе.

На новом месте переселенцы стремились организовать свою жизнь соответственно тем пред-

ставлениям и традициям, которые формировались в течение длительного времени на их родине. В то же время им приходилось приспосабливаться к местным природным условиям. В результате появились деревни со своеобразной архитектурой и бытовым укладом, частично сохранившимися и до сегодняшнего дня.

Чтобы понять, какие строительные приемы и архитектурные формы были привнесены переселенцами из Белоруссии в Сибирь и как они изменились за 100 лет на той и другой территории,

* АБОЛИНА Лариса Александровна, научный сотрудник Лаборатории антропологии и этнологии Института проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН.

E-mail: abolina@yandex.ru

© Аболина Л.А., 2016

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 15-21-01002.

нами была проведена экспедиция на территории Республики Беларусь, в ходе которой обследован ряд деревень Витебской, Минской и Гродненской областей. Также нами были сопоставлены результаты ряда пионерных исследований народной архитектуры Сибири и Беларуси [3; 4; 6; 7; 8; 10; 11; 12] и др. Однако собранные в Иркутской области и Беларуси материалы оказались сложно сопоставимы не только из-за фрагментарности обследованных регионов, но и по причине значительно-го архитектурно-этнографического разнообразия различных областей Беларуси. Имеющегося материала явно недостаточно, чтобы детально проследить параллельное изменение архитектуры и быта в пространстве и времени. Потому данная публикация скорее обобщает результаты непосредственных экспедиционных наблюдений и впечатлений, нежели является аналитической статьей.

Планировка поселений белорусов в Иркутской области времени столыпинской реформы не отличается разнообразием: это длинные широкие улицы, расположенные на открытых возвышенных местах. Потому улицы этих деревень совсем не похожи на узенькие мощеные булыжником улочки белорусских «вёсок» начала XX века. Во всех переселенческих деревнях ширина улиц достигает 40 и более метров, улицы не подчеркивают рельеф местности и почти не зависят от него. Напоминают о далекой родине лишь колодцы – журавли, изредка стоящие по обочинам этих огромных улиц (Рис. 1).

Рис. 1. Колодец-журавль в д. Верхний Бурбук

В деревнях Баяндаевского района целых усадеб времени первоначального строительства почти не сохранилось, зафиксированы в основном отдельные постройки, отличающиеся по виду от местных сибирских. Сегодня фрагменты некогда целых замкнутых дворов выглядят как дворы с несвязанными постройками.

Подобную картину мы часто наблюдали и в Белоруссии. А.И. Локотко отмечает, что такая форма дворов, возникающая по разным причинам, стала одной из современных форм планировки [5]. Обычно она образуется из трансформированных традиционных белорусских форм двора, таких как погонная, двухрядная и веночная. Однако существуют и такие районы, в которых сразу при строительстве хозяйственные постройки ставились «произвольно», не выстраиваясь ни в погонный ряд, ни по периметру двора: если в русских деревнях на середину огорода выносилась баня, которая топилась «по-черному», то в Беларуси мы часто видели отдельно стоящий посреди двора амбар.

На сегодняшний момент в деревнях метрополии из-за отсутствия скота дворы и огороды зачастую даже не огорожены, существенная площадь земли, находящейся в личном пользовании, не обрабатывается. В результате исчезновения видимых границ и некоторых традиционных построек и создается ощущение беспорядочно-хаотичной планировки [9, с. 15].

В сибирских белорусских деревнях нерегулярная планировка так же появилась в результате исчезновения некоторых построек, которые до коллективизации были необходимы в каждом единоличном хозяйстве (адрына, гумно, хлев), а после разрушены за ненадобностью, образовав пустые прогалины. Такие дворы мы наблюдали в деревнях Тургеневка, Лидинск, Васильевка. В тех усадьбах белорусов, где держат скот, хозяйственные постройки, начиная с хаты, обычно расположены по периметру двора, образуя замкнутый круг – «веночный» двор. Веночная планировка, наиболее древняя форма двора, возникшая когда-то как оборонная, характерна для северных и частично восточных районов Беларуси. Она благополучно перекечевала в Сибирь и защищает теперь жителей не от врагов, а от суровых ветров. На момент переселения белорусов веночные дворы уже были распространены в Сибири, но у старожилов выглядели несколько иначе.

Деревня Тургеневка в Баяндаевском районе была образована выходцами из Гродненской губернии. По рассказам детей и внуков переселен-

цев, до строительства «хат» жилищами приехавшим белорусам служили шалаши, стоявшие на месте Буда (от белорусского слова «будавать» – строить). Настоящая деревня была построена в 1911 г. До наших дней сохранилось несколько своеобразных домов того времени: они почти квадратной формы, без подклетов, состоят из окантованных пилой с двух сторон листовенных бревен, называемых в Сибири «лафетом», а в Беларуси «двухкантавым» брусом, углы рублены с выпусками в замок «простой вугал». Подобная рубка распространена во многих районах Белоруссии и очень часто встречается там по сей день.

На лицевых фасадах тургеневских домов расположено по два небольших, почти квадратных окна без наличников и ставень. По фронтому дома, выше окон, устроен козырек. Подобные козырьки мы встречали в деревнях в Витебской, Полоцкой, и Минской областях. Устраивались они так: в боковые выпуски верхних продольных бревен врубалось тонкое бревно или две жерди, поддерживающие сам козырек, из щепы или «гонта» (дощечки с пазом по одной стороне, посредством которой они «сгоняются»). Если жердь была довольно тонкой и прогибалась, в середине делали дополнительные поддерживающие укосины. Дома из Белоруссии и Тургеневки имеют аналогичные пропорции: отношение высоты к ширине сруба, два одинаковых по размеру окна, большое расстояние между окнами, козырек на фронтоне и низко посаженная крыша.

Стропильные двускатные крыши в Беларуси также отличались от принятого у русских варианта способом врубки стропил. Врубались они не в вынесенные за пределы сруба поперечные балки, а непосредственно в верхние венцы продольных стен. Иногда такие крыши называют «полустропильными». Вероятно, эта конструкция крыш была удобна для покрытия сруба соломой или камышом, укладывавшихся небольшими снопами, горизонтальными рядами. Полустропильные крыши, в отличие от стропильных, лучше накрывали сруб от дождя, они рассчитанные на толстый слой мягкой кровли, не имели водостоков. Интересно, что с заменой соломенной или камышовой кровли на щепу конструкция крыш сохранилась без изменений и водостоки на домах так и не появились. Нет их и сегодня как на домах, покрытых щепой и шифером в Беларуси, так и в осмотренных нами белорусских деревнях Иркутской области. Думается, что процессы замены кровельных материалов на обеих территориях происходили параллельно во времени и благодаря распространению общих технологий

пришли к одинаковому результату, сохранив при этом конструктивное своеобразие.

В Тургеневке, Лидинске и Васильевке «полустропильные» крыши хат до 1950-х гг. были покрыты соломой, а после перекрыты дранкой (длиной 50–60 см) в несколько рядов. Подобные кровли тонкой и короткой дранкой или «щепой» встречались почти повсеместно в старых деревнях на территории Белоруссии. В старожильческих сибирских деревнях покрытие построек «драньём» распространено начиная с XVII в., но выглядело совсем иначе (длина и толщина дранок была гораздо больше) и к началу XX в. уже полностью поменялось на тес.

Во всех трех деревнях Баяндаевского района на нескольких старых домах присутствуют характерные для центральных районов Беларуси скругленные или даже фигурные выносы стропильных балок.

Характерная для белорусских хат конца XIX – начала XX вв. особенность потолка состояла в том, что он опирался на одну или две балки («трам»), лежащие вдоль сруба, причем выступающий их конец иногда имел декоративную обработку. У сибиряков, выходцев из северно-русских губерний, балка-матица лежала не вдоль, а поперек сруба и концы ее часто врубалась в верхние бревна «впотемок» и не выступали наружу [1]. Белорусская традиция по устройству потолков частично была перенесена на территорию Сибири. Выпуски балок-«трамов» на фасадной стороне отмечены нами в двух домах. Иногда вместо балки-трама клали несколько поперечных балок, что является более поздним вариантом устройства потолка.

Земляные полы в домах, распространённые на территории Беларуси до начала XX в., по приезду в Сибирь уже не устраивались. Произошло это, видимо, не только по причине более низких, чем в Европейской части, температур, но совпало с общей тенденцией. К началу XX в. и в самой Беларуси взамен глинобитному полу («току») во многих хатах появился деревянный пол («падлога», «мост»), лежащий на лагах, врубленных в нижние венцы сруба. Аналогичная конструкция пола присутствует во всех домах переселенцев, характерна она и для сибирских домов [2].

Завершая осмотр домов белорусов в Баяндаевском районе, можно отметить, что все сохранившиеся дома начала XX в. поземные, почти квадратные в плане, срублены из окантованного бруса, с выпусками и углами в «простой замок». Планировка жилья преобладала двухкамерная: хата-сени, где сени часто, при увеличивающейся семье, становились отапливаемыми, утеплялись и

превращались в кухни. Отдельно следует сказать о печах: первоначальных печей не сохранилось, но по свидетельствам старожилов они были сложены из камня плитняка и имели конструкцию «русской» печи. В настоящее время мы застали лишь печи со щитками, которые возведены с применением остатков плитняка.

Многие дворовые постройки заметно отличаются от старожильческих русских. Основное различие составляет их внешний вид, например, в белорусском дворе обязательно есть большая «завозня» для телег с двустворчатыми воротами, баня, стоящая во дворе, а не в огороде. «Клеть» или «свиран», стоящие на расстоянии от остальных построек во многих районах метрополии, в Сибири превратились в один небольшой амбар, стоящий так же отдельно от других построек посреди двора. Неоднократно встречается рубка дворовых построек из «дылей» – досок толщиной в пол бруса.

Несколько иначе выглядят усадьбы и постройки белорусов в Тулунском районе. Например, в д. Икей сосуществует два отличающихся друг от друга вида жилья переселенцев начала XX в. Первый из них представляет собой почти квадратные хаты, срубленные из кругляка с выпусками, с двумя окнами в улицу, смещенными к одной стороне лицевого фасада, очень похожие на белорусские. Рубка углов с выпуском напоминает различные приемы рубки западных регионов Беларуси, однако по типу замка это тот же «простой замок», хотя и имеющий некоторые отличия в форме обтесывания бревна. Другой вариант – это высокие дома с рубкой углов «в лапу», с четырьмя окнами на продольной стене, стоящей вдоль улицы, и высокой четырехскатной стропильной крышей.

В деревнях Нижний и Верхний Бурбук улицы протянулись с юга на север, это повлияло на устройство дворов. Дворы здесь имеют выраженную веночную планировку, с той лишь разницей, что дома стоят в улицу узким фасадом и замыкается она воротами. У всех домов дворы расположены с южной стороны. У многих домов с северной, противоположной двору, стороны, не имеющей окон, сделан бревенчатый пристрой – «застенок», соединенный со срубом при помощи столбов в паз и покрытый крышей, продолжающей скат крыши дома. Пристройки такой конструкции очень распространены за Байкалом, но называются там хлевами или стайками и в них держат скот, здесь же их используют в основном как подсобные хозяйственные помещения. Крыши как на ста-

рых домах (из дранки), так и на более новых (из шифера) сделаны своеобразно: с напуском верха северной плоскости над южной, со стороны господствующих ветров. Считается, что такой прием покрытия характерен для Беларуси, правда в осмотренных нами районах мы его не встречали.

Дома в Нижнем и Верхнем Бурбуке рубили из кругляка, двумя окнами в улицу, окна смещены к одной стороне фасада, крыши полустропильные. Интересно, что и в старых домах с тремя окнами на уличном фасаде, по внешнему виду больше похожих на русские, на лицевом фасаде нескольких домов видны торцы трех потолочных балок, напоминающих «трам». Козырек на уличном фасаде между стеной и дощатым фронтоном присутствует здесь не на всех домах. Дома имеют окна небольшого размера с наличниками почти без декора и ставень.

Обычно во дворе, напротив дома, находится большой поземный амбар, называемый в Беларуси «клеть», под выносом крыши которого, со стороны улицы, до самой кровли сложены дрова (Рис. 2).

Рис. 2. Поленица

Такой прием хранения дров распространен во всех осмотренных нами районах Беларуси. В деревне Звяги Городокского района на территории Поозерья на этом месте стоят «пуни», в которые складывают сено и дрова. Возможно, здесь произошло своеобразное совмещение традиций. В Нижнем и Верхнем Бурбуке кое-где в амбарных дверях выпилено отверстие для kota – деталь, характерная для каждого белорусского амбара.

В д. Одер Тулунского района первые дома белорусских переселенцев рублены из кругляка с остатком. С северной стороны расположен «застенок». Самый старый дом, построенный первы-

ми переселенцами, – почти квадратный в плане, с верхним перерубом из двух бревен, с типичной белорусской внутренней планировкой. Четыре окна в улицу оформлены лаконичными наличниками без ставней.

Во дворах старых усадеб этой деревни преобладают широкие, почти квадратные, однокамерные амбары и хозяйственные навесы с длинным крутым скатом и очень низкими срубамми стен из трех-четырех бревен. Подобный прием строительства дворовых построек так же характерен для народных белорусских традиций. Все постройки были покрыты коротким и тонким драньем (Рис. 3).

Рис. 3. Кровля амбара-клети из лиственничного дранья

Деревянная архитектура переселенцев из Белоруссии в Тулунском районе имеет свои отличительные черты: веночную планировку дворов, дома в основном рубленные из кругляка, но характерных белорусских пропорций, и высокие «круглые» дома рубленные «в лапу». Окна на тех и других без наличников. По рассказам старожилов и сохранившимся деталям (рейкам, прибитым снизу наличника и деревянным вертушкам по бокам), оставшимся на некоторых наличниках, можно утверждать, что примерно до 1950-х гг., когда рамы в окнах были одинарными, окна в зимнее время закрывались снаружи деревянными щитами. Именно такие щиты изначально и назывались «вставнями» и были без навесов, поскольку их ставили на рейку и закрепляли по бокам вертушками. Кровли крыш с напуском одного края над другим.

Дворы открытые, сформированные по типу веночного и двухрядного погонного, часто не

относящиеся в полной мере ни к одному из них, но содержащие элементы обоих. Встречается расположение построек, которое можно отнести к Г-образному, более распространенному в центральных регионах Республики Беларусь, но оно, скорее всего, возникло в результате разомкнутого «венца». Хозяйственные постройки – амбары, навесы, стайки – заметно большего размера, чем постройки русского старожильского населения, встречаются амбары с выносом козырька на торцевой стороне.

Довольно часто несколько стоек накрыты общим большим навесом, а не отдельными крышами. Способ рубки хозяйственных построек – «в столбы» («в шулы»). Это основные внешние характеристики белорусских дворов.

Особо стоит сказать о традиционном внутреннем устройстве жилья белорусов. Обстановка в хате состояла из нескольких функциональных зон, расположенных вокруг печи. При почти квадратном срубе хаты бытовало угловое расположение печи, слева или справа от входной двери, устьем она была повернутым к двери хаты. Ориентировка устья печи определяла и расположение всего внутреннего обустройства. Белорусские печи отличались от русских не только расположением устья, но и тем, что они более разнообразны по функциональным деталям, например, под шестком у них устраивалась полка для посуды, а иногда и две полки с дверками. Кухонная зона находилась напротив устья печи, у входной двери. Еще одна функциональная зона – спальная – располагалась у глухой стены за печью, где «пол» или «нары» для сна, настились примерно на высоте 70 см от земляного или глинобитного когда-то «тока» (эта высота определялась высотой деревянного подруба печи, который при топке не прогревался). Спальная зона часто завешивалась пологом, наброшенным на «ашостак», округлую жердь, одним концом крепившуюся к специальному кронштейну, а другим в противоположную стену, отделяя жилую зону от спальной. Рядом со спальней висела люлька («колыска»), подвешенная к деревянному колку, укрепленному в щели между балкой и потолком. Внутреннее убранство осмотренных нами хат пострадало от времени гораздо больше, чем внешнее: кое-где на прежнем месте сохранились печи (Рис. 4), кое-где на потолке можно еще увидеть «колок» для «колыски», да расписанные масляными красками белорусские ковры – «дываны» (правда купленные в 1950-х гг. у проезжих торговцев).

Рис. 4. Печь в д. Нижний Бурбук

Во всех переселенческих деревнях, как Баяндаевского, так и Тулунского районов, несмотря на значительные различия между собой, легко выделяются черты характерные лишь для белорусской архитектуры и не встречающиеся в архитектуре старожильческих деревень. Подводя итог нашим наблюдениям, можно с уверенностью сказать, что строительная культура белорусов сохранила многие черты и приемы той местности Белоруссии, выходцами из которой были строители. Об этом свидетельствуют формы и пропорции домов, несколько разновидностей рубки углов, отличных от сибирских, конструкция стропил, кровли и потолочного перекрытия, оконные наличники, расположение и формы дворовых построек, их использование. Сохранились в быту и некоторые белорусские названия: «хата», «нары», «застенок» и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аболина Л.А. Некоторые особенности и детали строительной культуры Белорусских переселенцев в Тарском районе (по результатам экспедиции 2013 г.) // Материалы VII региональной

научно-практической конференции «Вагановские чтения», посвященной 420-летию со дня основания г. Тара. Омск, 2014. С. 6-12.

2. Аболина Л.А., Федоров Р.Ю. Элементы белорусских архитектурных традиций в строительной культуре семейских Забайкалья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. №2. С. 159-167.

3. Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2011.

4. Красовский М.В. Курс истории русской архитектуры. Ч. I: Деревянное зодчество. Петроград: т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1916.

5. Локотко А.И. Белорусское народное зодчество. Минск: Наука и техника, 1991.

6. Ополовников А.В., Ополовникова Е.А. Земля Иркутская, деревянная. М.: Ополо, 2004.

7. Сергачев С.А. Белорусское народное зодчество. Минск: Ураджай, 1992.

8. Традиционная культура белорусов во времени и пространстве. Минск: Беларуская навука, 2013.

9. Федоров Р.Ю., Аболина Л.А. Региональные особенности народной архитектуры Ольгинского и Чугуевского районов Приморского края // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. №4. С. 11-21.

10. Чантурия В.А. История архитектуры Белоруссии. Минск: Высшая школа, 1977.

11. Этнаграфія Беларусі: энцыклапедыя. Минск: Беларуская навука, 1989.

12. Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М.: Наука, 1987.

REFERENCES

1. Abolina, L.A., 2014. Nekotorye osobennosti i detali stroitel'noi kul'tury Belorusskikh pereselentsev v Tarskom raione (po rezul'tatam ekspeditsii 2013 g.) [Some features and details of construction traditions of the Belarusian migrants in the Tarsky district (results of 2013 expedition)]. In: Materialy VII regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Vaganovskie chteniya», posvyashchennoi 420-letiyu so dnya osnovaniya g. Tara. Omsk, pp. 6-12. (in Russ.)

2. Abolina, L.A., Fedorov, R.Yu., 2015. Osobennosti traditsionnoi kul'tury semeiskikh Zabaikal'ya [Traditional culture of the Semeiskie in Transbaikal], Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii, no. 2, pp. 159-167. (in Russ.)

3. Belorusy v Sibiri: sokhranenie i transformatsii etnicheskoi kul'tury [Belarusians in Siberia: preservation and transformations of ethnic culture].

- Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN, 2011. (in Russ.)
4. Krasovsky, M.V., 1916. Kurs istorii russkoi arkhitektury. Ch. I: Derevyannoe zodchestvo [History of the Russian architecture. Vol. I: Wooden architecture]. Petrograd: t-vo R. Golike i A. Vil'borg. (in Russ.)
5. Lokotko, A.I., 1991. Belorusskoe narodnoe zodchestvo, seredina XIX-XX v. [Belarusian folk architecture, mid-XIXth – XXth century]. Minsk: Navuka i tekhnika. (in Russ.)
6. Opolovnikov, A.V. and Opolovnikova, E.A., 2004. Zemlya Irkutskaya, derevyannaya [Irkutsk wooden land]. Moskva: Opolo. (in Russ.)
7. Sergachev, S.A., 1992. Belorusskoe narodnoe zodchestvo [Belarusian folk architecture]. Minsk: Uradzhai. (in Russ.)
8. Traditsionnaya kul'tura belorusov vo vremeni i prostranstve [Traditional culture of Belarusians in time and space]. Minsk: Belaruskaya navuka, 2013. (in Russ.)
9. Fedorov, R.Yu. and Abolina, L.A., 2015. Regional'nye osobennosti narodnoi arkhitektury Ol'ginskogo i Chuguevskogo raionov Primorskogo kraia [Regional features of folk architecture of Olginsky and Chuguyevsky districts of Primorsky Krai], Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke, no. 4, pp. 11-21. (in Russ.)
10. Chanturiya, V.A., 1977. Istoriya arkhitektury Belorussii [History of the architecture of Belarus]. Minsk: Vysheishaya shkola (in Russ.)
11. Etnografiya Belarusi: ehntsyklapediya [Belarusian ethnography: encyclopedia]. Minsk: Belaruskaya navuka, 1989. (in Belarussian)
12. Etnografiya vostochnykh slavyan. Ocherki traditsionnoi kul'tury [Ethnography of East Slavs. Essays on traditional culture]. Moskva: Nauka, 1987. (in Russ.)

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ МАКАРОВОЙ К.И.
«НАСЛЕДИЕ МОИХ СОРОДИЧЕЙ».
НЕРЮНГРИ: ПОЛИГРАФИЧЕСКИЙ ЦЕНТР, 2015. 270 С.

В рецензии освещается содержание книги заслуженного учителя Республики Саха (Якутия) Клавдии Иннокентьевны Макаровой, посвященной повседневной жизни эвенков южной Якутии XX века. Опираясь на обширный эмпирический, биографический и архивный материал, книга повествует о сложных социальных процессах, трансформировавших традиционный быт и культуру эвенкийского народа.

Ключевые слова: Якутия, эвенки, этнография, национальная политика, история

Review of the book by K.I. Makarova «The heritage of my tribesmen». Neryungri: Poligraficheskii tsentr, 2015. 270 P. ANNA N. KULIKOVA (Independent researcher, Moscow, Russia)

The review highlights the content of the book of the honored teacher of the Republic of Sakha (Yakutia) Klavdiya I. Makarova dedicated to the everyday life of the Evenks in Southern Yakutia in the XX century. Based on extensive empirical, biographical and archival material, the book tells the story of complex social processes that transformed the traditional life and culture of the Evenk people.

Keywords: Yakutia, Evenks, ethnography, ethnic policy, history

Монография «Наследие моих сородичей» – это исторический экскурс в сравнительно недавнее прошлое эвенков Якутии. В центре внимания автора книги лежит история жителей национального эвенкийского села Иенгра Нерюнгринского района южной Якутии в XX в. Своевременная и современная летопись продолжительностью в столетие повествует о событиях, которые безжалостно стирает время. Исследование представляет собой результат сбора и анализа материалов этнографических и лингвистических экспедиций разных лет в с. Иенгра и г. Нерюнгри, обобщение автором многолетних наблюдений жизни эвенкийской общины.

С начала повествования автор обращается к историческим данным об эвенках, проживающих на территории южной Якутии, зафиксированных путешественниками в XVII в. Традиционный уклад жизни, материальная и духовная культура, быт показаны в том виде, в каком они существова-

ли до социального и промышленного воздействия на эвенкийский этнос. Последующая геологическая разведка в XVIII и XIX вв. сильно повлияла на дальнейшую жизнедеятельность коренного народа. Свое внимание автор акцентирует на XX в., последовательно выстраивая хронологию событий: приводит данные о промышленном освоении района, сведения о взаимодействии и сотрудничестве эвенков каюров и проводников с геологоразведывательными экспедициями. «Какой геолог без оленевода!» – эта фраза становится крылатым выражением. К.И. Макаровой по достоинству оценивается вклад эвенков в открытие полезных ископаемых, месторождений угля – «горячих камней», золотых приисков и других ресурсов.

В книге представлены собранные и систематизированные автором интервью разных лет, повествующие о жизни предков, обладающие несомненной ценностью. Просто и откровенно звучат

* КУЛИКОВА Анна Николаевна, кандидат философских наук, независимый исследователь, г. Москва.

E-mail: belann81@mail.ru

© Куликова А.Н., 2016

прямые голоса живых свидетелей прошлого. В правдивых рассказах старожил, фактически – биографических историях жизни, раскрывается повседневность эвенков XX в. В них можно выделить следующие тематические блоки: бытность эвенков в начальный период промышленного освоения, советизация с переводом на оседлый образ жизни, коллективизация и укрупнение, образование и самое важное – отношение эвенков к этим преобразованиям. Повествование отражает драматические, трансформирующие традиционный образ жизни и общину эвенков события, которые лаконично уложены в текущий жизненный уклад советского периода. «Прямыми голосами» отражены сведения о военном времени мужчин (переживания, потери, радость встреч и горечь утрат), о тяжелом труде эвенкийских женщин и детей в тылу. Повествуется о летнем и зимнем кочевании, семейной жизни, где была многодетность, но вместе с тем и высокая детская смертность, коллективизации и переходе на оседлость – строительстве поселков, формировании колхозов, в которых создаются большие тысячные (нехарактерные для таежного оленеводства) стада не личных, а колхозных оленей. Автор приводит точные даты образования и названия колхозов, численность хозяйств и семей, данные о поголовье оленей, по многочисленным сведениям старожил, а также архивным данным. В книге обобщаются собранные воедино исторические вехи села, интервью старожил-жителей Иенгры, являющихся очевидцами поворотных событий, в спокойном повествовательном тоне передавая читателям таежную и поселковую жизнь отдаленного поселения. Автор является соучастником жизни своих сородичей, сопереживая их трудностям и радуясь удачам, подмечая свойственную эвенкам характерную национальную черту – умение адаптироваться к социальным трансформациям. Несмотря на сильное видоизменение традиционного образа жизни, ставшего «коллективным», «общим», эвенки сохранили опыт оленеводства, охоты и жизни в тайге, что впоследствии стало использоваться в родовых общинах частного типа.

Возможно, ввиду того, что автор по роду своей профессиональной деятельности является учителем, значительное место в книге отводится истории школьного образования эвенков южной Якутии. К.И. Макарова обращается к малоизвестным фактам становления школы как необходимого социального института в эвенкийском обществе, с его достижениями и погрешностями. Ранний этап становления школы знаменуется вертикальным исполнением распоряжений Наробраза, без учета

национальной специфики традиционного кочевого образа жизни родителей и детей, языкового барьера и полного отсутствия необходимой инфраструктуры – пригодных для этих целей зданий. Дети редко зачислялись в школу в одном месте – в одном поселке располагалась начальная школа, в другом – семилетка, в третьем, в районном центре, обучались старшеклассники. Автор анализируется практика создания школ-интернатов, противниками которых было большинство родителей, так как дети жили в отрыве от семьи и тайги. Именно эта практика оказала разрушительное влияние на преемственность семейного кочевого уклада жизни.

Автором приводятся редкие, неопубликованные данные диалогов этнографа Г.М. Василевич с эвенкийскими детьми, в беседе с которыми она «говорила о важности обучения, ... особенно на родном языке». Так как дети рассказывали ей, «что многие ученики на уроках сидели просто так, потому что не понимали ни одного слова». Именно в это время, параллельно с развитием школьного образования, формировалась проблема эвенкийского языка у эвенков, ставшая впоследствии ключевой. Детей обучали на якутском и русском языках, полностью вытесняя родной язык из употребления, что привело к его последующей утрате. Автор отмечает прогресс в школьной системе образования с 1972 г., именно тогда вводится преподавание эвенкийского языка в начальных классах. В последующем, настойчивым и последовательным действиям (к коим имел отношение и автор книги), вводится в образовательные программы национальный и языковой компонент, а также создаются учебники по родному языку. Все эти меры были направлены на восстановление эвенкийского языка. Проблема возрождения эвенкийского языка и возврат его в школу станет значимой по своей актуальности только спустя длительное время. Рассматривая эту проблему, автор делится собственным эмпирическим наблюдениями. На вопрос «Можно ли возродить эвенкийский язык?» от своих сородичей она всегда получала утвердительный ответ: «Да, мы считаем, что возрождение языков малочисленных народов реально». В осмыслении проблемы эвенкийского языка автор призывает к дальнейшим поискам альтернативных решений, что свидетельствует о объективности ее взглядов.

Несмотря на сложности и издержки формирования системы школьного образования, существуют свидетельства бесценных жителей села, хранящих теплые воспоминания о «светочах земли эвенкийской». Информанты с благодарностью вспоминают учителей из средней полосы России,

жен геологов, в 1950-е – 1960-е гг. работавших в с. Иенгра. Они оказали значительное влияние на дальнейшее развитие своих учеников, побуждая их получать высшее образование в ведущих высших учебных заведениях страны. Это послужило формированию национальной интеллигенции, впоследствии сыгравшей важную роль в сохранении фольклора эвенков наслег в письменной форме. Именно национальной интеллигенции (А.Н. Мыреева, Г.И. Варламова Кэптукэ, Н.Я. Булатова и др.) принадлежит инициатива привлечения внимания к решению серьезных социальных вопросов малочисленных народов Севера сегодня. С тревогой и болью они говорят и пишут о бытности потомственных оленеводов и охотников, о том, как сегодня живут их дети. Размышляя о жизни современников, о настоящем и будущем детей и внуков, автор обращается к внутренним, глубинным основаниям человеческой жизни – к национальным корням. Осмысление национальной культуры как источника целостной и гармоничной жизни является одним из решений для эвенкийского этноса.

По биографическим рассказам, приведенным в книге, можно реконструировать сведения о народных сказителях, исполнителях народных песен,

важных встречах и местах кочевания. Отдельные заметки, зафиксированные автором, содержат данные об известной эвенкийской шаманке Матрене Кульбертиновой, устные предания о которой уже сложно услышать в настоящее время. Автор подробно описывает портрет, деятельность, религиозные представления и обрядовую практику почитаемой целительницы. Также с этнографической точностью описаны некоторые ритуалы, которые на сегодняшний день, к сожалению, уже утрачены (обряд приветствия эвенков амурской тайги, укрепляющий родственные связи). Все это позволяют восстановить отдельные стороны быта и культуры эвенков XX в.

Рассматривая в свете опыта прошлого социальные преобразования, которые, к сожалению, стали злободневными проблемами настоящего, автор справедливо ставит вопросы о будущем: сможет ли эвенкийский народ, чья жизнь полна жизнеутверждающей философии и тяжелого оленеводческого труда, «найти ту верную тропу, которая приведет к процветанию и достойной человеческой жизни?» Как полагает автор – да. Определяющей позитивной мотивацией является огромное желание этого народа жить так, как жили их предки – быть хозяевами своей судьбы.

«РУСИНСКИЙ ВОПРОС» И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ МИРЫ ВЛАДИМИРА ЛАМАНСКОГО

«Русинский вопрос» в контексте концепции геополитических миров русского ученого-слависта Владимира Ламанского является составляющей Восточного вопроса как вопроса о важности уяснения культурно-исторической границы между миром романо-германской Европы и главным представителем греко-славянского мира – Россией. Поскольку эта граница, согласно В. Ламанскому, существует в виде «восточной, Закарпатской и Задунайской Греко-Славянской Европы», то для России «русинский вопрос» или «вопрос о Карпатах» оказывается еще и вопросом «сохранения за собой всех своих западных окраин» при невозможности включения их в свои административно-государственные границы.

Ключевые слова: «русинский вопрос», В. Ламанский, Европа, греко-славянский мир, лимитрофные территории, «мягкая сила»

«Rusyn issue» and geopolitical dimensions of Vladimir Lamanskiy. MARINA A. SHULGA (Taras Shevchenko National University of Kyiv)

Within the context of the geopolitical concept of Russian Slavacist Vladimir Lamanskiy «Rusyn issue» is a part of the Eastern Question as a question about the importance of understanding the cultural and historical boundaries between the world of Romano-Germanic Europe and Russia as a main representative of the Greek-Slavic world. Since this border, according to V. Lamanskiy, exists in the form of «east, Transcarpathian and Transdanubian Greco-Slavic Europe», then for Russia «Rusyn issue» or «the problem of the Carpathians» turn out to be a matter of saving its western suburbs in the situation when it cannot drag them into its administrative borders.

Keywords: «Rusyn issue», Vladimir Lamanskiy, Europe, Greco-Slavic world, limitrophe territories, «soft power»

Содержанием «русинского вопроса» принято считать «совокупность правовых, политических и экономических вопросов, связанных с желанием русинов иметь собственное автономное образование и признанную русинскую идентичность» [15]. Исходя из этого определения, можно сделать вывод о наличии двух составляющих «русинского вопроса». А именно: формально-юридической – «собственное автономное образование» и культурно-исторической – «признанная русинская идентичность». Первая составляющая является, бесспорно, важным, но отнюдь не решающим

условием для решения «русинского вопроса». Более того, как свидетельствует история, иногда она либо увязывается с определенной административно-политической интерпретацией культурно-исторической составляющей «русинского вопроса», либо оказывается заложницей поощряемого на том же административно-политическом уровне противостояния артикулируемых лидерами русинов нескольких вариантов «непризнанной русинской идентичности». В первом случае как не вспомнить губернатора Галиции графа Стадиона фон Вартгаузена, назвавшего условием

* ШУЛЬГА Марина Андреевна, доктор политических наук, профессор кафедры государственного управления Киевского национального университета имени Тараса Шевченко.

E-mail: marina_shulga@i.ua

© Шульга М.А., 2016

поддержки самоорганизации русинов со стороны австро-венгерских властей их отказ от национального единства с остальной Русью и развитие своей культуры как самостоятельной, то есть не имеющей ничего общего с культурой русского народа.

Во втором случае уместно обратиться к приведенным К.В. Шевченко словам «неизвестного украинского эмигранта» о том, что чехословацкое правительство использовало в своих интересах факт разделения русин на два враждебных лагеря – русофилов и украинофилов, а именно: «... поддерживало и тех, и других, а когда русины начали добиваться автономии, чехословацкие власти отказывали и требовали, чтобы до получения автономии русины пришли между собой к согласию» [27, с. 271]. Сам же К.В. Шевченко делает вывод, что применительно к русинам обстоятельствами, осложнившимися в 1920-х – 30-х гг. практическую реализацию предусмотренных чехословацким законодательством прав нацменьшинств, следует считать и «наличие нескольких соперничающих между собой идентификационных моделей среди русинов» [27, с. 155].

Это обстоятельство, в свою очередь, свидетельствует о том, что признание русинской идентичности как акт формально-юридический, опять-таки, важный, но не окончательный шаг на пути решения «русинского вопроса». Иными словами, «русинский ответ» не может быть сведен к только лишь «автономии в составе федеративного украинского государства» даже вкуче с «признанной русинской идентичностью» [15], а предполагает, скорее, уяснение сути самой русинской идентичности. Точнее, той модели ее формирования, специфика которой заключается в некоей незавершенности, в том, что ныне эта модель уже стала фактом, но фактом не вполне бесспорным, а потому и не вполне окончательным. Речь – о русинофильстве, считающем русинов «отдельным восточнославянским народом» [27, с. 270].

Как показывает К.В. Шевченко, русинофильство сформировалось, с одной стороны, в рамках русофильства, определявшего русинов «как наиболее западную ветвь единого русского народа от Карпат до Тихого океана» или же как «самую западную ветвь общерусского дерева, сохранившуюся только благодаря духовной связи с Россией» [27, с. 270, 273]. А, с другой стороны, – в противоборстве с украинофильством, представители которого рассматривают русинов «этнографической частью украинского народа с недостаточно “разбуженным” украинским самосознанием» [27, с. 269]. При этом русинофильство противостоит как русофильству в пункте отрицания тезиса о

«едином русском народе в составе великороссов, малороссов и белорусов» [27, с. 272] и принятия теории существования трех восточнославянских народов – русского, украинского и белорусского – с указанием на необходимость внесения в этот перечень русинов как четвертого восточнославянского народа. Так и украинофильству, а, точнее, украинству [13] в пункте отрицания тезиса о том, что «русини – лишь этнографическая разновидность украинцев», а потому априори должны не только отказаться от идеи общерусского единства восточнославянских народов, но и быть сознательными участниками разрушения культурно-исторических связей с русским народом.

В чем же заключается упомянутая выше незавершенность русинофильства? Конечно же, не в том, что перечень восточнославянских народов все еще не расширен в пользу русинов, а на Украине русины так и не признаны в качестве отдельного национального меньшинства. Отвечая на этот вопрос, начнем с того, что все три модели формирования русинской идентичности сходятся в необходимости определения позиции русинов относительно России, а потому вынуждают и саму Россию уяснить собственную позицию относительно каждой из указанных идентификационных моделей. Так, русофильство, даже с учетом существенной трансформации его ключевой идеи о принадлежности русинов к единому русскому народу, фактически поднимает вопрос, как о западных границах общерусского единства, так и о механизмах поддержания духовной (и не только) связи между Россией и Русским миром. Вот почему русофильство как модель русинской идентичности, скорее всего, не может быть полностью отброшена Россией, но и, как заключает в своем докладе Г. Иванов, «в контексте текущей глобальной и региональной геополитики», не может быть задействована буквально. Ведь любая российская инициатива в этом направлении тут же будет классифицирована как «рука Москвы», как «поддержка сепаратизма русинов» и, как следствие, повод для вмешательства США [7]. «Поэтому геополитический расчет, осторожность, гибкость в стратегическом мышлении и благоразумие должны возобладать над эмоциями вокруг вечной дружбы русинского и русского народов, и вспышками политической активности в отношении суверенитета региона, умело управляемой американцами» [7].

Украинофильство с его нацеленностью на разрыв культурно-исторических (и, как показывает сегодняшний день, не только) украино-российских отношений требует от России пристального его изучения в пункте предусмотренных тут прак-

тик дестабилизации и разрушения общерусского единства, дискредитации самой идеи этого единства и в целом – практик уничтожения России, на деле оказывающихся технологиями «разделения России» [1; 4, с. 188; 12, с. 53]. Фактически украинофильство побуждает Россию ни много ни мало к укреплению внутренней, прежде всего культурно-политической консолидации. И к наращиванию своего внешнеполитического и экономического веса с тем, чтобы изменить сложившуюся в мире «диспозицию силы и бессилия» в свою пользу. Диспозицию, которая по выводу Э. Саида, и делает возможными сами практики уничтожения [17, с. 430].

Наконец, русинофильство как идентификационная модель для русинов, на первый взгляд, является сегодня наиболее приемлемой для России и заслуживающей особой поддержки с ее стороны. Ведь эта модель устраняет противостояние русофильства и украинофильства, провозглашая русинов не частью русского или украинского народов, а четвертым, – отдельным, особым, самостоятельным, – восточнославянским народом. Одним словом, «...вопрос о том, станут ли русины отдельным народом или лишь частью какого-либо другого народа, и составляет суть так называемой “русинской проблемы”» [27, с. 20]. Принимая русинофильство, Россия тем самым и отводит от себя подозрения в «имперских притязаниях», и как бы выводит «русинский вопрос» «за скобки» украинофильства, лишая его смысла как модели русинской идентичности. К тому же, «“русинскость” здесь не противопоставлена “русскости”, но, напротив, ее конкретизирует» [16].

Но тут есть один нюанс. Если с русофильством и украинофильством Россия может работать как уже со сложившимися идентификационными моделями для русинов, то русинофильство в качестве такой модели отмечено некоторой незавершенностью в том смысле, что не содержит никаких особых указаний о тех условиях, при которых отдельность и особость способны превращаться в отдаленность и обособленность (культурно-историческую и не только), а затем – и во враждебность по отношению к России. Ведь аргументирование своей особости и отдельности потребует от русинов поиска и гипертрофии именно своих отличительных от остальных представителей восточнославянских народов, прежде всего, конечно, русских, черт. Отличительные черты не так тяжело представить, как разграничительные, а эти последние – как разъединительные, контрастные и в целом враждебные. Ведь украинофильство тоже начинало с акцентирования местных уникальных

культурно-языковых особенностей и отстаивания необходимости их сохранения и культивирования. Скажем, тезисы о том, что русины – это «один из самых древних славянских народов Центральной Европы» и «тисо-дунайская колыбель славянских народов», что «именно прарусинский язык мог быть принят за основу кодифицированного Кириллом и Мефодием славянского языка», что «именно русины вместе с болгарами через 100 лет после своего крещения шли крестить Киевскую Русь» и т.д. [19] при желании легко можно использовать и для раскрытия содержания русинофильства, и для аргументации в пользу несостоятельности идеи общерусского этнокультурного единства.

О незавершенности русинофильства свидетельствует и существование нескольких его модификаций – прословацкой, пророссийской, провенгерской и даже проукраинской («русинская Украина в Закарпатье»), каждая из которых отстаивает соответствующие культурно-политические приоритеты внешнеполитической активности русинов. Петр Гецко, например, утверждает, что русинам не все равно, с помощью чьего влияния будет решен русинский вопрос – России, Венгрии, США или Украины. «... И, тем не менее, те страны, которые критически повлияют на этот вопрос, запишут себе в заслугу признание русинов» [3]. И далее: «Мы не привязаны к конкретной стране – мы привязаны к нашей цели» [3]. В достижении этой цели – «признать русинов народом» [3] – свой интерес демонстрируют и США, которые, отмечает В. Скворцов, играют сегодня роль интеллектуальной базы русинского движения с целью нейтрализации, а затем и полного устранения российского влияния в Подкарпатской Руси [20]. Кроме США такие страны, как Венгрия, Словакия, Польша и Канада, сотрудничают каждая со своим спектром «политического русинства» [20]. И, конечно же, руководствуются при этом своими интересами.

Замечание В. Скворцова подтверждает факт незавершенности русинофильской идентификационной модели. При этом, с одной стороны, именно в силу своей незавершенности русинофильство может быть скорректировано Россией путем противостояния иным, чем пророссийский, его вариантам. А с другой стороны, опять же вследствие своей незавершенности, – влечет за собой определенные риски для России, которые можно обозначить термином «ловушка лимитрофа». Суть этой ловушки – не просто в том, что стратегическое значение Закарпатья априори обуславливает столкновение здесь интересов основных глобальных игроков. И не в том лишь, что Закарпатье пред-

ставляет собой своеобразный цивилизационный перекресток, расшатав который на выходе можно получить еще один «управляемый эпицентр нестабильности длительного действия», переведя «стрелки за дестабилизацию на Москву, которая якобы “поддержала” сепаратизм» русинов» [7].

«Ловушка лимитрофа» обусловлена, в первую очередь, теми культурно-историческими характеристиками, которыми, по мнению В. Цымбурского, Восточная Европа вкуче с Прикарпатьем и Приднестровьем выделяется в структуре Великого Лимитрофа [24, с. 213-217, 225]. Речь идет о статусе «размытого переходного континуума», благодаря которому Восточная Европа существует как континуум народов, тяготеющих одними своими чертами к цивилизации России, а другими – к так называемой «коренной» или «настоящей» Европе [24, с. 215, 217]. На восток от этой последней, где «романо-германизм», западное христианство, латинское письмо и средневековое архитектурное наследие готики образуют единое целое, лежит пространство, в котором отдельные признаки «настоящей Европы» отщепляются друг от друга и порознь сходят на нет [24, с. 216].

Указанное пространство, простираясь «от Одера до Прикарпатья», образует своеобразный интервал между «почти несомненной Европой» и «практически очевидной не-Европой», а из-за соседства с Ближним Востоком, не просто периферию Западной Европы, но и в полном смысле межцивилизационное пространство, потенциально обладающее несколькими – взаимодополняющими – «культургеографическими строениями» [24, с. 217, 233]. Именно поэтому здесь постоянно разыгрываются исторические драмы с намерениями «вернуться» или «вписаться» в Европу, которые натываются на экономические, психологические и иные препятствия, на двойственность так называемой «недоинтегрированности» в целом [24, с. 216]. Любопытный признак, подмечает В. Цымбурский, отделяющий здешние народы от России, можно политически использовать для сближения с Западом и наоборот [24, с. 218]. Иными словами, любое политическое или культурное отмежевание от России может быть истолковано как «дрейф в Европу», даже если «дрейфующий» народ остается православным и славянским [24, с. 220].

Вот почему в процессе формирования здесь культурно-этнических идентичностей социально-политические факторы играют «более важную роль, чем объективно существующие культурные особенности» [27, с. 1]. Вот почему, анализируя противоборство различных идентификационных моделей среди русинов, – русофильской, украинско-

фильской и русинофильской, – Пол Магочий делает вывод, что все они имели теоретические шансы на успех, который «зависел от того, в какой степени правящие власти и местная элита были в состоянии прийти к согласию относительно проведения четкой и последовательной национальной политики [27, с. 30]. Получается, что успех той или иной идентификационной модели в континууме «Промежуточной Европы» [23, с. 269] во многом определяется консолидированной ее поддержкой со стороны представителей политической элиты и интеллигенции, причем не обязательно лишь «своей». Как тут не вспомнить Г.П. Федотова: «Мы сами отдали Украину Грушевскому и подготовили самостийников» [21, с. 65].

Таким образом, для России «ловушка лимитрофа» в случае необходимости уяснения своей позиции по отношению к русинофильству означает что, с одной стороны, Россия не может устраниваться от участия в «доработке» этой идентификационной модели в свою пользу, поскольку в противном случае она грозит «состояться» как очередной антироссийский проект. А с другой стороны, не может и демонстрировать свое участие активно и напористо, не может позиционировать его как приоритетное для себя, поскольку все «российские инициативы» в Закарпатье, по замыслу Збигнева Бжезинского, тут же должны быть использованы как повод для вмешательства США [20].

Предотвратить попадание в эту ловушку можно в случае увязывания позиции России в «русинском вопросе» с задачей выработки последовательной и целостной доктрины ее «политики на Великом Лимитрофе» [24, с. 197, 235]. Политики, призванной не допустить сборку основных его секторов, прежде всего Восточной Европы, под антироссийскими лозунгами, а также не позволить России «увязнуть» в своих лимитрофных территориях, что рано или поздно обернется для нее внутренним надломом и расколом. Первоочередность Восточной Европы объясняется тем, что именно через нее Великий Лимитроф, собранный в виде сквозной «стратегической и геоэкономической целостности», получает доступ к Евро-Атлантике [24, с. 308]. Но и не только этим. «Европейские» признаки, подмечает В. Цымбурский, в поясе «от Одера до Прикарпатья» имеют свойство убывать «как бы ступеньками с запада на восток» [24, с. 217]. Причем в северной его части они исчезают постепенно и плавно, а вот южнее Карпат уже «создают резкий рубеж между Русской равниной и Европейским субконтинентом» [24, с. 217]. Отсюда – «своеобразная пороговость Прикарпатья в околочивилизационном интервале» [24, с. 217].

Фактически, его мир – это такая себе «граница границы». Не просто западный рубеж как Русского мира, очерчиваемого идеей общерусского единства, так и «места развития» России-Евразии, каковым у евразийцев является «область степей и пустынь, тянущаяся непрерывной линией от Карпат до Хингана» [18, с. 285]. Но и восточная граница интервала между «почти несомненной Европой» и «практически очевидной не-Европой», на пространствах которой собственно «европейское» нивелировано. Вследствие этого «...Закарпатье находится на разломе цивилизаций или лучше сказать – на стыке» [3]. Не случайно, заключает В. Цымбурский, именно к Карпатам тяготеет в XX в. феномен униатства – «“греко-католичества”»: ведь он как бы нейтрализует фундаментальное различие “принадлежность – непринадлежность к западному христианству”» [24, с. 217]. Не случайно, наверное, русины, переходившие в начале XX в. из униатства в православие, австро-венгерскими властями обвинялись в государственной измене и привлекались к судебной ответственности. А результатом прямого контакта русофильской идентичности с «несомненной Европой» стали первые в Европе концентрационные лагеря – Талергоф и Терезин.

Итак, с одной стороны, Прикарпатье – это «резкий рубеж между Русской равниной и Европейским субконтинентом», где «европейских» признаков как бы уже и нет. Иначе, откуда резкость? Но отсюда же и важность специальных культурно-политических усилий со стороны всех, кто претендует на удержание Прикарпатья в зоне притяжения «Европейского субконтинента», в том числе и за счет «подчеркивания неких квазиевропейских качеств» [24, с. 216]. К слову, украинофильская модель русинской идентичности вполне может служить примером таких усилий.

С другой же стороны, Прикарпатье – элемент Восточной Европы, восточная граница этого «околоцивилизационного интервала». А «чем восточнее, тем более расплывчатыми, спорными и часто претенциозными становятся здесь цивилизационные идентификации» [24, с. 216]. Поэтому, наверное, так важно, чтобы русинофильская модель идентичности не обернулась очередным русофобством. В случае Закарпатской области Украины это особенно важно, поскольку русины составляют тут основное население, а русофобство сейчас фактически приравнено к официальной идеологии Украины. Но как предупредить такую возможность, если любые действия со стороны России по созданию приемлемой для нее конъюнктуры на этом участке Великого Лимитрофа всегда будут

особо резкими на фоне «пороговости Прикарпатья», но без них – русинофильство вполне может повторить судьбу украинофильства? Россия ведь начала игру на Великом Лимитрофе в условиях, когда он уже был частично собран и оформлен без ее участия. Стоит лишь вспомнить, что США не только имеют на своей территории мощные научно-исследовательские центры русинского движения, но и связывают их в единую сеть с организациями в Украине, а русинская тематика тщательно изучается ведущими европейскими университетами стран-соседей Украины [20].

Осмысление возможных способов выхода из указанной выше дилеммы можно проследить в работах известного русского ученого-слависта В.И. Ламанского. В частности, в его размышлениях о соотносительности греко-славянского мира и мира «восточной, Закарпатской и Задунайской, Греко-Славянской Европы». Не вдаваясь в детали учения В. Ламанского о греко-славянском мире, отметим те его моменты, которые могут быть интересными в русле проблематики «русинского вопроса».

Согласно В. Ламанскому, в пределах Азиатско-Европейского материка следует различать три мира, каждый из которых имеет свои, только ему присущие географические и культурные особенности. Это – «собственно Европа» или западная, романо-германская или католическо-Протестантская Европа; «собственно Азия» с ее древними и средневековыми цивилизациями, варварством, разнообразными дикими или полудикими племенами и народами; Средний или греко-славянский мир – «ненстоящая Европа» и «ненстоящая Азия». «Русинский вопрос», будучи географически локализованным в «Руси Угорской, Карпатской», которая никак «не могла появиться в XII и XIV веке», ведь еще «мадьяры XIII в. не считали Русин новопереселенцами» [10, с. 145], каким-то образом связан, прежде всего, с отношениями «собственно Европы» и греко-славянского мира. В чем заключается главный вопрос этих отношений, и какое место в нем отведено собственно «русинскому вопросу»?

Главное и существенное отличие Греко-Славянского мира от Романско-Германского находится в плоскости социально-политических идеалов и устремлений, а также культурно-исторических характеристик [9, с. 2, 44-45]. «Собственно Европа» в этнологическом и культурно-историческом плане характеризуется дуализмом романских и германских начал, которые в будущем, вследствие бурного развития англосаксов, неизбежно «будут вынуждены согласиться на второстепенную роль,

не только в мире, но и в собственно Европе» [11, с. 41]. Средний мир, будучи Востоком для Европы и Западом для Азии, является Россией, а его границы охватывают границы всей Российской империи. Этот мир в отличие от романо-германского мира «собственно Европы» в исторически-культурном отношении является миром греко-славянским [11, с. 54]. То есть: в культурном отношении этот мир является преимущественно греческим или православным, а в этнологическом – славянским [11, с. 56-57]. Причем обе характеристики представлены русским народом: «Численно, пространственно и духовно преобладает в мире Греко-славянском одно племя славянское, а в нем и через него – один народ и язык русский» [11, с. 82-83].

История соперничества романо-германского и греко-славянского миров образует своеобразную ось, вокруг которой вращается колесо истории христианско-арийских племен Европы и Азии [9, с. 32]. Это объясняется тем, что романо-германцы в Новом мире, а славянство в Азии несли в себе начала будущих мировых государств, перед которыми бледнеют все более или менее фантастические попытки возродить Римскую империю [9, с. 27]. Более того, само разграничение этих миров восходит к первой попытке такого возрождения, которая была осуществлена во времена Карла Великого и должна была символизировать собой наказание греков способом похищения у них *imperium orbis*, – «владения миром», – и переноса его на Запад в награду за его религиозное благочестие. Не случайно все последующие походы и союзы против турок имели целью не только изгнание их из Европы, но и подчинение восточных христианских общин Римскому престолу, что должно было знаменовать восстановления Латинской империи на Босфоре.

Концентрированным выражением противостояния романо-германской и славянской попыток реализовать *imperium orbis*, по мнению В. Ламанского, стал восточный вопрос, содержанием которого для греко-славянского мира следует считать «собственно вопрос сохранения за собою всех своих западных окраин» и проблему определения западных границ греко-славянского мира в целом [9, с. 1, 29]. Трудность решения этой проблемы обусловлена существованием между романо-германским и греко-славянским мирами некоего переходного в культурном отношении пространства – «восточной, Закарпатской и Задунайской, Греко-Славянской Европы». Это пространство ни по своим географическим характеристикам, ни по своему этнографическому составу, с одной

стороны, не похоже ни на романо-германскую Европу, ни на греко-славянский мир. А, с другой стороны, – по этим же показателям не образует целостного организма и не существует в виде самостоятельного исторического типа. «Для нас Россия оканчивается на Восточном Океане, в соседстве Японии и Китая, в Туркестане и в Закавказье, на границах Персии и Азиатской Турции, а Европа начинается на границах Пруссии, и едва ли Румынии и Австрии, первую и славянские земли до Чехии, Истрии, Далмации, Черной Горы и Албании включительно мы не зовем Россией, но всегда затрудняемся давать им название Европы» [9, с. 234]. Вот почему Россия является главным и даже единственным самобытным представителем греко-славянского мира, в то время как понятие об этом мире ею одной не исчерпывается и к ней одной не сводится [9, с. 38].

Однако, подчеркивает В. Ламанский, романо-германцев не пугает мысль о завоевании Россией этих земель – это только ослабило бы Россию [8, с. 663]. А значит, западная граница греко-славянского мира – «восточная Греко-Славянская Европа», – может стать западной границей России не в случае вхождения ее в административно-государственные границы последней, а при условии установления и упрочения здесь российского культурно-политического доминирования. Только тогда Россия приобретет вид «особого самобытного материка», то есть окончательно реализует свой вариант *imperium orbis*. В этом отношении важность задунайского и закарпатского Славянского мира для России подобна важности Мексики для Северной Америки [9, с. 42].

При этом важно учитывать один нюанс при определении границ Среднего мира. А именно: если границы Среднего мира с собственно Азией практически совпадают с его политическими границами, имея свойство переходить в границы этнографические, то его границы с «собственно Европой» являются преимущественно культурно-историческими. «Если на востоке и юге, именно в Азии, и частично в Европе, на северо-западе, границы России со Швецией и Норвегией почти совершенно совпадают с этнологическими и историко-культурными границами Среднего мира от собственно Азиатского и собственно Европейского, то на прочем западе и юге эти европейские границы Среднего мира заметно и значительно расходятся с государственными границами России» [11, с. 20]. Соответственно, отмечает В. Ламанский, западные и южные сухопутные политические границы Европейской России с Пруссией, Австрией и Румынией являются искусственными

в том смысле, что на землях, лежащих за ними, хотя и заканчивается политическое доминирование и господство восточного православия, славянского языка и народности, но не прекращается численное их преобладание. Эти земли сами по себе занимают довольно незначительную площадь для того, чтобы образовать самостоятельный мир, а потому с культурно-исторической точки зрения должны быть отнесены не к «собственно азиатскому» и «собственно европейскому» мирам, а к миру Среднему. «Таким образом, не отождествляя и не сливая с Россией прилежащих к ней земель славянских и православных, мы не можем, однако, с точки зрения этнологической и историко-культурной, даже политической, не причислять их к одному с ней разряду или миру и должны отделять их от мира собственно азиатского и от мира собственно европейского» [11, с. 26].

Учитывая, что в будущем «центр тяжести» романо-германского мира переместится к «достаточно укрепшему Новому Свету, сначала в Англию, а затем и в Северную Америку», культурно-историческая противоположность Романо-Германского и Греко-Славянского миров обернется жестким их противостоянием и окончательным разграничением по линии «восточной Греко-Славянской Европы» [9, с. 29]. Это обусловлено тем, что реализация романо-германским миром собственной попытки *imperium orbis* исторически оказывалась невозможной без греко-славянского мира, обращение к которому только и позволяло разрушить (и восстановить!) в первом политическое равновесие под руководством того или иного, – романского или германского, – начала. Англо-саксонский же мир, благодаря своим колониям и владениям, не подпадает под «чисто Европейские понятия политического равновесия», а потому видит в греко-славянском мире отнюдь не союзника и помощника для утверждения своей версии *imperium orbis*, отбрасывающей «прежнее определение великих Европейских держав», а, скорее, конкурента и преграду, ведь «Европейские понятия политического равновесия и великих держав еще менее приложимы к России, чем к Великобритании и Америке» [9, с. 38]. И будут «приложимы» все менее и менее по мере «развития русской образованности, увеличения железных дорог и усиления внешней и внутренней торговли России» [11, с. 82]. Поэтому распространение русского языка «в землях Славянских на юг за Дунаем, и на Запад за Вислою и Карпатами» несет на себе печать «грозной судьбы», неизбежности «колоссальной борьбы» России за «свою духовную и внешнюю самостоятельность» [8, с. 532; 9, с. 37].

Свидетельством этого можно считать различные теории, первоначально содержавшие негативные оценки славянства и славянской истории, а впоследствии направленные исключительно против русских. Суть этих теорий сводится к тому, что московиты, не являясь славянами, имеют частично финское, частично турецко-татарское, а в целом туранское происхождение, и поэтому между московитами и восточными славянами, несмотря на то, что и те, и другие называются Русскими, существует глубокое, неискоренимое отличие в народном духе, обычаях и общественном строе [9, с. 279-284]. Такое смещение акцентов объясняется стремлением романо-германского мира окончательно закрепить свое культурно-политическое доминирование в «восточной Греко-Славянской Европе» и таким образом ослабить существования России в качестве «великого политического тела» за счет вытеснения России до Волги и Урала, установления западной границы России по Западной Двине и Днепру и т.п. [9, с. 109].

Подытожим. У В. Ламанского «русинский вопрос» является частью Восточного вопроса как вопроса прохождения границы, прежде всего, культурно-исторической, между «собственно Европой» и Россией как «главным и даже единственным самобытным представителем Греко-Славянского мира». «Для нашего мира это вопрос западный, ибо тут идет речь собственно о том, где именно начинаются западные границы или окраины славянства и восточного христианства и где кончаются восточные пределы романо-германского запада или Европы Карла V. и Григория VII?» [8, с. 542]. Поскольку эта граница существует в виде «восточной, Закарпатской и Задунайской, Греко-Славянской Европы», то для России это и вопрос «сохранения за собой всех своих западных окраин». Вот почему В. Ламанский называет важнейшей частью восточного вопроса «вопрос о Карпатах» [8, с. 670]. Как вопрос о судьбах тех, кто «по эту и по ту сторону Карпат принадлежит к той же русской народности, говорит тем же русским языком и, несмотря на все искажающее влияние латинства, причисляет себя к сынам православной Церкви» [8, с. 676]. Вот почему отстаивает статус русин как автохтонных жителей «Карпатской Руси», указывая, что «еще мадьяры XIII в. не считали Русинов новопоселенцами» [10, с. 145]. Для В. Ламанского это не вопрос празднично-исторический, а вопрос о «бытности Славянской Карпатской Руси» [10, с. 145]. Вопрос о том, будет ли сохранена эта «бытность» и, тем самым, западные окраины России, в ситуации, когда Россия не может сделать их своими политически, но

и не может отказаться от них как от сферы своего культурно-политического влияния. Ведь и в том, и другом случае не избежать жесткого противостояния с англо-саксонским миром как преемником «собственно Европы». Поэтому-то В. Ламанский и заключает: «Из всех учений в мире о границах естественных и народных, конечно учение о необходимой принадлежности Русских Карпат к империи Всероссийской есть учение самое умеренное, правильное и благоразумное» [9, с. 38].

Не отрицая «значения дипломатии и войн в развитии восточного славянского вопроса», В. Ламанский отстаивает первоочередность «умеренности, правильности и благоразумия» в отношении «восточной Греко-славянской Европы», предполагающих, во-первых, «распространение русского языка вне пределов России». Во-вторых, «изучение славянских языков и литературы в России и умственное и литературное ее общение с миром славянским» в целом, а также «ближайшее ознакомление с бытом и характеристическими особенностями Южной Руси» в частности [8, с. 34; 10, с. 191]. На практике это предполагает отказ от представления «как будто вне войны не существует иной борьбы и соперничества» и сосредоточение усилий на кропотливой «обработке вопросов и задач теории политики» [8, с. 547, 695]. Более же конкретно – мер, осуществляемых «и государственно, и общественно» и направленных на «распространение русских книг литературного и научного содержания»; «открытие русских книжных лавок»; «развитие желаний и потребности узнать Россию и русскую культуру» и «подписаться на русские издания»; «выдачу постоянных пособий преподавателям русского языка»; оказание «помощи в литературной обработке местных наречий, без чего они будут отданы на откуп германцам» и т.п. [8, с. 466, 685, 737, 738, 814-815].

Такая повестка дня объясняется тем непреложным фактом, что и германизм своим успехам в наступательном движении на славянский Восток обязан был «далеко не одним своим силам, а прежде всего и преимущественно латинству, римско-католической церкви» [8, с. 530]. «Религиозные и ученые миссии и школы», «изучение почвы людьми промышленными и торговыми», использование «личного творчества, частной и общественной инициативы», «внешняя организация и дисциплина» – вот подлинные причины успехов немцев, англичан и романцев [8, с. 530, 531, 545]. Причины, требующие и от России «успехов не одной дипломатии, не одних военных сил, не одних финансов, но всех сторон и частей русского государственного строя и хозяйства» [8, с. 533].

Важную роль среди этих «сторон и частей» может сыграть и консолидированная позиция интеллигенции, призванная обеспечить России как «ясное разумеение своего внутреннего и своего внешнего по отношению к Западу положения», так и «выработку целой программы вопросов» по предмету отношений России к каждой народности «восточной Греко-Славянской Европы» [8, с. 536, 546].

Но, к сожалению, признает В. Ламанский, большинство образованных людей в России считают восточный вопрос, а, следовательно, и «русинский» как его составляющую, «делом пустым, ничтожным и не стоящим внимания» [10, с. 191]. «Оно нередко выражает самое искреннее пожелание, чтобы этих вопросов впредь не существовало, чтобы раз навсегда мы махнули на них рукой и занялись своими внутренними делами» [8, с. 526]. В этом контексте показателен вывод К. Шевченко о том, что многие русофильские публицисты вину за инициирование и поддержку сепаратистского движения среди малороссов возлагали не только на австрийские власти, но и на великорусскую либеральную общественность, которая способствовала отчуждению малороссов и великороссов [27, с. 278]. Суть этих обвинений может быть сведена к следующему: «именно великороссы указывали на различия между великороссами и малороссами, в то время как малороссы подчеркивали сходство обоих русских племен»; «примечательно, что самыми последовательными и убежденными противниками украинской пропаганды часто выступали сами малороссы»; «русская интеллигенция не знает и не понимает Галицкой Руси» и т.п. [27, с. 79, 83, 278]. Вспомним, что и сам В. Ламанский называл позицию Н.Г. Чернышевского и в его лице всей либеральной России таковой, что игнорирует всю важность русинского вопроса, убивает в сознании Угорской Руси историческую связь со всей Русью и, вследствие этого, доставляет большое наслаждение политическим врагам русинов [8, с. 619, 626, 631].

Указанная В. Ламанским повестка дня для России по отношению к «своим западным окраинам» суть не что иное, как своеобразный эскиз той самой «мягкой силы», в отсутствие которой принято сейчас обвинять Россию, в том числе, в связи и с событиями на Украине [13; 22; 25]. Если обратиться к В. Ламанскому, то сама необходимость «мягкой силы» обусловлена тем неоспоримым фактом, что «в исторической жизни немаловажное принимают участие взаимные народные симпатии и антипатии» [8, с. 39]. Разработка концепции «мягкой силы» движется осознанием того, что «внутреннее состояние», «внутренние дела»

России – это «и есть самая важная, самая существенная часть восточного славянского вопроса» [8, с. 535]. А потому всякое «ускорение» этого вопроса без «предварительного, благоприятного решения главнейших вопросов внутренней русской политики» следует считать несвоевременным [8, с. 697]. Осуществление же «мягкой силы» всегда будет затруднено тем не очень приятным для России фактом, что лидерам славянских народностей в «спокойные времена» свойственно забывать о России, побранивать ее, говорить, что «она-де ничего для славян не делает» и что «все-де, что имеем, добыли мы сами» [8, с. 472]. Но лишь только им угрожает опасность, «они мгновенно уразумевают, что такое для них была и есть Россия и во что они без нее опять обратятся» [8, с. 472].

Далее, на уровне конкретных политических секторов «мягкая сила» осуществляется через контакты с их, прежде всего, официальными представителями, которые во многом уже испытали на себе действие технологий социализации и социального обучения [5, с. 36-37]. Учитывая это, В. Ламанский указывает на важность получения молодежью «восточной Греко-Славянской Европы» высшего образования не в Западной Европе, а в России. Лишь в этом случае ей будет чуждо «горделивое презрение европейского Запада к своему народу» и понятны «трудности соприкосновения народной жизни с жизнью европейской» [8, с. 825, 826].

В целом же, можно заключить, что успех «мягкой силы» предполагает отказ от привычки «обращать внимание только на одну жизнь государственную и политическую; как будто бы судьба Русских, верных своей народности, не живущих, однако в Русской территории, не составляет органической части Русской истории» [10, с. 64]. Фактически речь идет о принятии во внимание и поддержании «чувства принадлежности к особой солидарной группе» в условиях «минимальной или отсутствующей реляционной связанности» [2, с. 100]. Материя тонкой, но очень важной для недопущения «поспешных выводов и заключений», на которые указывал В. Ламанский как на одну из причин, мешающую выработать программу вопросов об отношении России к своим «соплеменникам и единоверцам», находящимся за пределами России. Их чаяния и сочувствие – «величины, конечно, невесомые и неосязаемые», но для России они стоят «целых армий и кредиторской услужливости европейских банкиров» [8, с. 443].

Возьмем, к примеру, тезисы «Закарпатье – не Галичина» и «Русины – не бандеровцы» [6]. «Закарпатье – не Галичина». Но ведь и Галичина не

была изначально «Украинским Пьемонтом». И разве не Н. Чернышевский призывал галицких русин не отделяться от малороссов, не придумывать себе «особенное ломаное наречие», а использовать их язык, вопрошая: «Разве он так далек от языка русинов, что им нужно писать другим наречием?» [26].

«Русины – не бандеровцы». Но и украинцы в качестве граждан Украины не могут быть поголовно приравнены к бандеровцам. Сколько украинцев, имея украинский паспорт, стали украинцами в том первоначальном смысле этого слова, призванном не только «внушить малороссам мысль инородничества к русскому народу, чтобы порвать всякую историческую связь даже в названии» [27, с. 277]. Но и обозначить особый политико-идеологический проект, нацеленный на «расчленение России» [1], «ослабление России вплоть до ее раздробления и распада» [4, с. 188], «оттеснение России в границы Московского царства» [12, с. 59-60]? А сколько не стали? И когда П. Гецко утверждает, что «русины готовы сотрудничать со всеми, кроме бандеровцев» [14], то к этим «всем» причисляются ли и те, кто классифицирует Россию в качестве одной из мировых угроз наряду с ИГИЛ и лихорадкой Эболы? Напомним, что США довольно плотно работают с русинскими общинами. Не поэтому ли, например, в Сербии «получилось так, что все русинские СМИ теперь работают против интересов русин»? [16]. Отождествление названия государства с названием специфического политико-идеологического проекта «бескомпромиссной, тотальной и непрерывной» борьбы с Россией с целью расчленения ее «на самостоятельные национальные государства» [1] обернулось для граждан этого государства злобной гримасой...

Что самое интересное. И российские либералы, поддерживающие ныне официальный Киев в его «борьбе с Россией», само собой «бескомпромиссной, тотальной и непрерывной», и то «множество русских людей», готовых и сегодня «откровенно проклинать и этот восточный и все эти славянские вопросы» [8, с. 526], и те, кто призывает, «чтобы мы раз навсегда махнули на них рукой и занялись своими внутренними делами» [8, с. 526], по сути дела, являются украинцами, то есть приверженцами отпадения (не только политического, но и культурного) от России ее западных (и не только!) окраин. Но где начинаются эти окраины? Ответ на этот вопрос ведь уже дан: на «натуральных границах Московии» – «границах года 1553-го» [12, с. 59-60]. Не потому ли В. Ламанский и заключает о недопустимости для русского общества как

«легкомысленного отношения к восточному вопросу», так и «тупого равнодушия к положению и судьбе своих русских единоверцев и соплеменников»? [8, с. 461].

Рассуждения о «русинском вопросе» плавно перешли в плоскость «украинского вопроса». И это не случайно. Как писал В. Ламанский, «весьма древне на Руси существование Украин, передовых постов народа Русского, воздвигаемых им в видах чисто охранительных <...>» [10, с. 151]. И «украинский вопрос», и «русинский вопрос» являются для России вопросами ее политики «мягкой силы» на Великом Лимитрофе, поэтому недооценка «украинского вопроса», граничащая с его игнорированием, вполне логично обернулась «украинским уроком» [25]. Содержание этого урока, кстати, тоже было предугадано В. Ламанским: «... всякие попытки отторгнуть, например, Киев от России, вызовут такие бедствия и несчастия, последствия которых нельзя и предвидеть» [8, с. 625]. Хочется надеяться, что в «русинском уроке» признаваемая русинофильство «изначальная русскость», будет, как пишет О.Б. Неменский, действительно акцентирована в «местных исторических и этнографических особенностях» [16], а не переформатирована за их счет до неузнаваемости.

На фоне активизации поддержки Венгрии своей общины в Закарпатье и признания того же П. Гецко о том, что русины биполярны, «настроены и на Европу, и на Россию» [3], это особенно важно. Ведь, как пророчески предупреждал В. Ламанский, «осиленные германизмом» славяне становятся «непримиримыми врагами русского народа» ... [8, с. 740].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бандера С.А. Перспективи української революції [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.stepanbandera.org/bandera_perspective_content.htm
2. Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
3. Гецко П. Русины – часть русского мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kolokolrussia.ru/russkiy-mir>
4. Донцов Д.И. Твори. Том I. Геополітичні та ідеологічні праці / О. Баган (упоряд., передмова, комент.); Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. Грушевського НАН України. Львів: Кальварія, 2001.
5. Европеизация и разрешение конфликтов: конкретные исследования европейской периферии. / Бруно Коппитерс, Майкл Эмерсон и др.; пер. с англ. М.: Весь мир, 2005.
6. Закарпатье не Галичина, русины не бандеры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://русскоедвижение.рф>
7. Иванов Г. Станет ли «русинский вопрос» геополитической ловушкой для России? Доклад на конференции «Прикарпатская Русь и Русская цивилизация» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruskline.ru/tema/politika/rusinskij_vopros/?p=2
8. Ламанский В.И. Геополитика панславизма. М.: Институт русской цивилизации, 2010.
9. Ламанский В.И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб., 1871.
10. Ламанский В.И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб., 1859.
11. Ламанский В.И. Три мира Азийско-Европейского материка. Пг., 1916.
12. Липа Ю.І. Розподіл Росії / О. Гринів (упоряд.). Львів: Інститут народознавства НАН України, 1995.
13. Неменский О.Б. Чтобы на Руси не было Руси: исторические особенности идеологии украинства // Вопросы национализма. 2011. № 1. С. 77-123.
14. Онуфриенко М. Венгрию, Польшу и Румынию ожидают большие потрясения в связи с украинским кризисом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nakanune.ru/articles/110737/>
15. Русин М. Русинский вопрос – русинский ответ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russian.kiev.ua/material.php?id=11607160>
16. Русины Карпатской Руси: проблемные вопросы истории и современность: сб. научных статей по материалам Междунар. науч.-практ. конф. «Геноцид и культурный этноцид русинов Карпатской Руси (конец XIX – начало XXI в.)», г. Ростов-на-Дону, 19 дек. 2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://h.120-bal.ru>
17. Саїд Е. Орієнталізм / Пер. з англ. В. Шовкун. К.: «Основи», 2001.
18. Савицкий П.Н. Континент Евразии / А.Г. Дугин (сост.). М.: Аграф, 1997.
19. Сидор Д. Русины (как terra incognita) в III тысячелетии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/560.htm>
20. Скворцов В. Русины и Запад: qui prodest? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2009/04/17/
21. Федотов Г.П. Три столицы // Федотов Г.П. Полн. собр. соч.: в 6 т. Т. 1. Париж: УМСА-Пресс, 1988. С. 49-70.
22. Филимонов Г.Ю. Актуальные вопросы формирования «мягкой силы» Российской Федерации

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cont.ws/post/102988>

23. Хаусхофер К. О Геополитике. Работы разных лет. М.: Мысль, 2001.

24. Цымбурский В.Л. Геополитические и хронополитические работы. 1993-2006. М.: РОС-СПЭН, 2007.

25. Чернега В.Н. Украинский урок. России следует извлечь выводы из поражения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ni.globalaffairs.ru>

26. Чернышевский Н.Г. Национальная бестактность. Отрывок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://litopys.org.ua/shevchenko/vosp72.htm>

27. Шевченко К.В. Славянская Атлантида. Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX вв. М.: Издательский дом «Регнум», 2010.

REFERENCE

1. Bandera, S.A., 1998. Perspektivi ukrains'koi revolyutsii [Perspectives of Ukrainian revolution]. URL: http://www.stepanbandera.org/bandera_perspective_content.htm (in Ukrainian.)

2. Brubeyker, R., 2012. Etnichnost' bez grupp [Ethnicity without groups]. Moskva: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki. (in Russ.)

3. Getsko, P. Rusiny – chast' russkogo mira [Rusyns – a part of the Russian world]. URL: <http://kolokolrussia.ru/russkiy-mir> (in Russ.)

4. Dontsov, D.I., 2001. Tvory. Tom I. Geopolitichni ta ideologichni pratsi [Works. Volume I. The geopolitical and ideological works]. L'viv: Kal'variya. (in Ukrainian.)

5. Kopytters B., Emerson M. et al., 2005. Evropeizatsiya i razreshenie konfliktov: konkretnye issledovaniya evropeyskoy periferii [Europeanization and conflict resolution: case studies of the European periphery]. Moskva: Ves' mir. (in Russ.)

6. Zakarpat'e ne Galichina, rusiny ne bindery [Zakarpatye not Galicia, Rusyns not Bandera]. URL: <http://ruskoedvizhenie.rf> (in Russ.)

7. Ivanov, G. Stanet li «rusinskiy vopros» geopoliticheskoy lovushkoy dlya Rossii? Doklad na konferentsii «Prikarpatskaya Rus' i Russkaya tsivilizatsiya» [Will the «Rusyn issue» become a geopolitical trap for Russia? «Russia and the Carpathian Russian civilization» conference report]. URL: http://ruskline.ru/tema/politika/rusinskij_vopros/?p=2 (in Russ.)

8. Lamanskiy, V.I., 2010. Geopolitika panslavizma [Geopolicy of pan-Slavism]. Moskva: Institut russkoi tsivilizatsii. (in Russ.)

9. Lamanskiy, V.I., 1871. Ob istoricheskom izuchenii greko-slavyanskogo mira v Evrope [Towards the historical study of Greek-Slavic world in Europe]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

10. Lamanskiy, V.I., 1859. O slavyanakh v Maloy Azii, v Afrike i v Ispanii [About the Slavs in Asia Minor, Africa and Spain]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

11. Lamanskiy, V.I., 1916. Tri mira Aziysko-Evropeyskogo materika [Three dimensions of Asia-Europe continent]. Petrograd. (in Russ.)

12. Lyipa, Yu.I., 1995. Rozpodil Rosii [Division of Russia]. L'viv: Institut narodoznavstva NAN Ukraini (in Ukrainian.)

13. Nemenskiy, O.B., 2011. Chtoby na Rusi ne bylo Rusi: istoricheskie osobennosti ideologii ukrainstva [In order that there was no Rus' in Rus': historical features of the ideology of Ukrainian heritage], Voprosy natsionalizma, no. 1, pp. 77-123. (in Russ.)

14. Onufrienko, M. Vengriyu, Pol'shu i Rumyniyu ozhidayut bol'shie potryaseniya v svyazi s ukrainским krizisom [Hungary, Poland and Romania expect big upheavals with reference to the Ukrainian crisis]. URL: <http://www.nakanune.ru/articles/110737/> (in Russ.)

15. Rusin, M. Rusinskiy vopros – rusinskiy otvet [Rusyn issue – Rusyn answer]. URL: <http://www.russian.kiev.ua/material.php?id=11607160> (in Russ.)

16. Rusiny Karpatskoy Rusi: problemnye voprosy istorii i sovremennost' [Rusyns of the Carpathian Rus': problems of history and modern times]. In: Sbornik nauchnykh statey po materialam mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Genotsid i kul'turnyy etnotsid rusinov Karpatskoy Rusi (konets XIX – nachalo XXI v.)», g. Rostov-na-Donu, 19 dek. 2008 g. URL: <http://h.120-bal.ru> (in Russ.)

17. Said, E., 2001. Orientalizm [Orientalism]. Kyi'v: «Osnovi». (in Ukrainian.)

18. Savitskiy, P.N., 1997. Kontinent Evrazii [Eurasia Continent]. Moskva: Agraf. (in Russ.)

19. Sidor, D. Rusiny (kak terra incognita) v III tysyacheletii [Rusyns (as terra incognita) in the III millennium]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/560.htm> (in Russ.)

20. Skvortsov, V. Rusiny i Zapad: qui prodest? [Rusyns and the West: qui prodest?]. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2009/04/17/ (in Russ.)

21. Fedotov, G.P., 1998. Tri stolitsy [Three capitals]. In: Fedotov, G.P., 1998. Polnoe sobranie sochinenii: v 6 t. T. 1. Parizh: UMSA-Press, pp. 49-70. (in Russ.)

22. Filimonov, G.Yu. Aktual'nye voprosy formirovaniya «myagkoy sily» Rossiyskoy Federatsii [Actual issues of «soft power» formation of the Russian Federation]. URL: <http://cont.ws/post/102988> (in Russ.)

23. Haushofer, K., 2001. O Geopolitike. Raboty raznykh let [About geopolitics. Works of different years]. Moskva: Mysl'. (in Russ.)

24. Tsymburskiy, V.L., 2007. Geopoliticheskie i khronopoliticheskie raboty. 1993-2006. [Geopolitical and chronopolitical works 1993-2006]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

25. Chernega, V.N. Ukrainskiy urok. Rossii sleduet izvlech' vyvody iz porazheniya [Ukrainian lesson. Russia should draw conclusions from the defeat]. URL: <http://ni.globalaffairs.ru> (in Russ.)

26. Chernyshevskiy, N.G. Natsional'naya bestaktnost' [National tactlessness]. Otryvok. URL: <http://litopys.org.ua/shevchenko/vosp72.htm> (in Russ.)

27. Shevchenko, K.V., 2010. Slavyanskaya Atlantida. Karpatskaya Rus' i rusiny v XIX – pervoi polovine XX vv. [Slavic Atlantida. Rus' of Carpathians and Rusyns in XIX – first half of the XX century]. Moskva: Izdatel'skiy dom «Regnum». (in Russ.)

АРХАИЧЕСКИЕ СЛОВЕСНЫЕ ФОРМЫ РЕФЛЕКСИРОВАНИЯ АБХАЗОВ

В статье рассматривается роль народной мудрости в формировании философского самосознания абхазского народа. Архаические словесные формы рефлексирования абхазов изучаются автором в контексте социокультурных проблем современного абхазского этноса.

Ключевые слова: архаические высказывания, рефлексия, абхазский этнос, этничность, философское самосознание

Archaic sayings of Abkhazians as a form of reflection. MZIANA B. KVITSINIYA (Abkhazian State University)

The article discusses the role of folk wisdom in the formation of the philosophical consciousness of the Abkhaz people. The author focuses on archaic sayings as a form of reflection of Abkhazians in the context of social and cultural problems of the modern Abkhazian ethnos.

Keywords: archaic sayings, reflection, Abkhazians, ethnicity, philosophical consciousness

*Определите значение слов
и вы избавите человечество
от половины его заблуждений.*

Р. Декарт

Социальная рефлексия этноса в своей первооснове опирается на его исторический опыт, а сохраняется и трансформируется из поколения в поколение в слове, в частности, посредством архаических словесных форм – пословиц, поговорок и афоризмов. Последние как отголосок прошедших событий становятся своего рода механизмами защиты этноса от негативных, нежелательных явлений. Обращение к ним в речах политиков разного ранга, представителей интеллигенции, старейшин общества является иногда предупреждением или поясняющим дополнением к обсуждаемой социальной проблеме. Суть этих высказываний наиболее понятна и близка национально-

му самосознанию, потому что этот глубинный пласт духовного опыта этноса включен в его ментальность. В этой связи философское осмысление пословиц и поговорок позволяет не только выявить истоки интеллектуальной культуры этноса, особенностей восприятия реальности, но и различить границы возможного и невозможного, допустимого и недопустимого в оценках самим народом социально-политических и экономических событий.

Замечу, что обращения к данной теме в контексте культуры и истории Абхазии открывает дополнительные исследовательские перспективы, обусловленные тем обстоятельством, что исторический путь абхазского этноса до 1892 г. (до создания абхазской письменности отцом абхазского литературного языка Д.И. Гулиа) осмысливался абхазами изустно. При этом обращение к пословицам и поговоркам для исследования интеллектуального и нравственного

* КВИЦИНИЯ Мзиана Багратовна, кандидат философских наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран Абхазского государственного университета.

E-mail: mzia_k@mail.ru

© Квициния М.Б., 2016

самосознания этноса выходит за рамки чисто филологического анализа на междисциплинарный уровень, где, как справедливо отмечает Н.С. Автономова, соотносятся филология и философия и где возможна «сопряженность языковых форм с реальностью, «смыкание форм и смыслов» [1, с. 30]. Как точно констатировал в свое время Ф. Буслаев: «Пословицы будем мы рассматривать как художественные произведения родного слова, выражающие быт народа, его здравый смысл и нравственные интересы» [6, с. 80].

Понятие «пословица» – «ажзапка» по-абхазски означает «слово отрезанное», поговорка же – «ажзапца» – «слово сломанное». Под «отрезанностью» подразумевается отграниченность от рассуждений, завершенность мысли, ее окончательная оформленность, в то время как «сломанность» характеризует поговорку. Поговорка в народном понимании намек на что-то важное, акцентируемое, несущее в себе образ, притом высказанный выразительно, эмоционально, с тонким подчеркнутым смыслом. Поговорка – элемент суждения, оборот речи («Сказанное слово – выстреленная пуля»).

«На Кавказе личностное, индивидуальное сознание больше соизмеряется с этническим, национальным самосознанием, космополитическое отношение к жизни отвергается. Это, конечно, не означает подавления собственного “Я” личности, наоборот, оно может еще больше сохраняться в таком сочетании. Человек не мыслит себя вне этноса, даже если эта связь открыто не проявляет себя» [3, с. 8]. И эта связь в лучшей степени выражается в преданиях, сказаниях, пословицах, поговорках, в национальной литературе посредством языка, так как «язык – один из главных способов проявления национального “Я” личности» [3, с. 9]. Первые записи абхазских пословиц были приложены в 1865 г. к «Абхазскому букварю» (1862 г.). Как верно отметил абхазский литературный критик, профессор В. Бигуаа, «абхазы всегда дорожили словом, с большим вниманием относились к культуре речи. Об этом говорят и такие народные пословицы, как: «Лошадь падет – поле останется, человек умрет – слово останется», «Одно и то же слово два раза повторишь, провоняет», «Язык человека – лекарство для человека», «Скотину за рога останавливают, а человека – словом», «И слово имеет границы», «Слово человека воспитывает и убивает», «Кто красноречив, тому не нужна каленая сабля» и др. [7, с. 70–71].

Философский анализ афоризмов и пословиц абхазов представляет интерес в увязке с текстами героических сказаний, в том числе Нартского эпоса. Некоторые исследователи считают, что ядро эпоса формировалось с неолитического времени, другие – с первых веков новой эры [2, с. 238], третьи выделяют период с XII в. – VI в. до н.э. по XIV в. новой эры [11, с. 110]. Следует заметить, что «ни одному другому произведению фольклора не уделяется самим народом такое серьезное внимание, как к Нартскому эпосу... В народе считается, что нартские сказания нельзя искажать, переделывать... Народ смотрит на нартские сказания как на историю...» [9, с. 206–207]. И, добавлю я, смотрит на эти сказания как на исторический опыт, закрепляющий образцы поведения.

Нартские предания повествуют о жизни героев Нартов среди народов Кавказа: абхазов, адыгов, кабардинцев и осетин. Но как бы эти сказания не объединяли народы, каждый вариант эпоса выражает этнокультурные специфические особенности в разработке тем и сюжетов. И сегодня живы в сознании абхазов разных поколений рассказы о героях Нартах, а в абхазской речи используются поговорки и пословицы, встречающиеся в текстах эпоса: например, «героизм – порождение Нарта Сасыркуа, а трусость – злых духов», в другом варианте данная поговорка гласит: «От нартов – мужество, от черта – трусость», или «хоть будь ты дэвом, но без ума не будет будущего у тебя» (пословица, в которой упоминается антропоморфное чудовище Дэв-Адау, один из героев эпоса. Необузданная грубая физическая сила Дэва – Адау, с которым приходится сражаться нарту Сасыркуа в эпосе, ярко контрастирует с умственной ограниченностью великана.

В Нартском эпосе герои используют в своих речах немало поговорок и пословиц, в которых раскрывается их удаль, отвага, проявления милосердия, понимания ситуации, снисхождение к побежденным врагам, уважения к женщине умение и пр. Герой Алхуз, зять нартов, обращаясь к великану, похитившему его невесту Гунду Прекрасную, сестру нартов, приструнивая врага, говорит ему: «Хорошая собака и та не лает на женщину» [4, с. 111]. Сегодня данная поговорка часто употребляется в речах мужчин, когда представитель этого пола неблагоприятно выражает свое отношение к женщине, которое должно быть сдержанным, умеренно-уважительным, особенно к матери и сестре.

В русской речи часто используют поговорку назидательного характера «Не в свои сани не са-

дись». Аналогичная поговорка есть и в абхазском языке, и, видимо, она имеет глубокие исторические корни, так как встречается в Нартском эпосе. Она гласит: «Не в свою миску не лезь». Интересно отметить в данном случае то, что в эпосе ее первоначально значение буквальное, лишь со временем она приобрела иной смысл. Ее использует в речи великан-аробщик, который спрятал нарта Сасрыкву с конем в миску, чтобы спасти его от чудо-пахаря.

В нартских эпических сказаниях заключены важнейшие представления о главных жизненных ценностях: Родине, семье, родителях, детях, труде, доблести воина, языке, слове, мудрости, уме, пороках людских и пр. В целом в пословицах и поговорках заключен весь познавательный опыт этноса, его образ жизни, в том числе его морально-этические, эстетические, художественные идеалы и ориентиры. Ценностное ядро пословиц и поговорок составляют архаичные стереотипы-представления. Это и есть суть «апсуара», того, что является сугубо абхазским, ментальным и отражено в культуре речи и поведенческой практике.

Пословицы и поговорки в художественной абхазской прозе используются писателями, чтобы передать «дух» абхазской ментальности, национальный колорит. Они не только сохраняют самобытность, но и раскрывают философичность народного интеллекта. В письменной культуре абхазов их стал широко использовать основоположник абхазской литературы Д.И. Гулиа. В 1921 г. он составил сборник «Абхазские пословицы, поговорки, скороговорки и загадки» на абхазском языке, а в 1939 г. – «Сборник абхазских пословиц, загадок, скороговорок, омонимов и омографов, народных примет о погоде, заговоров и наговоров» на абхазском и грузинском языках. При этом Д.И. Гулиа назидательно предупреждает соотечественников о необходимости избавляться от пороков, творить добро, познавать и пр.: «Человек парит умом и знанием держит мир» («Человек летит...»).

Рефлексирование абхазов в наилучшей степени выражено в тех часто используемых пословицах и поговорках, которые относятся к теме мудрости (абх. «акуш»), ума (абх. «ахшыю»), значения опыта. Такие пословицы, как «Мудрость – это ум, настоящий на Аламысе», «Мудрый ссоры рассудит», «мудрый хочет много познать, а глупый других поучать» и др. указывают на это. Проследим этот тезис на примере творчества Д.И. Гулиа.

Литературовед В. Бигуаа считает, что в абхазском языке понятия «ум» и «интеллект» идентичны, хотя процесс их формирования в сознании связывает с опытом. Он пишет: «Умственно способный человек может обрести знания, но со знаниями не всегда приходит мудрость; интеллектуала не всегда можно отнести к интеллигентному (в этическом его понимании) человеку. Кроме того, при любом фанатизме о мудрости не приходится говорить» [4]. Безусловно, с этим утверждением нельзя не согласиться. Однако, на наш взгляд, необходимо помнить, что использование этих понятий в различных культурах выявляет их отличную друг от друга смысловую сущность. Д.И. Гулиа объединяет эти понятия словом «Ахшыэ» («Ум»), который в разных национальных языковых культурах соответствует терминам «ум», «разум», «интеллект», «мудрость». У него ум по значению приближен скорее к мудрости, нежели к интеллекту. Интеллект им осмысливается как способность учиться, познавать, адаптироваться к различным ситуациям, как сумма приобретенных знаний. Учеба увязывается с интеллектом, а ум – с мудростью. Мудрость и ум у поэта стоят выше интеллекта, учебы, так как определяют его полезность, возможность выражения на практике: «Ум и учеба, если объединены, то это полезно». Поэт считает, что «без ума большая сила губит человека». Понятия «мудрость», «ум» и «интеллект» у поэта сочетаются, придавая каждому понятию особый смысл: «Ум – фундамент, учеба – его подтверждение», «Ум – хозяин, учеба-гость» и др. Они указывают на то, что в традициях познания у абхазов интеллект и учеба (имеется в виду процесс познания – *прим. авт.*) взаимозависимы и взаимообусловлены, хотя их следует различать.

Эти «кванты человеческого сознания» (Дж. Андерсон, Дж. Лакофф и др.) представляются в разных национальных культурах по-разному. «Сопоставляя пословицы об уме, мы видим, что для русского, французского и английского языков является актуальным смысловой компонент...» [8, с. 63]. Ум и мудрость различаются тем, что ум осмысливается как бытовой опыт в русском языке: «Не зная броду, не лезь в воду», в английском – «Опыт – мать мудрости», в абхазском – «Без ума учеба слишком опасное дело». Последняя пословица указывает на то, что познание без мудрствования, то есть без способности рефлексирования опасно для общества. Данное рассуждение исторически ментально и требует от личности не простой

суммы знаний, а связи ее с логикой рассуждений. Мудрость воспринимается как «ум», данный природой, включающий и опыт, и знания, и умения постигать, анализировать суть явлений, процессов и событий. Ум понимается как мыслительная способность, лежащая в основе сознательной разумной деятельности, как опыт коллективного мудрствования, пронесенного через века представителями этноса. Следует указать на то, что в абхазском языке существует отдельное слово-понятие «мудрость» («акугара» от абх. «акуш»), а понятие «ахшыэ» в смысловом значении приближен к понятию «ум». Наличие первого слово-понятия объясняется древней традицией абхазов – коллективного рефлексирования, то есть осознания тех острых ситуаций, которые должны были разрешаться коллективным решением, при этом эти решения окончательно утверждались мнением наиболее опытных, умудренных жизнью старейшин. Подобными примерами изобилует не только художественная культура абхазов, но и повседневная практика (сходы, съезды, советы и пр.).

Из архаичных словесных форм социальной рефлексии абхазов следует особо выделить ораторскую речь, отличающуюся строгой логикой, практическим воображением, убедительностью, единством с мнением схода народа.

Наиболее ярко использование пословиц и поговорок в абхазской речи проявляется в выступлениях представителей фамилий в различных жизненных ситуациях, в особенности на собраниях, в прениях для дополнения основной речи выступавшего, в похоронных (перед прощанием с усопшим) и поминальных обрядах и других общественных событиях. Обычно выступающий начинает с пословицы: «Не сказав начало (речи), не скажешь и конца». Такое начало свидетельствует о глубокой рефлексии говорящего на ту или иную тему, с одной стороны, с другой же – придает структурную оформленность речи, которая дисциплинирует внимание слушающих. Д.И. Гулиа указывал на то, что речь оратора будет бедна, если через 20-30 слов он не вставит в нее пословицу, при том уместную, образную по содержанию [3, с. 192].

Следует заметить, что данная форма социальной рефлексии абхазов сегодня претерпела существенные изменения. За годы Советской власти в Абхазии (1921–1991 гг.) она приобрела типовые элементы выступлений партфункционеров на партийных съездах, конференциях и пр., хотя при этом сохранялась этническая форма построения речи. Сегодня эти речи про-

износятся в большинстве случаев на собраниях однопартийцев, клановых союзов, на митингах сторонников или противников власти и «художественно» бедны, они разнородны и эмоционально мало окрашены по структуре и смысловой направленности, а также растянуты во времени. Исключение составляют поминальные речи, произносимые старшим в роду в день похорон усопшего.

Обращаясь к истокам устного народного творчества, Д.И. Гулиа в своих произведениях показывает, что народная мудрость есть социально-этнический феномен. В 1936 г. Д.И. Гулиа писал: «Сейчас я пишу роман «Камачич» о жизни абхазской женщины... Эта тема мне близка; меня привлекала жизнь народа, богатое устное народное творчество. Для меня важно было показать нелегкую судьбу абхазской женщины...» [3, с. 126]. И как тут не согласиться с характеристикой романа русского философа Г.Г. Шпета, который писал: «Роман как искусство может падать и возрождаться, быть лучше и хуже, но он всегда полнее и теплее отзвучит на моральные волнения времени» [12, с. 265]. В этой связи произведения абхазских писателей-классиков Д.И. Гулиа, И. Папаскир, М. Лакрба, Б. Шинкуба, А. Гогуга, Ф. Искандера и др. представляют собой мощный слой народной мудрости, ориентированный как на историю, так и на прагматические интересы времени (советского и постсоветского). Такие «творческие индивидуальные вершины» (по Г.Г. Шпету) [12, с. 265], как Д.И. Гулиа, С.Я. Чанба, М. Лакрба, И. Когониа, творившие в эпоху «расцвета пролетарского творчества», вводя в произведения нотки современности, не отходили от характеристик традиционной социальной реальности абхазов, от ценностного ядра этнической культуры-апсуара. В особенности апсуара пронизано каждое произведение новеллиста М. Лакрба.

В шкале системы ценностей, выраженных в пословицах и поговорках, следует выделить отношение абхазов к Родине и народу. Еще в Нартском эпосе встречаются изречения о Родине, о любви к ней, готовности отдать свою жизнь за ее сохранение. Слово-понятие «Родина» (абх. «апсадгыл») в рефлексии абхазов имеет несколько значений, но при этом восходит к одному корню «псы» («душа»). Родина – это душа, в которой живет и дышит этнос. Дыхание, дух (абх. «апсы», «адуха») – инструмент, объединяющий два начала: индивидуальную жизнь и народную. Дух живет во всем: в природе и в лю-

дах, но этот дух осознается как ядро души, охватывающей все пространство Родины. Потому в языке присутствуют слова «апсабара» (в значении «природа», но эта та природа, в которой нужно видеть душу (буквально это понятие переводится как «видеть душу» – «апсы абара»), это – в широком смысле слова, в узком же – заменяет естественную среду, природу; «апстазаара» (абх. «жизнь», переводится как «обиталище души»). Последнее понятие немислимо без Родины («апсадгьыл»), так как душа («апсы») может жить только в своем родном пространстве. «Душа» имеет так же значение сердца («в глубине сердца» – «агу ацан» или «от всей души» – «гук-псык ала»). Дух живет, дышит, переводит, желает и умирает. Во всех этих ситуациях дух един с душой, так как с ней составляет единое целое. В обрядовой культуре «душа» «присутствует» во всех этапах церемоний, потому что ведома высшей силой – Анцэа, верховным Богом абхазов. Он же и есть покровитель страны – «Апсны» (страны «души»). От этой семантической увязки продолжают раскрываться остальные производные понятия.

В речевой культуре абхазов сохранилось множество пословиц и поговорок, которые переплелись с традиционными, издавна укоренившимися изречениями, словесными формулами. Образы «семья», «Родина», используются для выражения отношения к социальным процессам, трудовой деятельности, побед, к коллективизму. Они несут в себе значения конкретных событий, память времен героического прошлого: «Мы памяти предков верны, не забудет нартов страна Апсны» [5, с. 51], «Всякий Родину любит, как Святое место», «Чем дворец чужой, своя пацха лучше», «Путь на Родину самый короткий», «Земля, где ты родился, – рай, и родники ее как мед», Эшера-место героев», «Теряя Родину, теряешь все» и др. Эти и другие пословицы наилучшим образом раскрывают рефлексию абхазов как единого этноса относительно Родины – Апсны. Она – Святое место, родной очаг, апацха, рай, место героев и пр. Эти суждения о родной земле актуальны и живучи сегодня, когда страна все еще находится под угрозами внешних «вызовов». Использование этих пословиц и поговорок как в бытовой речи, так и при изучении художественного наследия этноса прививает подрастающему поколению высокие идеалы – смелость, честность, любовь к Отчизне, патриотизм, формирует позитивный взгляд на жизнь и настраивает на активную социальную позицию.

В социальном рефлексировании абхазов концепту «Родина» противопоставляется понятие «чужбина», которое ассоциируется с «чужим небом», далекой страной, местом ссылки, земель изгнанника. Известны в истории этноса периоды махаджирства (изгнания из Родины абхазов царской администрацией в пределы Османской империи в XIX в.), повлиявшие на состояние и дальнейшее развитие абхазов. Как известно, 21 мая 1880 г. повелением Александра II абхазское население было признано «виновным» за то, что абхазы полностью (хотя были пять сотен, воевавших на стороне российских войск) не встали против турок, занявших край летом 1877 г. За этим последовало массовое изгнание абхазов на чужбину. Возвращению махаджиров на родину всячески чинили препятствия царские чиновники. Если кто-нибудь мог тайным образом вернуться, то ему не разрешалось селиться на прибрежной части. Он не имел ни земли, ни дома, ему приходилось начинать жизнь сначала. Такая судьба была уготована отцу Дмитрия Гулиа – Иосифу Гулиа.

По сей день в народе сохранились пословицы и поговорки, в которых отражены эти события: «И кости махаджиров по Родине плачут», «На чужбине огонь родной апацхи снится», «Что стоит твой очаг не знаешь, его лишь на чужбине познаешь», «Родина как мать, чужая земля – мачеха и др. Острое ощущение неразделимости этноса от родного очага, то есть от Абхазии, с древних времен спланивало этнос в единое целое, в особенности в период военных угроз. Абхазы понимали, что «даже горсточка родной земли – большое богатство» (народная пословица). У абхазов под мужеством подразумевается доблесть, стойкость, выносливость, выдержка, сдержанность, толерантность, благородство. Как верно замечает этнопсихолог А.И. Бройдо, «Афырхацара – героизм, самопожертвование, величие духа, сохранение достоинства даже ценой жизни; единственная экзистенциальная из абхазских традиционных ценностей, характерная для пограничных ситуаций: «Когда жизнь одна, и Родина одна, и выбора нет, остаётся только совместить жизнь с судьбой Отечества и вместе с ним продлиться бесконечно. Высок и труден путь человека такой судьбы» [5, с. 20].

Абхазские пословицы и поговорки содержат тот ценностный потенциал, который помогает человеку устоять в различных жизненных ситуациях, как позитивных, так и негативных. Они вносят в реальность определенные оценоч-

но-этнические моменты. Этнос выражает в них свой идеал, желаемые результаты, нормативные правила. Они хранят историю движения народа по пути цивилизации, впитывают в себя все тонкости оценочного отношения к действительности.

Пословицы и поговорки кодируются в художественных произведениях, в словесной практике, ассоциативно соотносясь с теми или иными ситуациями в быту. Сегодня становится актуальным понимание того, что декодирование этих смыслов во многом зависит от уровня использования родного языка и глубины изучения литературы. В этой связи проблема распространения народных изречений в СМИ приобретает особое значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон–Бахтин–Лотман–Гаспаров. М.: РОССПЭН, 2009.
2. Бгажба Х. Об абхазском героическом эпосе // Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулия. вып. XXVI. Сухуми, 1955.
3. Бигуаа В.А. Абхазский исторический роман. История. Типология. Поэтика. М.: ИМЛИ РАН, 2003.
4. Бигуаа В.А. Адыгагъэ (адыгская этика) как основа национального самосознания и единства адыгов (черкесов) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nirsi.ru/n133/bigyaa.pdf>
5. Бройдо А.И. Проявления этнопсихологических особенностей абхазов в ходе Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 годов. М.: Изд-во РГТЭУ, 2008.
6. Буслаев Ф. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. СПб.: Общественная польза, 1861.
7. Гулия Д. Сборник абхазских пословиц, загадок, скороговорок, омонимов и омографов, народных примет о погоде, заговоров и наговоров. Сухуми: АбНИИ АН СССР, 1939.
8. Дзюба Е.В., Тарасенко Е.О. Концепты интеллектуальной сферы в русском, английском и французском языках (на материале пословиц и поговорок) // Лингвокультурология. 2009. Вып. 3. С. 62-67.
9. Зухба С.Л. Типология абхазской несказочной прозы. Майкоп: Меоты, 1995.
10. Приключения Нарта Сасрыквы и его девяти братьев. Абхазский народный эпос. Сухуми: Алашара, 1988.
11. Чочиев А.Р. Нарты-арии и арийская идеология. Кн. 1. М.: АКАЛИС, 1996.
12. Щедрина Т.Г. Культурно-историческая эпистемология и социальная эпистемология: два пути к реальности // Культурно-историческая эпистемология: проблемы и перспективы. К 70-летию Бориса Исаевича Пружинина. М.: РОССПЭН, 2014. С. 262-272.

REFERENCES

1. Avtonomova, N.S., 2009. Otkrytaya struktura: Yakobson–Bakhtin–Lotman–Gasparov [Open structure: Jacobson-Bakhtin-Lotman-Gasparov]. M.: ROSSPEN. (in Russ.)
2. Bgzhba, Kh., 1955. Ob abkhazskom geroicheskom epose [On Abkhaz heroic epos]. In: Trudy Abkhazskogo instituta yazyka, literatury i istorii im. D.I. Guliya. Vol. XXVI. Sukhumi. (in Russ.)
3. Biguaa, V.A., 2003. Abkhazskiy istoricheskiy roman. Istoriya. Tipologiya. Poetika. [Abkhazian historical novel. History. Typology. Poetics]. Moskva: IMLI RAN. (in Russ.)
4. Biguaa, V.A. Adygage (adygskaya etika) kak osnova natsional'nogo samosoznaniya i edinstva adygov (cherkesov) [Adygage (Circassian ethics) as a basis of national identity and unity of the Circassians]. URL: <http://www.nirsi.ru/n133/bigyaa.pdf> (in Russ.)
5. Broydo, A.I., 2008. Proyavleniya etnopsikhologicheskikh osobennostey abkhazov v khode Otechestvennoy voyny naroda Abkhazii 1992–1993 godov [The manifestations of ethno-psychological features of Abkhazians during the War of the people of Abkhazia in 1992-1993.]. Moskva: Izd-vo RGTEU. (in Russ.)
6. Buslaev, F., 1861. Istoricheskie ocherki russkoy narodnoy slovesnosti i iskusstva [Historical Sketches of Russian folk literature and art.]. Vol. 1. Sankt-Peterburg: Obshchestvennaya pol'za. (in Russ.)
7. Guliya, D., 1939. Sbornik abkhazskikh poslovits, zagadok, skorogovorok, omonimov i omografov, narodnykh primet o pogode, zagovorov i nagovorov [Collection of Abkhaz proverbs, riddles, tongue twisters, homonyms and homographs, weather lore, charms and incantations]. Sukhumi: AbNII AN SSSR. (in Russ.)
8. Dzyuba, E.V. and Tarasenko E.O., 2009. Kontsepty intellektual'noy sfery v russkom, angliyskom i frantsuzskom yazykakh (na materiale poslovits i pogovorok) [Intellectual sphere concepts in Russian, English and French (based on proverbs and sayings)], Lingvokul'turologiya, no. 3, pp. 62-67. (in Russ.)
9. Zukhba, S.L., 1995. Tipologiya abkhazskoy neskazochnoy prozy [Typology of Abkhaz tale prose]. Maykop: Meoty. (in Russ.)

10. Prikl'yucheniya Narta Sasrykvy i ego devyanosta devyati brat'ev. Abkhazskiy narodnyy epos [Adventures of Nart Sasrykvy and his ninety-nine brothers. Abkhazian national epos]. Sukhumi: Alashara, 1988. (in Russ.)

11. Chochiev, A.R., 1996. Narty-arii i ariyskaya ideologiya [Narts-Aryans and Aryan ideology]. Book 1. Moskva: AKALIS. (in Russ.)

12. Shchedrina, T.G., 2014. Kul'turno-istoricheskaya epistemologiya i sotsial'naya epistemologiya: dva puti k real'nosti [Cultural and historical epistemology and social epistemology: two ways to reality]. In: Kul'turno-istoricheskaya epistemologiya: problemy i perspektivy. K 70-letiyu Borisa Isaevicha Pruzhinina. Moskva: ROSSPEN, pp. 262-272. (in Russ.)

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

УДК 974.083.5(571.6)

Т.З. Позняк*

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: КАК ИВАН КОЛЕСНИКОВ СТАЛ «РУКОВОДИТЕЛЕМ ВОССТАНИЯ» 31 ОКТЯБРЯ 1905 г. ВО ВЛАДИВОСТОКЕ

Статья посвящена эпизоду из истории первой русской революции на Дальнем Востоке, а именно бунту частей владивостокского гарнизона 31 октября 1905 г. во Владивостоке. В советской историографии события 30-31 мая были названы восстанием и распространение получило мнение, что 31 октября оно приняло более организованный характер и выделило из своей среды руководителей. Глубинное исследование единичной ситуации позволяет показать, как события 31 октября 1905 г. – освобождение арестованных и поджог тюрьмы – описывали и интерпретировали их участники, как и почему именно И.В. Колесников превратился в «руководителя восстания» в показаниях очевидцев и работах советских историков.

Ключевые слова: революция 1905-1907 гг., Дальний Восток, крепость Владивосток, микроистория, власть, общество

An episode of the revolution of 1905 in the Russian Far East or how Ivan Kolesnikov became the «leader of the uprising» on October 31, 1905 in Vladivostok. TATIANA Z. POZNYAK (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

The article represents a case-study devoted to an episode of the history of the Russian revolution of 1905 in the Far East, namely the revolt of the Vladivostok garrison on October 31, 1905 in Vladivostok. In Soviet historiography the events of May 30-31 were referred to as a «rebellion» and it was widely believed that on October 31 the rebellion took a more organized form and gained its leaders. In-depth study of the situation allows the author to show how the events of October 31, 1905 (the release of detainees and prison arson) were described and interpreted by their participants, as well as why Ivan Kolesnikov has become a «leader of the uprising» in the testimonies of eyewitnesses and then in the works of Soviet historians.

Keywords: Russian Revolution of 1905, Russian Far East, Vladivostok fortress, microhistory, government, society

Исследования советского периода, посвященные истории первой русской революции на Дальнем Востоке, настолько многочисленны, что анализу только историографии можно посвятить не одну монографию [2; 6; 7; 11; 13; 15; 16; 17]. С конца 1980-х гг. интерес к теме несколько угас,

* ПОЗНЯК Татьяна Зиновьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук.

E-mail: tzpoznyak@mail.ru

© Позняк Т.З., 2016

тем не менее, уже в перестроечное время в соответствующих разделах «Истории Дальнего Востока» и монографии по рабочему движению, написанных Л.И. Галлямовой, изложены обобщенные результаты истории рабочего движения и революции 1905-1907 гг. [4; 8, с. 340-354], появились работы, посвященные новым аспектам темы, например, образованию и деятельности политических партий в регионе, включая непролетарские [9]. Отрадно, что в последнее время история первой русской революции в регионе вновь привлекла внимание исследователей, опубликованы статьи, вскрывающие новые, неисследованные аспекты темы и вводящие в оборот новые источники [1]. Большинство из этих исследований посвящено изучению истории процессов и структур, такие работы предполагают широкий охват событий и панорамное их изображение. При этом отметим, что участникам выступлений и изложению событий в восприятии современников уделялось значительно меньше внимания, а ведь именно такого рода сведения, на наш взгляд, расцвечивают историю яркими красками. Помочь в этом может обращение к методам микроисторических исследований, именно это дает возможность «благодаря максимально многостороннему и точному освещению исторических особенностей и частных, характерных для общности индивидов исследуемого района» [12, с. 197], показать функционирование жизни обществ [5, с. 207-234; 10, с. 167-190; 14, с. 8-13]. В данной статье в качестве кейса (или казуса) – пространственно ограниченного феномена, наблюдаемого в определенный момент времени или на протяжении определенного периода, или глубинного исследования единичной ситуации с целью понимания более широкого класса схожих случаев или явления в целом – выступает один из эпизодов первой русской революции на Дальнем Востоке, а именно бунт частей владивостокского гарнизона 31 октября 1905 г.

События 30-31 октября 1905 г. довольно часто становились предметом исследования в советское время. Ход событий освещен в ряде работ [2, с. 105-106; 4, с. 54; 6, с. 6-8, 7, 63-64; 11, с. 100-104; 17, с. 105-111]. В общих чертах они выглядят таким образом. 30 октября 1905 г. во Владивосток произошло вооруженное выступление отдельных частей армии и флота. Оно началось на городском базаре с ссоры между подвыпившим матросом и китайским торговцем, которая переросла в массовую драку, а затем в погром магазинов, лавок и винных складов. В результате выступления часть зданий военного ведомства и городских жителей была разгромлена и сожжена. 31 октября около

собора собралась толпа солдат и матросов. Они потребовали коменданта крепости Г.Н. Казбека, и, когда тот явился, предъявили ему ряд требований, в частности, оглашение Манифеста 17 октября 1905 г., увольнение запасных, освобождение из тюрем арестованных. Комендант вынужден был пойти на уступки. Затем манифестация из матросов, солдат и рабочих прошла по городу, освободила из тюрем арестованных и сожгла новое здание городской тюрьмы, отданное военному ведомству под гауптвахту.

В некоторых работах советского времени написано, что 31 октября восстание приняло более организованный характер и выделило руководителей из своей среды [2, с. 106; 11, с. 102; 16, с. 191; 17, с. 108]. Данная оценка пришла в литературу, видимо, с подачи А.С. Непомнящего, который в качестве руководителей выступления 31 октября назвал фельдфебеля 30 Восточно-Сибирского стрелкового полка (ВССП) Колесникова и унтер-офицер Сибирского флотского экипажа Первака [13, с. 104].

Основным источником о событиях 31 октября 1905 г. является «Дело о бывшем фельдфебеле 30 Восточно-Сибирского стрелкового полка Иване Колесникове» (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, далее – РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603).

«Обвинительный акт по делу о бывшем фельдфебеле 30 ВССП Иване Колесникове, преданном Приамурскому Военно-Окружному Суду Начальником всех сухопутных и морских войск крепости Владивостока и временным Генерал-Губернатором крепостного района» опубликован в сборнике документов по истории Владивостока, однако, под другим названием, нежели в архивном деле – «Обвинительный акт Приамурского военно-окружного суда по делу об освобождении заключенных из тюрем в ходе восстания 31 октября 1905 г.» [3, с. 83-84] (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603. Л. 5-8). Это незначительное изменение названия превратило дело с одним обвиняемым в общее дело против участников событий 31 октября 1905 г. В опубликованном документе оставлена только общая преамбула и выпущены показания свидетелей и обвинение против собственно И.В. Колесникова. В опубликованном варианте также приведена неверная дата – 17 октября 1906 г., в действительности документ датирован 17 апреля 1906 г. Это дело в архиве просматривали все исследователи, занимавшиеся историей революции и партий на Дальнем Востоке, однако никто в своих диссертациях и статьях не упоминает об этом казусе. Этот случай является прекрасной иллюстрацией того,

как историки и идеологические обстоятельства творят историю.

Цель статьи – показать, как события 31 октября 1905 г. – освобождение арестованных и поджог тюрьмы – описывали и интерпретировали участники событий, как и почему именно И.В. Колесников превратился в руководителя восстания.

Точные оценки того, сколько нижних чинов и рабочих участвовало в выступлении 30-31 октября, привести трудно из-за отсутствия таких указаний в источниках. Эти события стали предметом работы следственной комиссии, назначенной командующим войсками Приамурского военного округа Н.П. Линевицем. О результатах ее работы военный губернатор Приморской области В.Е. Флуг докладывал в секретных представлениях 6 и 15 марта 1906 г. Приамурскому генерал-губернатору. Комиссия рассмотрела всего 552 дела, из них 21 дело было направлено военному прокурору, 51 дело о 151 чел. передано полковым судам; 459 дел по допросам, произведенным полицией, направлены к гражданскому прокурору, т.е. переданы гражданской подсудности, 15 дел о 59 нижних чинах направлены к прекращению и 6 дел остались неоконченными. Всего в ходе следствия было допрошено 655 чел. К ответственности в качестве обвиняемых было привлечено 63 человека, в том числе 3 матроса (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 605. Л. 92-92об.).

Кроме этого, были привлечены к ответственности лица, выступавшие на митингах, и, по мнению властей, своими речами мобилизовавшие нижних чинов на выступление. 6-го марта «был выслан из пределов края Владивостокский мещанин В.С. Козловский за пропаганду и поношение Правительства». 8-го марта высланы из края акушерка Дайхес, портовые рабочие Красильников и Слипченко. О владелице частной приготовительной школы Е.К. Плотниковой продолжалось расследование «для точного установления степени ее причастности к революционной пропаганде». За мещанином Унгерном был установлен негласный надзор. Кроме того, распоряжением генерал-адъютанта Мищенко 9-го марта приостановлено издание газеты «Восток» за вредное направление и «совершенно прекращены народные чтения» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 605. Л. 92об.).

Таким образом, выступление 30-31 октября послужило основанием для возбуждения 552 дел, однако в архиве исследователями пока выявлено только одно дело с полными материалами обвинения по событиям этих дней – это дело И.В. Колесникова. Оно, вероятно, было в числе 21 дела, направленного военному прокурору. Архивное

дело содержит фактически полный комплект документов следствия – обвинительный акт, материалы допросов свидетелей и обвиняемого, прошения обвиняемого и его жены, переписку, приказ коменданта крепости о передаче дела в суд и пр.

Думается, именно сохранность дела с обвинением Колесникова явилась главным обстоятельством того, что историки определили его впоследствии в руководители восстания. Они основывали свои выводы на материалах следствия, выводах военного прокурора и приказе коменданта, посчитавших доказанным, что Колесников был подстрекателем в поджоге канцелярии Хабаровского пехотного полка, располагавшейся в здании тюрьмы. Собственно, вместе с канцелярией сгорело и здание тюрьмы, где помещалась гауптвахта.

Однако начнем по порядку и расскажем, как собственно развивались события в изложении участников – офицеров и нижних чинов, охранявших тюрьму и канцелярию Хабаровского пехотного полка (ХПП), располагавшуюся в тюрьме. Первые дознания по делу были проведены в начале ноября 1905 г. полковыми офицерами, затем в декабре 1905 г. и январе 1906 г. следственной комиссией, часть свидетелей допросили повторно в феврале 1906 г. Показания легли в основу обвинительного акта, составленного военным прокурором.

Согласно обвинительному акту, утром 31 октября до охраны тюрьмы «стали доходить слухи о том, что толпа народа и нижних чинов обещала коменданту крепости прекратить беспорядки в городе под условием освобождения арестованных с гауптвахты и тюрем, затем дошло сведение, что комендант крепости лично сам освободил арестованных с гауптвахты, и даже дал толпе 2 оркестра музыки. Часа в 3 дня стало известно, что в городе все спокойно, и вскоре мимо новой тюрьмы прошел на стоянку батальон 30-го ВССП, который и взял с собой из караула 10-ую роту. Не прошло и получаса, как было получено известие, что толпа народа, освободив содержащихся в старой тюрьме, двигается к новой тюрьме, вследствие чего караул прапорщика Варпаховского был вызван в ружье и выведен к воротам гауптвахты с противоположной стороны; в это же время построилась рота ХПП под командой капитана Сашенского, пришедшая для охраны полкового имущества» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603. Л. 5-5об.). Данные акта относительно роты Сашенского не совсем соответствуют показаниям свидетелей. Заметим полное отсутствие официальной информации, караул тюрьмы получал сведения о происходившем в городе из слухов, т.е. ни военные, ни гражданские власти не

удосужились оповестить охрану о том, как им действовать в сложившейся ситуации.

Судя по отчету командира полка, составленному на основании рапортов офицеров, на тот момент в тюрьме находились 13-я рота ХПП под командой поручика Клепикова, пришедшая на смену 16-й роты и уже занявшая посты «у денежного ящика, полкового цейхгауза, склада патронов, а также у холерных бараков», остальные чины этой роты размещались в коридоре полковой канцелярии. Кроме того, внутри двора тюрьмы находилась рота 32-го ВССП. И около 3 часов дня, вместе с толпой восставших вошла во двор тюрьмы 3-я рота того же Хабаровского полка под командой капитана Н.И. Сашенского, который и принял командование на себя (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603. Л. 113).

Капитан Н.И. Сашенский в тот момент был старшим по званию среди лиц, находившихся в тюрьме. Подполковник Н.А. Толмачев, видимо, заведующий хозяйством ХПП, фактически уклонился от руководства, сказавшись больным. При дознании 18 января 1906 г. он указал, что утром 31 октября отправился в канцелярию, чтобы вручить рапорт о болезни, но «все писаря разбрелись, опасаясь погрома ... некому было вручить рапорт...». Он попытался спасти денежный ящик, «но казначей был в городе и от скопления по улицам бунтующей толпы он не мог уже пробраться к тюрьме, без его же ключей отпереть железный шкаф, в котором хранился ящик, было нельзя». Тогда Толмачев, «не имея инструкций ... отправился с докладом на разъезд Седанку, где находился с полком Командир полка». «Все за этим происшедшее: разгром здания тюрьмы, где помещались арестованные, пожар, начавшийся с полковой канцелярии, происходил без меня ...» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603. Л. 110-111)

Вернемся, однако, к событиям в тюрьме. Неудивительно, что караул не смог исполнить своего долга в условиях отсутствия информации и приказа, как действовать в этой ситуации. «Едва рота и караул успели выстроиться, как толпа человек в 500 с портретом государя императора и музыкой подошла к расположению тюрьмы и вошла на первый двор, где помещалась канцелярия Хабаровского полка, в толпе развевались национальные флаги, музыка играла гимн, раздавались крики «ура!» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603. Л. 50б.). От толпы, состоявшей из вольных, матросов и нижних чинов, преимущественно артиллеристов, отделилось несколько матросов и штатских. Один из матросов обратился к капитану Сашенскому с предложением освободить арестованных,

якобы по разрешению коменданта. Тот «потребовал письменного удостоверения, но так как такового не оказалось, то решено было переговорить со Штабом Крепости по телефону. После долгих усилий, наконец, удалось получить по телефону ответ: «удивляюсь, что Вам неизвестно распоряжение, данное Комендантом!», после чего телефон дал отбой. В это же время послышался стук разбиваемых стекол, толпа народа уже проникла в помещение арестованных и освободила, а затем кто-то облил перегородку, отделявшую канцелярию Хабаровского полка от гауптвахты, и поджег его, после чего начался пожар» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603. Л. 50б.-6).

Судя по описанию толпы и ее действий, это шествие по тюрьмам было не восстанием, а либо своеобразным выражением победы, одержанной накануне и в этот день, либо свидетельством примирения с властью. Возможно, именно примирение с властью символизировали национальные флаги, портреты императора и гимн «Боже царя храни!», который играл сопровождавший манифестантов оркестр. Ведь участникам митинга у собора удалось не только переговорить с комендантом, но и убедить его выпустить арестованных. Во всяком случае, манифестанты были в этом убеждены. Судя по ответу из штаба крепости по телефону, там были убеждены в том же. Из материалов дела, правда, возникает сомнение, что этот звонок был, во всяком случае, офицеры и нижние чины, находившиеся в тот день в штабе крепости, на дознаниях отрицали факт звонка (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603. Л. 157-157об.). Хотя мы понимаем, что они были заинтересованы в том, чтобы переложить вину на других.

По какой причине довольно значительные силы караула не оказали сопротивление толпе, явившейся освобождать арестованных и спалившей тюрьму? Офицеры, руководившие войсковыми подразделениями, охранявшими тюрьму и канцелярию, вынуждены были действовать в условиях отсутствия информации и приказа вышестоящего начальства, т.е. должны были принять решение самостоятельно и весьма стремительно.

18 января 1906 г. свой отчет, составленный на основании рапортов офицеров полка, представил в следственную комиссию командир ХПП полковник Ващенко. Он объяснял, что толпа, пришедшая к тюрьме, «была возбуждена и демонстративно настроена. Слышались насмешки и даже угрозы». «Командир 13 роты вывел один взвод за ворота тюрьмы и, выстроив его против толпы, скомандовал на изготовку, но стрелять не решился, так как не получил на это указания и, видя, что

толпа приближается, ввел взвод во двор, но вслед за взводом во двор тюрьмы ворвалась толпа и схватив Командира роты стала подбрасывать его, а музыка играла народный гимн. ... В это время во двор тюрьмы вошла 3 рота под командованием Капитана Сашенского, которому было донесено о случившемся и передано старшинство». Во дворе же тюрьмы стрелять не решились, так как против их стояла рота 32 ВССП (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603. Л. 114).

В ходе дознаний офицеров и нижних чинов, охранявших тюрьму, спрашивали, почему они не стреляли в толпу. Допрошенный 10 января 1906 г. прапорщик запаса 32 ВССП Виктор Алексеевич Варпаховский показал, что его рота не стреляла, так как напротив во дворе тюрьмы была выстроенная рота Хабаровского полка и она попала бы под обстрел. 17 января 1906 г. были сняты показания с целого ряда нижних чинов и младших офицеров 32 ВССП, они также подтвердили, что их выстрелы попали бы в роту ХПП (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603. Л. 99-100, 107-107об.).

Капитан Николай Исидорович Сашенский 15 января 1906 г. показал, что его рота вошла в ворота тюрьмы вслед за толпой и он выстроил ее позади 13 роты ХПП. В это время несколько матросов подошли к нему и сказали о распоряжении коменданта освободить арестованных, он пошел к телефону свериться, действительно ли было такое распоряжение (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603. Л. 104-104об.). Следовательно, его подразделение прибыло к месту событий, когда толпа уже вошла во двор тюрьмы и оказывать противодействие было поздно.

Теперь перейдем собственно к свидетельским показаниям, избличавшим Колесникова и описывавшим поджог канцелярии и тюрьмы. Разновременные показания в целом совпадают, но иногда отличаются в деталях. Видно, как они постепенно обрастали подробностями и нюансами.

В акте по показаниям подпоручика ХПП Михаила Александровича Белоусова записано, что «около 4 часов он был в полковой канцелярии, когда появилась толпа, которая, проникнув в конце концов в помещение арестованных, освободила их, после чего разломала переборку, отделявшую помещение арестованных от полковой канцелярии; заявление писарей о том, что помещение принадлежит полковой канцелярии, не помогло, и толпа продолжала искать арестованных, затем она ушла, но вскоре почему-то ворвалась вновь в коридор и начала предавать все огню, писари говорили свидетелю, что это произошло по подстрекатель-

ству бывшего зауряд-прапорщика Колесникова, который говорил, что нужно жечь канцелярию, это слышали писари Кичатов и Неймагулин¹)» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603. Л. 6-6об.). На дознании 9 декабря 1905 г. Белоусов объяснял: «Лично я этих слов не слышал, Колесникова раньше видел всего раза два, не больше и то очень давно ... а потому совсем почти не представляю себе его лицо» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603. Л. 83об.).

На дознании в этот же день поручик ХПП Василий Антонович Клепиков показал: «Я обратил внимание на знакомую личность в толпе, и узнал в нем бывшего зауряд прапорщика Колесникова, я его хорошо знаю, как он был в одном батальоне со мной и мне по службе очень часто приходилось с ним сталкиваться. В толпе он проявлял заметную деятельность; что-то доказывал, размахивал руками. Потом, он меня, вероятно, заметил и узнал; подошел ко мне с выражением чувства дружбы и товарищества, от которых я инстинктивно отклонился. Говорил мне, что они вчера здорово поработали; я даже не знал в чем дело, так как предыдущие события мне еще не вполне были известны. Я тоже с ним разговаривал, спрашивал его, зачем они пришли, он мне сказал: видите все хорошо – ни о чем не беспокойтесь. Заметил я, что он видимо интересовался расположением тюрьмы – оглядывался и читал надписи. Потом он ушел. Мне кажется, что он был виновником, того что загорелась тюрьма» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603. Л. 83об.-84).

В этот же день старший писарь ХПП Василий Неофитович Наймушин рассказал, что «толпа под видом мирной манифестации без задержки вошла во двор, затем она разделилась на две половины, одна направилась в двери, ведущие в помещение арестованных и начала ломать их, и потом ломать двери в камерах», «из этой толпы вышел Колесников, бывший зауряд прапорщик Хабаровского полка, но потом его разжаловали и перевели на службу в другой полк. Подходя ко мне Колесников прежде поздоровался со мною, а потом, взглянув кверху на вывеску, которая висела над дверями вход в нашу канцелярию с каким то особенным выражением глаз и лица сказал «А! это канцелярия Хабаровского полка» затем повернулся к стоявшему шагах в 6-ти от меня писарю Кичатову заговорил с ним о чем, я уже не слышал но видел как он быстро скрылся в толпе, а затем вскоре пошли в помещение нашей канцелярии громить, ломать и поджигать..., но Колесникова в помещении кан-

¹ Его фамилия была Наймушин, в обвинительном акте была допущена ошибка (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603. Л. 31).

целярии я не видел, т.к. был совершенно растерян и выносил свои вещи...» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603. Л. 84об.).

Опрошенный 13 ноября 1905 г. мещанин Матвей Михайлович Кичатов, бывший писарь ХПП, объяснил, что «когда во двор тюрьмы вошла толпа и прошла вторые ворота по направлению к гауптвахте в это время подошел ко мне фельдфебель Колесников поздоровался со мной и, увидев вывеску, сказал: «это канцелярия Хабаровского полка, ее надо сжечь!», после этих слов он Колесников ушел к толпе и я его больше не видел». Через некоторое время свидетель увидел «какого-то человека, который вбежал в канцелярию и начал поливать все керосином, в конце концов канцелярия была сожжена» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603. Л. 6об.-7; 139-139об.).

Опрошенный 9 января 1906 г. поручик этого же полка Афанасий Дмитриевич Долженский изложил общее развития событий и рассказал, что как только капитан вошел в сторожку, чтобы позвонить, как в окна флигеля, где содержались арестованные, полетели камни и началась сумятица в толпе. Когда он увидел дым из окон канцелярии полка, бросился туда, чтобы спасти бумаги и документы. «Вбежав, я, возмущенный, стал упрекать толпу в том, что освободив арестованных, они жгут имущество военных частей и документы. Из беспорядочных ответов я заключил, что некоторые из толпы приняли Канцелярию Хабаровского пехотного полка за тюремную... а потому решили предать их огню. Позже я узнал, что писарь Кичатов и другие слышали, что подстрекнул сжечь канцелярию бывший зауряд прапорщик Колесников» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603. Л. 97об.-98).

Об Иване Колесникове говорится только в этих показаниях, в других объясняется, почему охрана не смогла препятствовать действиям восставших, а наше главное действующее лицо не упоминается вовсе. Упоминание его именно этими свидетелями не случайно, ведь Колесников служил в их полку. Они его знали и обратили внимание именно на его действия, другие же незнакомые участники поджога тюрьмы проходили в показаниях общим фоном. Даже очевидные организаторы, возглавлявшие толпу и обратившиеся в самом начале к капитану Сашенскому с требованием освободить арестованных, и непосредственные исполнители, поливавшие керосином пол и мебель канцелярии, в этом деле остались неназванными, хотя их роль в этом событии очевидна.

Эти показания вряд ли можно считать убедительными доказательствами того, что И.В. Колесников являлся организатором шествия по га-

уптвахтам и освобождения арестованных. Часть слов свидетелей можно расценивать как доказательство подстрекательства Колесниковым участников к поджогу канцелярии ХПП, однако в них отражено личное восприятие событий и интерпретация двух писарей Наймушина и Кичатова, возможно, искаженная скрытыми мотивами. Кроме того, они могли неправильно услышать и интерпретировать слова и действия Колесникова. Судя по их показаниям, главным мотивом подстрекательства к поджогу была обида на разжалование и увольнение из полка.

Что же сам И.В. Колесников? Фактически сразу после событий, 6 ноября 1905 г. он был уволен в запас из 30 ВССП и 8 ноября водворен на жительство в Раздольнинскую волость Южно-Уссурийского уезда. Следственная комиссия потребовала, чтобы его вернули на службу, т.к. увольнение произошло после того, как стали известны обстоятельства выступления 30-31 октября. Колесникову послали повестку о необходимости явиться в полк, 12 декабря 1905 г. Раздольнинское волостное правление уведомило его об этом, и 14 декабря он отправился к месту бывшей службы (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603. Л. 145-146об., 154).

Его показания записаны 16 февраля 1906 г. На допросе и в своих последующих прошениях он отрицал и подстрекательство к поджогу, и участие в восстании. В обвинительном акте военный прокурор достаточно точно изложил его показания: «Спрошенный в качестве обвиняемого запасной фельдфебель Иван Колесников, не признавая себя виновным в участии в толпе, пришедшей 31 октября в здание новой тюрьмы, освободившей из последней арестованных и совершившей поджог ее, объяснил, что 31 октября пошел в конно-охотничью команду, чтобы поговорить со Штабс-Капитаном Арсеньевым относительно предстоявшей экспедиции в Николаевск; придя туда, зашел к писарю Зуеву, от которого узнал, что Арсеньева нет, почему вернулся назад и повстречался с толпой, которая с музыкой входила в ворота тюрьмы, из любопытства пошел с толпой, но вместе с тем было и дело, так как хотел получить долг с зауряд прапорщика Назаренки, который находился в составе роты, охранявшей тюрьму, поговорив с Назаренкой, подошел к знакомому поручику Клепикову, который попросил у него папирос; увидев Найматулина и Кичатова, поздоровался с ними и машинально посмотрел на вывеску и сказал: «а, здесь канцелярия Хабаровского полка», сказал это потому, что из этой канцелярии ему следовало получить 54 руб. за командировку в Спасское; раньше эта канцелярия была в другом месте и

он не знал, что она перешла; увидя, что поручик Клепиков занят, ушел и когда уходил, видел, что тюрьма загорелась; внутрь тюремных зданий не заходил...» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603. Л. 7об.-8). 16 февраля 1906 г. Колесников сказал, что он машинально посмотрел на вывеску канцелярии полка и не говорил, что ее нужно сжечь, а также не говорил поручику Клепикову, чтобы он не беспокоился за происходящее (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603. Л.156об.).

25 февраля 1906 г. Колесников был заключен под стражу. 26 февраля уже на гауптвахте он написал прошение, в котором вновь настаивал на своей невинности, просил разобраться и хотя бы до суда уволить на поруки, так как у него осталась жена и дети «без прикрытия без куска хлеба». Он подробно изложил все свои действия 30 и 31 октября, называл имена свидетелей, которые могли подтвердить, что он не принимал участия в погромах 30 октября и с утра 31 числа (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603. Л. 69, 171-172). Вскоре после его помещения в тюрьму 7 марта 1906 г. с просьбой производства дознания и опроса свидетелей Петра Довыдкина, Владимира Довыдкина и Григория Шапошникова, проживавших по 3 Матросской улице в собственных домах, обратилась жена Колесникова – Прасковья (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603. Л. 23-23об.).

По мере ведения расследования дело обрастало новыми показаниями и новыми подробностями. В.Н. Наймушин на допросе 23 февраля 1906 г., повторив предыдущие показания, рассказал, что Колесникова разжаловали за злоупотребления по хозяйственной части во время командировки в Спасское для покупки овса, сена и бобов. В канцелярию приходили люди и предъявляли расписки Колесникова и жаловались на неуплату денег, «так что можно думать, что Колесников отчасти был заинтересован в том, чтобы документы, его компрометирующие, сгорели. 31 октября Колесников пришел и ушел вместе с толпой». Он еще припомнил, что Колесников, говоря с ним, сказал: «хорошо, что мы теперь помирились с Комендантом крепости». «Эти слова произвели на меня такое впечатление, что мне стало ясно, что Колесников пришел с толпой, а не отдельно по какому-либо делу. Я, впрочем, не видел, чтобы Колесников сам что-либо поджигал, или ломал» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603. Л. 158).

7 марта 1906 г. Колесников подтвердил свои предыдущие показания и кроме того указал, что писари Кичатов и Наймушин «были на меня сердиты за то, что я, будучи дежурным по полку, выгонял их из дежурной комнаты, где они часто

пьянствовали» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603. Л. 166).

Из свидетелей, которых просил опросить Колесников и его жена, в деле есть показания от 16 марта 1906 г. владивостокского мещанина Петра Яковлевича Давыдкина, жившего в собственном доме №8 по 3 Матросской улице. Он рассказал, что Колесников «во время беспорядков 30-31 октября м.г. занимал квартиру 2 д. Шапошникова по 3 Матросской ул. Весь вечер и ночь с 30 на 31 окт. не выходил на улицу, помогал мне с другими лицами охранять мой и его дом от поджога, в чем принес мне огромную пользу, за что я ему очень благодарен, так что благодаря его стараниям, причем на колени иногда приходилось становиться перед поджигателями, – мой дом остался цел и невредим». Относительно же 31 октября Давыдкин не смог сказать, «уходил ли Колесников куда-либо из дому или когда», потому что «иногда ложился спать не надолго» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603. Л. 173).

Слова Давыдкина подтверждают, что Колесников не принимал участия в ночном разгроме городе, а, напротив, охранял имущество собственное и соседей. Это, конечно, нельзя рассматривать как доказательство того, что 31 октября он не был участником шествия по тюрьмам. Его разжалование и увольнение из Хабаровского пехотного полка могло бы послужить мотивом для мести. Однако, учитывая его действия в предыдущий день, вряд ли его можно считать руководителем выступления. Кроме того, все свидетели показали, что сам он участия в поджоге не принимал, и в здании канцелярии и тюрьмы его никто не видел. Так что на факт подстрекательства к поджогу указывают только показания двух писарей, которые могли быть необъективными, а на факт его руководства действиями толпы в тюрьме – только показания поручика Клепикова о его активной жестикуляции.

Не подтвердил показания Колесникова допрошенный 10 марта 1906 г. писарь Владивостокской крепостной конно-охотничьей команды Федор Иванович Зуев о том, что Колесников 31 октября приходил к нему в конно-охотничью команду. Зуев сказал, что не видел Колесникова, «может тот и приходил, но он дежурил у телефона» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603. Л. 167).

К началу апреля расследование было закончено. 6 апреля 1906 г. Временный Генерал-губернатор крепостного района издал приказ всем сухопутным и морским войскам крепости Владивосток №37 о предании Ивана Колесникова военно-окружному суду (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4.

Д. 603. Л. 10об.-11). Обвинительный акт по делу Колесникова был составлен 17 апреля 1906 г. и об. помощника военного прокурора полковником М.А. Тыртовым. В заключительной его части констатировалось: «На основании этих показаний свидетелей уволенный в запас армии фельдфебель 30 ВССП Колесников обвинялся «1) в том, что 31 октября 1905 года в кр. Владивосток находился в толпе пришедшей к помещению 2-й Владивостокской крепостной гауптвахты, занимавшей один из корпусов новой тюрьмы, с целью освобождения содержащихся на гауптвахте арестантов и, действуя с участниками скопища соединенными силами, участвовал в самовольном освобождении арестованных открытой силою и 2) в том, что после того как толпа взломала двери к арестованным и выпустила их говорил окружающим его лицам о необходимости сжечь расположенную в соседнем с гауптвахтой помещении канцелярию Хабаровского пехотного полка, в коем он, Колесников, сам состоял на службе до лишения звания зауряд прапорщика и перевода в другую часть, что было вслед затем произведено толпою в исполнение и происшедшим от поджога пожаром причинен убыток казне в сумме 75671 р. 35 коп. ...» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603. Л. 8).

Таким образом, на основании зыбких показаний свидетелей, Колесникова посчитали виновным в поджоге полковой канцелярии и тюрьмы, а исследователи на основании обвинительного акта и показаний свидетелей определили его одним из руководителей беспорядков, произошедших 31 октября 1905 г. Думается, Колесникову не повезло в том смысле, что он ранее служил в Хабаровском пехотном полку и среди других находившихся в тюрьме именно его опознали бывшие сослуживцы и обратили внимание на его действия.

20 апреля 1906 г. Приамурский военно-окружной суд распорядился доставить в суд 22 апреля к 10 часам утра подсудимого Колесникова для вручения копии обвинительного акта. 22 апреля ему вручили обвинительный акт и объявление, что он в течение суток имеет право дополнить список свидетелей и заявить о назначении адвоката от суда или избрать себе самостоятельно (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603. Л. 14-15).

23 апреля 1906 г. Колесников написал прошение о том, что он не смог в суточный срок по предъявлении ему обвинительного заключения найти адвоката, просит разрешения найти «после» и повторяет просьбу вызвать свидетелей, которые могли показать, где он был во время погромов 30 и 31 числа в разное время. Он также указал некоторые подробности действий поручика Клепикова «во

время похода матросов с музыкой который было вышел со своим взводом поперек дороги и начал стрелять по матросам, а фельдфебель той роты был с полуротой под горой тоже хотел действовать перекрестным огнем, ну Поручик Клепиков этого взводного заворотил внутрь двора, он может показать, как я стоял с поручиком Клепиковым и до каких пор и как поручик Клепиков кричал да здравствует свобода, там много солдат миня видели ну я их фамилии не помню» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603. Л. 17-17об.).

Из его свидетелей допросили 9 мая 1906 г. фельдшера Иван Маценко, который подтвердил, что вечером в 7 часов 30 октября Колесников был в помещении фельдшеров 30 ВССП. Два других фельдшера – Садовников и Синельников – 22 марта были уволены в запас, отправлены на родину и допросить их не смогли (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603. Л. 48, 50).

В деле присутствуют и документы о предшествующей службе обвиняемого. Выписка из алфавита сверхсрочнослужащего старшего унтер-офицера Ивана Васильевича Колесникова 9 Восточно-Сибирского стрелкового батальона от 9 апреля 1896 г. характеризует его как толкового солдата и не содержит сведений, свидетельствующих о его участии в революционном движении. И.В. Колесников происходил из крестьян слободы Журавки Воронежской губернии Богучарского уезда Быковской волости, родился 16 июля 1870 г., был грамотен и холост, когда призывался на службу и увольнялся в запас. Действительная служба считалась с 1 января 1892 г. Сначала он проходил службу рядовым Борисоглебского резервного батальона, затем – ефрейтором, с 15 февраля 1894 г. переведен в войска Приамурского военного округа, 23 апреля прибыл и был зачислен в 11 роту 9 ВСС батальона. 30 марта 1895 г. успешно закончил курс учебной команды и 22 апреля 1895 г. его произвели в младшие унтер-офицеры. 1 сентября 1895 г. за отличную стрельбу Колесников был награжден часами, а 18 октября – знаком за отличную стрельбу и произведен в старшие унтер-офицеры. 19 октября 1895 г. он добровольно остался на сверхсрочную службу на годичный срок на должности взводного унтер-офицера, за что был награжден серебряной нашивкой и прибавочным жалованьем в размере 60 руб. в год. 9 апреля 1896 г. уволен в запас армии. Приказом по 1 Никольскому запасному батальону от 12 июля 1900 г. за №75 произведен в фельдфебели. Взысканиям за время действительной службы Колесников не подвергался. Во время русско-японской войны он был призван из запаса и находился на

службе в Хабаровском пехотном полку в крепости Владивосток, объявленной на осадном положении с 28 апреля 1905 г. (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603. Л. 66-67).

Суд был назначен на 19 мая 1906 г. на 10 часов утра. Заседание состоялось в 11 часов утра, но поскольку Колесников не успел обзавестись адвокатом, то суд под председательством и.об. военного судьи, военного следователя полковник Евсеева признал возможным слушание дела отложить. 20 мая 1906 г. обвиняемый обратился с прошением о назначении ему адвоката, и 27 мая 1906 г. ему назначили защитника от суда – поручика Борисова (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603. Л. 36, 60-60об., 62-63).

Суд над Колесниковым так и не состоялся, так как обвиняемый бежал. Когда же и как произошел побег? 6 июня 1906 г. Колесников, содержащийся на крепостной гауптвахте, был отправлен на излечение во Владивостокский местный лазарет и находился там под стражей. 16 июля 1906 г. он обратился с докладной запиской к старшему врачу лазарета: «Прошу ходатайства Вашего Высокоблагородия перед Приамурским Военно-Окружным Судом (так как мое дело находится в оном) об отдаче меня под надзор администрации Владивостокского местного лазарета, в коем я состою на излечении». Врач не отказал ему в таком ходатайстве. В ответ 25 июля 1906 г. старшему врачу поступил запрос от председателя суда, чем болен Колесников, и тот ответил, что экземой и неврастением. 26 июля 1906 г. суд отказался изменить Колесникову «меру пресечения ареста отдачею под надзор администрации Владивостокского лазарета, где он находится на излечении» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603. Л. 68-71об.). 1 августа 1906 г. и.д. старшего врача подал рапорт председателю суда: «Доношу, что 29-го сего июля самовольно отлучился из лазарета больной подсудимый фельдфебель 30-го В.С.Стр. полка Иван Колесников до сего времени не вернулся» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603. Л. 73).

5 августа 1906 г. состоялся суд, который рассмотрел обстоятельства побега и определил: «о розыскании как скрывшегося подсудимого Ивана Колесникова, так и имущества его сделать соответствующие распоряжения...» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603. Л. 77об.). До конца года обвиняемого так и не нашли. 31 декабря 1907 г. состоялось заседание Приамурского Военно-Окружного суда, где было решено, что поскольку со дня «распоряжения о розыске прошло более 6-ти месяцев ... настоящее дело впредь до явки или задержания подсудимого Колесникова считать оконченным и

возвратить чрез Военного Прокурора подлежащему начальству для хранения» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 603. Л. 3-3об.).

Таким образом, манифестация 31 октября 1905 г. и освобождение арестованных из тюрем была для многих нижних чинов олицетворением победы во вчерашних выступлениях, но, возможно, для кого-то из них – продолжением «праздника непослушания», дальнейшим проявлением своеволия и протеста. Войска, охранявшие тюрьму, не стали стрелять по восставшим, как следует из их показаний, потому что боялись, что рота, выстроившаяся напротив, попадет под обстрел. Офицеры не сумели в условиях необходимости быстрого принятия решений правильно построить подчиненные им подразделения и отдать жесткий приказ. Однако вероятны и другие объяснения. Капитан Сашенский и поручик Клепиков, не имея приказа стрелять, не смогли принять такое решение самостоятельно, солдаты же просто подчинялись командирам. Офицеров, возможно, смутило, что толпа шла с портретами императора и национальными флагами, а оркестр играл народный гимн, тем более что по слухам, доходящим до тюрьмы, комендант разрешил выпустить арестованных. Но, возможно, охрана тюрьмы и не хотела стрелять, сочувствуя восставшим нижним чинам.

И.В. Колесников в советское время был фактически назначен руководителем выступления на основании материалов дела, которое в полном виде сохранилось в архиве. Именно служба в Хабаровском пехотном полку, который на момент освобождения арестованных из городской тюрьмы охранял эту тюрьму и чья полковая канцелярия находилась в этом же здании, явилась, как нам кажется, ключевым моментом, который определил выбор Ивана Колесникова в качестве обвиняемого по этому делу. Он был лично знаком с нижними чинами и офицерами полка. Другие участники, даже поливавшие керосином мебель и пол в полковой канцелярии, свидетелями опознаны не были. Побег его, конечно, можно интерпретировать как свидетельство подготовленности к революционной борьбе и участия в некоей организации, подготовившей побег, но, возможно, это было просто стечением обстоятельств, нечаянной удачей или чьей-то личной помощью, например, врача, имя которого пока не удалось выяснить, подпись на документах в деле неразборчива. Понятно, что Колесников осознавал, что ему грозит если не смертная казнь, то каторга, возможно, пожизненная, и побег был для него единственным способом выжить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авилов Р.С. Русско-японская война и революция 1905-1907 гг. на Дальнем Востоке // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. №2 (46). С. 7-16.
2. Вишневецкий В.М. Революционное движение во Владивостоке в 1906-1907 гг. // Материалы по истории Владивостока. Владивосток, 1960. С. 141-158.
3. Владивосток. Сборник исторических документов (1860-1907 гг.). Владивосток: Прим. кн. изд-во, 1960.
4. Галлямова Л.И. Рабочее движение на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX в. Владивосток: Дальнаука, 2004.
5. Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 207-234.
6. Голионко В.П. Очерки революционного движения в Приморье (1900-1916 гг.). Хабаровск: Дальгиз, 1940.
7. Ефременко Н.Г. Революционные события в Приморье в 1905-1907 гг. // Из истории революционного движения на Дальнем Востоке в годы первой русской революции. Владивосток: Прим. кн. изд-во, 1956. С. 60-83.
8. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М.: Наука, 1991.
9. Кочеткова И.С. Политические партии на Дальнем Востоке России (начало XX в. – 1916 г.): дисс. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1995.
10. Леви Дж. К вопросу о микроистории // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 167-190.
11. Малик И.П. Русский Дальний Восток на рубеже XIX и XX веков. Очерки истории революционного движения 1900-1907 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1982.
12. Медик Х. Микроистория // Thesis. 1994. Вып.4. С. 197-205.
13. Непомнящий А.С. Революционное движение среди моряков Тихоокеанского флота в 1905-1907 годах // Из истории революционного движения на Дальнем Востоке в годы первой русской революции. Владивосток: Прим. кн. изд-во, 1956. С. 84-126.
14. Побережников И.В. Микроистория: действия и структуры в историческом контексте // Уральский исторический вестник. 2010. №4 (29). С. 8-13.
15. Станкевич А.П. Первая революция на Дальнем Востоке. Хроника революционных событий 1903-1908 гг. Хабаровск: Дальневосточное краевое издательство «Книжное дело», 1930.

16. Чукарев А.Г. Царская охранка в борьбе с революционным движением на ДВ и в Забайкалье в период первой русской революции (1905-1907 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1970.

17. Ясько Т.Н. Участие моряков-дальневосточников в борьбе против царизма. 1903-1907 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1986.

REFERENCES

1. Avilov, R.S., 2015. Russko-yaponskaja voina i revolyutsiya 1905-1907 gg. na Dal'nem Vostoke [Russo-Japanese war and the revolution of 1905-1907 in the Russian Far East], Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke, no. 2 (46), pp. 7-16. (in Russ.)
2. Vishnevskii, V.M., 1960. Revolyutsionnoe dvizhenie vo Vladivostoke v 1906-1907 gg. [Revolutionary movement in Vladivostok, 1906-1907]. In: Materialy po istorii Vladivostoka. Vladivostok, pp. 141-158. (in Russ.)
3. Vladivostok. Sbornik istoricheskikh dokumentov (1860-1907 gg.) [Vladivostok. The collection of historical documents (1860-1907)]. Vladivostok: Prim. kn. izd-vo, 1960. (in Russ.)
4. Gallyamova, L.I., 2004. Rabochee dvizhenie na Dal'nem Vostoke Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Labor movement in the Russian Far East in the second half of XIXth – early XXth century]. Vladivostok: Dal'nauka. (in Russ.)
5. Ginzburg, K., 1996. Mikroistoriya: dve-tri veshchi, kotorye ya o nei znayu [Microhistory: two or three things I know about it]. In: Sovremennye metody prepodavaniya noveishei istorii. Moskva, pp. 207-234. (in Russ.)
6. Golionko, V.P., 1940. Ocherki revolyutsionnogo dvizheniya v Primorye (1900-1916 gg.) [Sketches of the revolutionary movement in Primorye (1900-1916)]. Khabarovsk: Dal'giz. (in Russ.)
7. Efremenko, N.G., 1956. Revolyutsionnye sobytiya v Primorye v 1905-1907 gg. [Revolutionary events in Primorye in 1905-1907]. In: Iz istorii revolyutsionnogo dvizheniya na Dal'nem Vostoke v gody pervoi russkoi revolyutsii. Vladivostok: Prim. kn. izd-vo, pp. 60-83. (in Russ.)
8. Istoriya Dal'nego Vostoka SSSR v epokhu feodalizma i kapitalizma (XVII v. – fevral' 1917 g.). [History of the Soviet Far East in the era of feudalism and capitalism (XVII century – February, 1917)]. Moskva: Nauka, 1991. (in Russ.)
9. Kochetkova, I.S., 1995. Politicheskie partii na Dal'nem Vostoke Rossii (nachalo XX v. – 1916 g.) [Political parties in the Russian Far East (the beginning of XXth century – 1916)], dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk. Vladivostok. (in Russ.)

10. Levi, J., 1996. K voprosu o mikroistorii [Towards the issue of microhistory]. In: *Sovremennye metody prepodavaniya noveishei istorii*. Moskva, pp. 167-190. (in Russ.)

11. Malik, I.P., 1982. *Russkii Dal'nii Vostok na rubezhe XIX i XX vekov. Ocherki istorii revolyutsionnogo dvizheniya 1900-1907 gg.* [The Russian Far East at the end of the XIXth and XXth centuries. Essays on the history of the revolutionary movement of 1900-1907], dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk. Vladivostok. (in Russ.)

12. Medik, H., 1994. *Mikroistoriya* [Microhistory], Thesis, no. 4, pp. 197-205. (in Russ.)

13. Nepomnyashchii, A.S., 1956. *Revolyutsionnoe dvizhenie sredi moryakov Tikhookeanskogo flota v 1905-1907 godakh* [Revolutionary movement of the Pacific Fleet sailors in 1905-1907]. In: *Iz istorii revolyutsionnogo dvizheniya na Dal'nem Vostoke v gody pervoi russkoi revolyutsii*. Vladivostok: Prim. kn. izd-vo. pp. 84-126. (in Russ.)

14. Poberezhnikov, I.V., 2010. *Mikroistoriya: deistviya i struktury v istoricheskom kontekste* [Microhistory: actions and patterns in historical

context], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 4 (29), pp. 8-13. (in Russ.)

15. Stankevich, A.P., 1930. *Pervaya revolyutsiya na Dal'nem Vostoke. Khronika revolyutsionnykh sobytii 1903-1908 gg.* [The first revolution in the Russian Far East. Chronicle of the revolutionary events of 1903-1908]. Khabarovsk: Dal'nevostochnoe kraevoe izdatel'stvo «Knizhnoe delo». (in Russ.)

16. Chukarev, A.G., 1970. *Tsarskaya okhranka v bor'be s revolyutsionnym dvizheniem na DV i v Zabaikal'e v period pervoi russkoi revolyutsii (1905-1907 gg.)*. [The Tsar's secret police in the fight against the revolutionary movement in the Far East and Trans-Baikal during the first Russian revolution, 1905-1907], dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk. Vladivostok. (in Russ.)

17. Jas'ko, T.N., 1986. *Uchastie moryakov-dal'nevostochnikov v bor'be protiv tsarizma. 1903-1907 gg.* [The participation of the Far-Eastern sailors in the struggle against the tsarist regime, 1903-1907], dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk. Vladivostok. (in Russ.)

Н.П. Курусканова*

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СИБИРСКИХ ЦЕНТРАЛЬНЫХ РАБОЧИХ ГРУПП ПСР (1906-1907 гг.)

В статье рассмотрена нелегальная издательская деятельность Центральных рабочих групп (ЦРГ), действовавших в составе ряда сибирских организаций партии социал-революционеров (ПСР), показана их полиграфическая база, дана статистика выпущенных ими в 1906-1907 гг. изданий, проанализировано их содержание. Автор делает вывод о том, что печатные издания ЦРГ ПСР способствовали повышению уровня классовой сознательности сибирских рабочих, их включению в борьбу за свои экономические и политические права, формированию актива рабочих-партийцев.

Ключевые слова: революция 1905-1907 гг., Сибирь, эсеры, ЦРГ, нелегальная печать

Publishing activities of Siberian Central working groups of Socialist Revolutionary Party, 1906-1907. NATALIYA P. KURUSKANOVA (Russian Society of Intellectual History, Krasnodar Branch)

The article deals with the illegal publishing activities of the Central working groups, operating as a part of a number of Siberian organizations of the Socialist Revolutionary Party, showing their printing facilities, the volumes and contents of their publications in 1906-1907. The author concludes that their publications contributed to the level of the class consciousness of Siberian workers, their inclusion into the struggle for their economic and political rights and to the formation of the group of activists among the workers.

Keywords: Russian Revolution of 1905, Siberia, Socialist Revolutionary Party, Central working groups, illegal press

Нелегальная издательская деятельность Центральных рабочих групп (ЦРГ), действовавших в составе ряда сибирских организаций ПСР, получила недостаточное освещение в имеющейся историографии. В данной статье поставлена задача подробно рассмотреть этот важный аспект их деятельности.

На втором этапе Первой российской революции в пролетарской среде продолжали доминировать социал-демократы, однако заметно расширилось и эсеровское влияние. В частности, в Омской, Курганской, Красноярской, Тюменской, Тайгинской и других организациях ПСР увеличилась рабочая прослойка [6, с. 99-102].

Руководство сибирских эсеров, стремясь усилить влияние своей партии в пролетарской среде, приняло специальные резолюции, касавшиеся создания и деятельности особых подразделений в местных организациях ПСР – ЦРГ. Так, второй съезд представителей сибирских организаций ПСР (10 июля 1906 г.) принял резолюцию «Работа среди рабочих». В ней указывалось, что в целях «более близкого единения местных организаций с рабочими массами» необходимо создавать Центральные рабочие группы ПСР. ЦРГ являлись выборными органами рабочих – членов ПСР, автономными по отношению к комитетам ПСР в своей

* КУРУСКАНОВА Наталия Петровна, кандидат исторических наук, ученый секретарь Краснодарского отделения Российского общества интеллектуальной истории.

E-mail: kurusknp03@yandex.ru

© Курусканова Н.П., 2016

деятельности. По мнению эсеров, ЦРГ должны были сделать их работу среди пролетарских масс более успешной, чем прежде [2, с. 6].

Съезд Совета Сибирского союза ПСР, состоявшийся в Красноярске в декабре 1906 г., также принял резолюцию по этому вопросу: «1) Принимая во внимание: 1) что в настоящее время приходится вести партийную работу при конспиративных условиях, 2) что для развития самостоятельности рабочих необходимо, по возможности, полное самоуправление последних в их местных делах, – Совет высказывается за прежний тип организаций: 1) во главе организации стоит выбранный демократический комитет с правом кооптации, 2) все партийные рабочие избирают на демократических началах самоуправляющуюся группу рабочих ПСР» [3, с. 6-7].

Третий Областной съезд Сибирского союза ПСР, проходивший в Томске 23-28 апреля 1907 г., проголосовал за следующую резолюцию: «Принимая во внимание, что создание Центральных рабочих групп не противоречит принципу территориальности и вытекает из необходимости разделения труда, Областной съезд Сибирского союза ПСР находит необходимым существование Центральных рабочих групп; функции последних сводятся к пропаганде, агитации и организации рабочих в пределах директив, исходящих от местного комитета» [4, с. 10].

Отметим, что ЦРГ в европейской части России появились еще в 1905 г., о чем свидетельствует, например, содержание листовки Иркутской группы ПСР «Во второй половине февраля в г. Нижнем Новгороде образовалась Рабочая группа...» (№ 4. 1905, конец мая). Ее авторы сообщали об образовании в феврале 1905 г. в Нижнем Новгороде Рабочей группы ПСР и выражали солидарность с взглядами членов этой группы. Листовка представляла собой перепечатку из газеты ЦК ПСР «Революционная Россия» (1905, 25 апр. № 65) [8, с. 56].

ЦРГ в составе местных организаций ПСР стали появляться с весны 1906 г. Так, при Иркутском комитете ПСР 15 марта 1906 г. была создана ЦРГ ПСР, в которой преобладали железнодорожники. Ее активистами являлись наборщики Г.Ф. Ветавецкий, М.Ф. Рогов, А.А. Кривошеин, столяр депо О.Г. Еремин, котельщик И.Н. Петровский, столяр Г.А. Апрельов и др. В апреле 1907 г. в ее составе насчитывалось 7 чел. [10, с. 242]. Об оформлении ЦРГ информировала листовка Иркутского комитета ПСР «Объявление» (10 апреля 1906 г.). В ней, в частности, говорилось: «Дело освобождения рабочих от гнета, произвола и капитала должно

быть делом их собственных рук; только тогда оно будет прочно и окончательно. Признание этого положения обуславливает необходимость создать особое рабочее дело. Вперед же, товарищи, в добрый час! Пусть крепко сплоченная рабочая рать будет повсюду авангардом в деле сознательной революционной борьбы» [7, с. 71-72].

Красноярская ЦРГ ПСР возникла 27 июня 1906 г. [10, с. 251]. В ее составе числилось 80 членов (Государственный архив Российской Федерации, далее – ГАРФ. Ф. ДП. ОО. 1907 г. Д. 9. Ч. 63. Л. 105-105об., 106). Омские эсеры в октябре 1906 г. создали ЦРГ ПСР, в которой насчитывалось 17 железнодорожников, а в начале 1907 г. – 40 [11, с. 5-7]. Активистами Омской ЦРГ ПСР являлись рабочие-железнодорожники А.С. Селезнев, К.И. Шестаков, Д.И. Литвиненко, К.Л. Чарнецкий, П.Т. Подзоров, И.Е. Белоносов, Ф.А. Филиппенко и др. (Исторический архив Омской области, далее – ИСА ОО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 41. Л. 34; Ф. 270. Оп. 1. Д. 411. Л. 93; Д. 543. Л. 96; Ф. 271. Оп. 1. Д. 17а. Л. 79 об.). Осенью 1906 г. оформилась Читинская ЦРГ ПСР, состоявшая из 50 железнодорожников. Ее возглавлял Читинский районный рабочий комитет, включавший в себя 8 чел. (ГАРФ. Ф. ДП. ОО. 1907 г. Д. 9. Ч. 63. Л. 107, 108). В состав Верхнеудинской эсеровской организации осенью 1906 г. вошла ЦРГ ПСР, в апреле 1907 г. в ней насчитывалось 20 железнодорожных рабочих (ГАРФ. Ф. ДП. ОО. 1907 г. Д. 9. Ч. 63. Л. 109об.). Таким образом, в крупных сибирских организациях ПСР в 1906 г. стали функционировать ЦРГ.

Члены ЦРГ ПСР приступили к активной издательской работе. Так, изданием листовок на своем гектографе с апреля 1906 г. начала заниматься Иркутская ЦРГ ПСР [5, с. 151]. Своей полиграфической базой обзавелись и другие ЦРГ ПСР. Если вначале у них были, в основном, гектографы, то в первой половине 1907 г. у некоторых ЦРГ уже имелись собственные подпольные типографии. Так, делегат от Красноярского комитета ПСР на третьем Областном съезде Сибирского союза ПСР заявил, что объединение типографии комитета и ЦРГ «дало хорошие результаты: не стало недостатка в шрифте, их работа пошла быстрее. Раньше издаваемая нами газета «Голос революции» печаталась 2-3 недели, а иногда и месяц. Теперь это делается в 6-7 дней» [1, с. 6].

Иркутские эсеры после арестов своей подпольной техникой 12-14 сентября 1906 г. обратились к социал-демократам с просьбой предоставить им типографское оборудование. Эсдеки дали эсерам типографию, которую установили в квартире супругов Ветавецких. Здесь от имени Иркутской

ЦРГ ПСР отпечатали листовку «Ко всем! Граждане!» (15-17 сентября 1906 г.). После изготовления листовки эсеры, руководствуясь конспиративными соображениями, вывезли типографию из города. Эта типография была обнаружена полицией 19 сентября 1906 г. в местности «Лисиха» вблизи Иркутска [5, с. 152]. Однако уже в первой половине 1907 г. Иркутская ЦРГ ПСР обладала собственной типографией. Она находилась в удаленной местности «Звездочка» на ул. 1-й Проточной, 17, в доме рабочего депо О.Г. Еремина. Он сам занимался изготовлением листовок на гектографе [5, с. 152, 163]. Несмотря на неоднократные обыски в доме О.Г. Еремина, этот гектограф был изъят полицией лишь в марте 1909 г. (Государственный архив Иркутской области, далее – ГАИО. Ф. 242. Оп. 2. Св. 16. Д. 322).

С осени 1906 г. Читинская ЦРГ ПСР наладила издание листовок на гектографе. По заявлению делегата из Читы на третьем областном съезде эсеров, ЦРГ предприняла попытку оборудовать вторую типографию для издания периодического партийного органа. Однако для успешной типографской работы ЦРГ не хватало опытных наборщиков и 3 пудов шрифта (ГАРФ. Ф. ДП. ОО. 1907 г. Д. 9. Ч. 63. Л. 107, 108об.-109).

Всего, по нашим данным, у Омской, Красноярской, Иркутской, Читинской и Верхнеудинской ЦРГ ПСР имелось не менее 4 гектографов и 5 типографий, что позволяло им заниматься активной издательской работой. Согласно предпринятым нами подсчетам, члены сибирских ЦРГ ПСР в течение апреля 1906 г. – осени 1907 г. издали не менее 17 наименований листовок (тираж 7 листовок – 11 тыс. экз.), в том числе Омская ЦРГ ПСР – 6 (тираж 5 листовок – 8,5 тыс. экз.), Красноярская – 1 (тираж – 2 тыс. экз.), Иркутская – 9 (тираж 1 – 500 экз.), Верхнеудинская – 1; 1 брошюру (Иркутская); 4 газеты, в том числе Красноярская – 2 (тираж №5, 6, 7 газеты «Голос революции» – 6 тыс. экз.), Иркутская – 1, Читинская – 1 [8, с. 68, 78, 82-83, 85, 109, 111, 112, 114].

Отметим, что из 17 листовок, выпущенных сибирскими ЦРГ ПСР, только 3 (17,6%) являлись перепечатками. Это листовки Иркутской ЦРГ ПСР «Манифест ко всему российскому крестьянству» (1906, июль) (ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 10439. Л. 1), «Воззвание политических заключенных в Кронштадте» (1906, авг.) (Российский государственный исторический архив, далее – РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 301. Л. 92), «Новая Нагорная проповедь» (ранее 13 сентября 1906 г.) (ГАИО. Ф. 243. Оп. 5. Д. 20-а. Л. 24).

Проанализируем содержание этих изданий. Так, первой листовкой, выпущенной Иркутской ЦРГ ПСР, стала прокламация «Товарищи рабочие! Предстоящий день 18 апреля (1 Мая) – великий праздник пролетариата...» (17 апреля 1906 г.). Ее авторы призывали рабочих, ради экономии организованных сил, воздержаться от всяких демонстраций и публичных празднований в день 1 Мая (18 апреля). Листовка распространялась в Иркутске (ГАИО. Ф. 243. Оп. 5. Д. 66. Л. 118).

Следующая листовка Иркутской ЦРГ ПСР «Товарищи рабочие! Впервые сегодня мы, организованные рабочие ПСР, обращаемся...» (май 1906 г.) подробно разъясняла устройство и программу деятельности ЦРГ ПСР. В прокламации говорилось: «Мы, рабочие социалисты-революционеры г. Иркутска, вполне сознаем необходимость создания особой Центральной рабочей группы здесь; группы, которая бы взяла на себя руководство рабочим делом под наблюдением местного комитета, которая послужила бы таким же связующим звеном среди рабочих... Кому же, как не нам, самим рабочим, лучше всего известна обстановка деятельности среди рабочих, кому, как не нам самим, легче всего проводить среди рабочих наши взгляды и идеи. За станком, за наковальней, за машиной, за иглой, на фабрике и на заводе – всюду мы тесно соприкасаемся друг с другом, всюду мы можем и передавать то, во что мы верим, чем мы духовно существуем. Путь для этого у нас много, а на силы свои мы надеемся!». В листовке подводились итоги функционирования Иркутской ЦРГ ПСР: «За два месяца нашего существования мы открыли два отделения группы по Иркутскому району, мы привлекли десятки и сотни товарищей в наши ряды. Прошлое наше еще недолго, но прочное начало организации положено; и это нам дает надежды на будущее; это вселяет в нас бодрость, и смело мы вступаем на поприще нашей деятельности». Отпечатанная типографским способом, эта листовка получила распространение в Иркутске [7, с. 74-75].

Газета Красноярской ЦРГ ПСР «Рабочий летучий листок» (№ 1, 3 июля 1906 г.) также сообщила о создании на собрании 27 июня (путем тайного голосования) Центральной группы рабочих ПСР, раскрыла ее цели и задачи. Среди ее задач: «А) Привлечение новых членов в партию из среды рабочих и работниц, предварительно ознакомив их с целями и средствами ПСР, с программами и тактикой других партий, с рабочим и крестьянским вопросом. Б) Организация массовых собраний для обсуждения всех назревающих вопросов. В) Сбор членских взносов в размере 2% с зарплаты,

пожертвований по подписным листам, издание «Летучего листка» (нелегальная газета Красноярской ЦРГ ПСР «Рабочий летучий листок» – прим. авт.) и отчетов с целью осведомления рабочих о деятельности Центральной группы. Собранные деньги расходуются на печатание разного рода листов, расширение библиотеки, приобретение собственной типографии и на другие нужды партии». В заключении газетной статьи заявлялось: «Мы, рабочие с.-р., действуя с основными взглядами ПСР и совместно с Красноярским комитетом партии, приложим все свои силы и энергию и будем трудиться над выработкой товарищами-рабочими сознательного отношения к окружающим нас явлениям, за улучшение нашего рабочего быта и обнищавших трудовых крестьян, интересы которых неразрывно связаны с интересами рабочих» (Государственная общественно-политическая библиотека, Отдел редкой книги, далее – ГОПБ. ОРК, машин. копия).

Сибирские эсеры стремились вовлечь рабочих разных специальностей и в созданные ими политико-профессиональные союзы. Листовка Иркутской ЦРГ ПСР «Ко всем трудящимся» (май – начало июля 1906 г.), призывая рабочих «для борьбы с реакционным правительством, ... последовать нашему примеру», также охарактеризовала роль эсеровских профсоюзов в рабочем движении: «Товарищи, мы приглашаем вас организовать группу (или союзы) профессионально-политические, первой целью которых должно быть завоевание политических прав, т.е. свободы, гражданского равноправия и выборного народного представительства и, только получив эти права, мы сможем оградить и свои экономические интересы». Авторы листовки предлагали рабочим «организовать местную группу по общей программе профессионально-политических рабочих союзов для взаимной поддержки и помощи, войти в сношение с группами других местностей Иркутской губернии, Забайкалья и Западной Сибири, чтобы образовать Общесибирский Областной профессионально-политический рабочий союз, который, в свою очередь, объединится с российскими союзами». В листовке делался вывод: «...Объединившись на почве своих рабочих интересов и общих политических прав, взаимно поддерживая друг друга средствами и силами под знаменем Рабочего Союза ПСР, и примкнув к союзам наших братьев земледельческих рабочих-крестьян, мы явимся такой силой, которая вырвет, наконец, у правительства и у господствующих классов право и свободу, землю и волю всем трудящимся» (ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 34869. Л. 1).

На втором этапе революции, несмотря на правительственные репрессии, в Сибирском регионе продолжалось стачечное движение рабочих. Члены сибирских ЦРГ своей нелегальной печатью оперативно откликались на выступления рабочих. Так, авторы листовки Иркутской ЦРГ ПСР «Товарищи! Переживая момент всевозможных случайностей...» (июль 1906 г.) призывали рабочих бастовать организованно и только по призыву революционных организаций [8, с. 83].

В целях ослабления революционного влияния на рабочих правоохранительные органы активно внедряли в их среду своих осведомителей. С помощью печатного слова ЦРГ ПСР разоблачали их. Например, авторы листовки Красноярской ЦРГ ПСР «К сведению товарищей. Красноярская Центральная рабочая группа ПСР доводит до сведения...» (конец июня – июль 1906 г.) обратились к рабочим железнодорожных мастерских с призывом бойкотировать столяра модельного цеха, бывшего члена ПСР И.А. Зареко, разоблаченного ими как секретного сотрудника полиции [9, с. 214].

Ряд листовок, выпущенных сибирскими ЦРГ ПСР, являлись откликами на заметные общероссийские события. Так, в ответ на досрочный роспуск I Государственной Думы члены Иркутской ЦРГ ПСР отпечатали листовку «Ко всем трудящимся. Дума распущена. Распущена, не проведя в жизнь...» (после 9 июля 1906 г.). Ее авторы призывали трудящихся избавиться от конституционных иллюзий, начать подготовку вооруженного восстания против самодержавия: «Неизбежность вооруженного восстания, неизбежность революции поняли все: поняли рабочие, расстреливаемые на митингах и собраниях при обсуждении своих нужд, поняли и крестьяне, избиваемые казаками за вопли: «Земли и воли!», поняла и вся страна, измученная произволом и насилием кучки самодержавных грабителей». Листовка эмоционально описывала сложившуюся в стране общественно-политическую ситуацию: «Наступила тишина. Но это – затишье перед бурей. Грозное затишье перед грядущими событиями. Внутри страны, внутри народного организма идет лихорадочная работа. Организуются боевые дружины для борьбы с гнилым и отжившим самодержавием. Готовятся рабочие, крестьяне, солдаты. Вся страна покрывается сетью революционных сообществ и союзов, которые все уже и уже затягивают петлю вокруг старого режима». Авторы листовки, не считаясь с неблагоприятной общественно-политической обстановкой, с масштабными правительственными репрессиями в период отступления Первой российской революции, тем не менее, необоснованно

призывали рабочих к вооруженному восстанию [7, с. 75-76].

Годовщине обнародования Манифеста 17 октября 1905 г. посвящалась листовка Омской ЦРГ ПСР «Товарищи рабочие! Прошел уже год...» (ранее 17 октября 1906 г.). Ее авторы противопоставляли I Государственную Думу и еще не созванную II Думу Учредительному собранию, избранному путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования без различия пола, национальности и вероисповедания. По их мнению, только Учредительное собрание могло разрешить все народные нужды. В листовке объяснялось программное требование борьбы за созыв Учредительного собрания: «Пока народ не добьется Учредительного собрания, война с правительством будет продолжаться не на живот, а на смерть. Каждый из вас, товарищи рабочие, должен твердо верить в то, что война эта окончится полной победой народа и падением царизма». Авторы листовки призывали рабочие массы к организованной борьбе с капиталом и самодержавным строем: «Товарищи рабочие, сила в организации и единении! ...Нужно единоедушное и одновременное восстание трудового крестьянства, пролетариата и сознательных солдат... И только при таких условиях, только при полном единении всех революционных сил и строгой организации мы можем быть уверены, что полная победа над нашими угнетателями будет одержана. Вы, товарищи рабочие, должны твердо помнить, что у вас, как у трудящегося класса, кроме самодержавия есть еще враг – капитализм. ... Борьба с ним гораздо труднее, чем с самодержавием. Частичные улучшения в вашей жизни, которые вам удастся отстоять у капитала – не есть ваша конечная цель. Пока будет существовать такой порядок, что фабриками, заводами, землей и вообще орудиями производства будут владеть одни, а трудиться на них другие, до тех пор рабочие не будут получать того, что им бы следовало по справедливости. Товарищи рабочие! Не забывайте, что только своей сплоченностью и организованностью мы можем победить». В листовке звучали призывы к рабочим вступать в ряды ПСР, «ибо только эта партия наиболее ярко отражает интересы всех слоев трудящегося населения России. Вот почему мы призываем вас, сознательных рабочих, вступать в ряды Партии социалистов-революционеров, которая ведет борьбу одновременно на два фронта – с самодержавием и капитализмом. Партия даст вам силу, сплотит вас, организует и тогда успех в борьбе обеспечен» (ИсА ОО. Ф. 270. Оп. 1, Д. 210. Л. 36).

По сообщению читинского делегата третьему Областному съезду Сибирского союза ПСР, Читинская ЦРГ ПСР во второй половине 1906 г. – весной 1907 г. издала «листки и прокламации, отвечающие, главным образом, на явления местной рабочей жизни» (ГАРФ. Ф. ДП. ОО. 1907 г. Д. 9. Ч. 63. Л. 108). К сожалению, до наших дней эти листовки не дошли.

После роспуска I Государственной Думы усилились правительственные репрессии против революционных организаций. Так, листовка Иркутской ЦРГ ПСР «Ко всем. Граждане!» (15-17 сентября 1906 г.) сообщала о произволе и репрессиях местных властей, призывала рабочих для борьбы за свободу вступать в ряды ПСР. В листовке говорилось: «Опять начались повальные обыски и аресты; опять душны сырые казематы Иркутского тюремного замка заполняются лучшими людьми; опять царский сатрап, начальник охраны Гаврилов распустил повсюду свою опричнину – шпионов и провокаторов... Каждый день газеты приносят новые и новые известия о виселицах и расстрелах лучших людей. Широкий простор получил военно-полевой суд». В листовке приводился пример деятельности скорострельной юстиции в Прибалтийском крае, где были расстреляны по приговору военно-полевого суда десятки невиновных людей. Проведенное затем следствие вынесло вердикт об их невиновности. Авторы листовки призывали: «ТОВАРИЩИ РАБОЧИЕ! Вы, которые для купцов и фабрикантов воздвигли красивые дома, высокие храмы, громадные замки; вы, которые одели богатых людей в дорогие и тонкие ткани и в золото; вы, которые дни и ночи проводите в душных сырых подвалах, в дыму и копоти фабрик; вы, которые работаете долгий день, создавая богатства для других, сами же ничего не имеете, кроме своих мозолистых рук. – Вас призываем мы восстать за свои права! Восстать в союзе с трудовым крестьянином, который на высоко поднятом знамени четко написал: “ЗА ЗЕМЛЮ И ВОЛЮ”». В листовке имелось также обращение к солдатам направить свое оружие «не против народа, а против его угнетателей, против его поработителей» (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1142. Л. 75). Текст этой листовки в целом характерен для большинства печатных изданий ЦРГ ПСР. Их авторы обращались к рабочим как к части трудового народа, связанного своими нуждами и целями борьбы и с крестьянами, и с солдатами, и с другими категориями трудящихся. Причем их авторы обосновывали необходимость крепкого союза между рабочими и крестьянскими массами для борьбы с самодержавием.

О том, что члены Верхнеудинской ЦРГ ПСР также стремились воздействовать на местное рабочее движение, свидетельствует содержание выпущенной ими прокламации «К верхнеудинским рабочим» (ранее 12 февраля 1907 г.). Ее авторы обращались к пролетариям с призывом сплотиться для борьбы за свои экономические и политические права. Листовка распространялась в Верхнеудинске [10, с. 312].

В период спада революции наиболее крупным выступлением сибирских рабочих явилась стачка железнодорожников Омска в феврале 1907 г., которой совместно руководили социал-демократы и эсеры. Рядом листовок откликнулись на эту забастовку и члены Омской ЦРГ ПСР. Выпущенные ими «Бюллетени №№ 1, 2, 3» (февраль 1907 г.) информировали о ходе стачки в омских железнодорожных депо и мастерских [6, с. 384-385]. Об их содержании можно судить по тексту «Бюллетеня № 2» (18 февраля 1907 г.). Его авторы предлагали рабочим-стачечникам доверять только стачечному комитету, руководившему забастовкой железнодорожников, сообщали о решении стачкома продолжать забастовку. В тексте бюллетеня, в частности, содержалась угроза в адрес рабочих-штрейкбрехеров, которые приступили к работе в депо (ИсА ОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 328. Л. 8).

Листовка Омской ЦРГ ПСР «К товарищам рабочим. Тяжелую борьбу, борьбу не на живот, а на смерть...» (конец февраля – начало марта 1907 г.) сообщала об итогах закончившейся поражением стачки местных железнодорожников. В листовке говорилось о репрессиях властей: «Оно (правительство – прим. авт.) ... вызывает нас, рабочих и трудовое крестьянство, на частичные и несвоевременные, а потому и неудачные выступления, ослабляя и расстреливая этим самым наши ряды. “Разделяй и властвуй!” – вот его старый и испытанный девиз, который оно слишком хорошо знает и которым слишком хорошо пользуется. И, к сожалению, надо заметить, его усилия не всегда пропадают, ему довольно часто удается с успехом выполнить свои адские замыслы. Пример не за горами: наша только что окончившаяся и неудачная забастовка. С тонким расчетом, в продолжении нескольких месяцев, желая, во чтобы то ни стало, расстроить наши силы, старалось и работало над этим наше начальство; оно приложило к этому все усилия и оно достигло». Среди причин поражения стачки авторы листовки называли неудачно выбранный для нее момент, ее несвоевременность. В листовке заявлялось: «Но, товарищи, будем помнить – не ошибается только

тот, кто ничего не делает: постараемся же исправить свою ошибку; постараемся вновь стянуть свои силы, чтобы в решительный момент выступить тесными, сомкнутыми и сильными рядами рука об руку со всеми отрядами революционного трудового народа против своего общего врага и нанести ему последний решительный и смертельный удар». Листовка оканчивалась призывом: «Товарищи! “В борьбе обрешь ты право свое!” неустанно говорит вам Партия социалистов-революционеров. Но для борьбы нужна сила, а сила эта будет только тогда, когда мы не будем представлять из себя разрозненной, неорганизованной и не вооруженной массы. Организуйтесь же и вооружайтесь, товарищи! Готовьтесь к последнему и решительному бою!» (РГИА. Ф. 273. Оп. 12. Д. 584. Л. 188).

Другая листовка Омской ЦРГ ПСР (18 апреля 1907 г.), изданная к пролетарскому празднику 1 Мая, повествовала о текущем моменте и призывала рабочих воздерживаться от стихийных выступлений [10, с. 328]. Используя нелегальную печать, социалисты-революционеры стремились объединять и организовывать рабочих под своим руководством, активно влиять на ход их выступлений. Характерно, что в указанных листовках нет явных выпадов против сторонников РСДРП, которые доминировали в пролетарской среде и с которыми эсеры конкурировали за влияние на рабочую массу. Это объяснялось тактикой «левого блока», которой придерживались социалистические партии в своей революционной деятельности.

После поражения революции издательская деятельность ЦРГ ПСР постепенно сошла на нет. Так, во время печатания в ночь на 1 июля 1907 г. газеты Красноярского комитета ПСР и Красноярской ЦРГ ПСР «Голос революции» (№ 8, 5 июля 1907 г.) полиция разгромила их подпольную типографию, а тираж газеты подвергла конфискации (ГАРФ. Ф. ДП. ОО. 1907. Д. 9. Ч. 16. Л. 104). Иркутская ЦРГ ПСР прекратила выпуск листовок, но отпечатавала типографским способом брошюру «Песни» (ранее 22 июня 1907 г.) (ГАИО. Ф. 242. Оп. 2. Д. 230. Л. 81). А в июле-октябре 1907 г. Иркутская ЦРГ ПСР изготовила типографским способом два номера газеты «Иркутский рабочий» (№ 1, июль – не позднее сентября 1907 г.; № 2, октябрь 1907 г.) [8, с. 114]. Читинский районный рабочий комитет ПСР в типографии Забайкальского комитета ПСР отпечатал два номера газеты «Революционное слово» (№ 1, июль 1907 г.; № 2, 1907 г.). А № 3 этой газеты (сентябрь 1907 г.) вышел уже как орган Забайкальского комитета ПСР

(ГАИО. Ф. 601. Оп. 1. Д. 101. Л. 80-81). Впоследствии нелегальных изданий сибирских ЦРГ ПСР не появлялось, поскольку осенью 1907 г. все ЦРГ ПСР в Сибирском регионе, в результате разгрома эсеровского подполья, прекратили свое существование.

Таким образом, осуществленное нами исследование нелегальной издательской деятельности сибирских ЦРГ ПСР в 1906-1907 гг. позволяет сделать следующие выводы. Для издательской работы членами Омской, Красноярской, Иркутской, Читинской и Верхнеудинской ЦРГ ПСР была создана полиграфическая база, позволившая им выпускать разнообразные типы печатной продукции – листовки, брошюры, газеты. Листовки и большинство газетных статей писались, как правило, самими членами ЦРГ ПСР, хорошо знавшими жизнь и нужды рабочих Сибири. Тематически большинство листовок, выпущенных ЦРГ ПСР, а также газетных статей, посвящалось пропаганде программных принципов ПСР, разъяснению целей и задач деятельности ЦРГ, освещению забастовочного движения местных пролетариев, анализу событий общественно-политической жизни страны и региона, популяризации революционных песен. Эти печатные издания, широко распространяемые среди рабочих, способствовали повышению уровня их классово сознательности, их включению в борьбу за свои экономические и политические права. Немаловажным стало и то, что в составе ряда сибирских организаций ПСР, в результате создания и функционирования ЦРГ ПСР, сформировался сплоченный актив рабочих-партийцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голос революции. Изд. Красноярск. к-та ПСР и Красноярск. ЦРГ ПСР. №6. 1907. Май.
2. Извещение о съезде представителей сибирских организаций партии социалистов-революционеров. Изд. ОК Сиб. союза ПСР (тип. Иркутск. к-та ПСР). 1906. Июль.
3. Извещение о съезде Совета Сибирского союза партии социалистов-революционеров. Изд. ОК Сиб. союза ПСР (тип. Красноярск. к-та ПСР). 1906. Декабрь.
4. Извещение о третьем Областном съезде Сибирского союза партии социалистов-революционеров. Изд. ОК Сиб. союза ПСР (Томск). 1907. Май-июнь.
5. Курусканова Н.П. Нелегальная издательская деятельность сибирских социалистов в период первой российской революции (1905-1907 гг.). Томск: ТГУ, 2007.
6. Курусканова Н.П. Нелегальная издательская деятельность сибирских социалистов (1901 г. – февраль 1917 г.). Краснодар: Краснодар. ЦНТИ, 2012.
7. Курусканова Н.П. Нелегальная печать сибирских эсеров в период борьбы с самодержавием (1901 – февраль 1917 гг.). Омск: ООИПКРО, 2000.
8. Курусканова Н.П. Нелегальные издания сибирских эсеров (1901 – февраль 1917 г.). Томск: ТГУ, 2004.
9. Курусканова Н.П. «Пусть их позорные имена сделаются известными каждому из товарищей!» Листовки революционных организаций Сибири 1902-1909 гг. // Исторический архив. 2003. № 3. С. 211-217.
10. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика: В 3 т. Т. 2. 1905 г. – июнь 1907 г. / под ред. Н.В. Блинова, В.П. Зиновьева. Томск: ТГУ, 1990.
11. Сибирские партийные известия. Изд. ОК Сиб. союза ПСР (Томск). № 1. 1907. 5 июля.

REFERENCES

1. Golos revoluytsii [Voice of revolution], no. 6, 1907, May. (in Russ.)
2. Izveshchenie o s'ezde predstaviteley sibirskikh organizatsiy partii sotsialistov-revoluytsionerov [Notice on congress of representatives of Siberian organizations of Socialist Revolutionary Party]. Irkutsk, 1906. (in Russ.)
3. Izveshchenie o s'ezde Soveta sibirskogo soyuza partii sotsialistov-revoluytsionerov [Notice on congress of the council of Siberian union of Socialist Revolutionary Party]. Krasnoyarsk, 1906. (in Russ.)
4. Izveshchenie o tret'em oblastnom s'ezde Sibirskogo soyuza partii sotsialistov-revoluytsionerov [Notice on third Regional congress of Siberian union of Socialist Revolutionary Party]. Tomsk, 1907. (in Russ.)
5. Kuruskanova, N.P., 2007. Nelegalnay izdatelskay deyatelnost sibirskikh sotsialistov v period pervoy rossiyskoy revoluytsii (1905-1907) [Illegal publishing activities of Siberian socialists during first Russian revolution, 1905-1907]. Tomsk: TGU. (in Russ.)
6. Kuruskanova, N.P., 2012. Nelegalnay izdatelskay deyatelnost sibirskikh sotsialistov (1901 – fevral' 1917) [Illegal publishing activities of Siberian socialists, 1901 – February 1917)]. Krasnodar: Krasnodar. CNTI. (in Russ.)
7. Kuruskanova, N.P., 2000. Nelegalnay pechat' sibirskikh eserov v period borbi s samoderzhaviem (1901 – fevral' 1917) [Illegal press of Siberian Socialist Revolutionary Party during the years of

struggle against tsarist regime (1901 – February 1917]. Omsk: OOIPKRO. (in Russ.)

8. Kuruskanova, N.P., 2004. Nelegalnie izdaniya sibirskikh eserov (1901 – fevral' 1917) [Illegal publications of Siberian Socialist Revolutionary Party, 1901 – February 1917]. Tomsk: TGU. (in Russ.)

9. Kuruskanova, N.P., 2003. “Pust' ikh pozornie imena sdelayutsa izvestnimi kazhdomu iz tovarishchey!” Listovki revolyutsionnikh organizatsiy Sibiri 1902-1909 gg. [«Let their shameful names be

known to every comrade!»: Leaflets of revolutionary organizations of Siberia, 1902-1909], Istoricheskiy arkhiv, no. 3, pp. 211-217. (in Russ.)

10. Blinov, N.V. and Zinoviev, V.P. eds., 1990. Rabochee dvizhenie: istoriografiya, istochniki, khronika, statistika: V 3 t. T. 2. 1905 – iyun' 1907 [Working-class movement in Siberia: historiography, sources, chronicle, statistics. In 3 volumes. Vol. 2. 1905 – July 1907]. Tomsk: TGU. (in Russ.)

11. Sibirskie partiynii izvestiya [Siberian party news], no. 1, July 5, 1907. (in Russ.)

А.А. Исаев*

ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА ВЛАСТИ ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ ДЕМОБИЛИЗОВАННЫХ ВОИНОВ К ЗАСЕЛЕНИЮ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР В НАЧАЛЕ 1930-х гг.**

В статье рассматривается политико-идеологическая работа властных структур СССР, направленная на привлечение демобилизованных воинов для переселения на советский Дальний Восток с целью социально-экономического и военно-политического укрепления региона в предвоенный период. Автор анализирует причины, основные направления и процесс агитационной и политико-идеологической работы среди демобилизованных красноармейцев, выявляет ее успехи и упущения посредством анализа высказываний переселенцев, представителей властных структур и старожилов.

Ключевые слова: Дальний Восток СССР, демобилизованные красноармейцы, политико-идеологическая работа, переселение, колхозы

Political and ideological work among demobilized soldiers to settle the Soviet Far East in the early 1930s. ALEKSANDR A. ISAEV (Far Eastern Federal University)

The article discusses political and ideological work of Soviet government aimed at attracting demobilized soldiers for the settlement of the Far East of the USSR to strengthen the region in socio-economic and military-political aspect in the prewar period. The author analyzes the causes and main directions of this campaign and identifies its successes and shortcomings basing on the opinions of the settlers, government and long-time residents of the region.

Keywords: Soviet Far East, Red Army returnees, political and ideological work, relocation, kolkhozes

Конец 1920-х – начало 1930-х гг. – переломный период в социально-экономическом развитии СССР. Главной целью политики правительства страны являлось обеспечение социальной, экономической и военной безопасности молодого, единственного в мире советского социалистического государства. В этой связи Дальневосточный регион рассматривался Москвой как стратегически важный, имеющий большое народно-хозяйственное значение и обладающий значительным экономическим потенциалом.

Руководство как центра, так и региона связывало перспективы развития дальневосточной экономики с завозом рабочих, служащих, крестьян из центральных районов страны, так как недостаток кадров на Дальнем Востоке являлся проблемой развития экономики в большей степени, чем в других территориях государства. Особенно остро стоял вопрос замены иностранной рабочей силы отечественной. С учетом специфики пограничного региона количественный и качественный демографический контроль над Дальневосточным

* ИСАЕВ Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и архивоведения Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: isaev.aa@dvfu.ru

© Исаев А.А., 2014

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Научного фонда ДВФУ. Проект №14-08-05-2_и

краем (далее – ДВК¹) носил прежде всего политический характер. Все миграционные процессы, которые проходили на Дальнем Востоке, – как и экономические, так и социальные – имели строго директивный характер.

В заселении края особое место занимало начавшееся в 1930 г. оседание демобилизованных красноармейцев, краснофлотцев и представителей погранвойск НКВД, служивших на Дальнем Востоке. Годы службы в этом регионе давали им возможность хорошо ознакомиться с его разнообразными богатствами и перспективами развития. Эта категория поселенцев, прошедшая должную военную и идеологическую подготовку, считалась надежной и необходимой. Тем более что армия и флот являлись на Дальнем Востоке не только боевой, но и большой созидательной силой. Именно в этом состояла одна из особенностей социальной политики в регионе. Из демобилизованных создавались новые колхозы, которые должны были служить примером развития коллективизации в сельском хозяйстве данной территории. Вместе с тем среди демобилизованных многие имели различные производственные квалификации, что в свою очередь являлось источником некоторого пополнения рабочей силы городов [3, с. 124].

Еще с конца 1920-х гг. на Дальнем Востоке армия была тесно связана с сельским хозяйством. Её подразделения оказывали активную шефскую помощь колхозам в ремонте сельхозтехники, в посевных и уборочных мероприятиях. Политуправление Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (далее – ОКДВА) развернуло широкую работу среди воинов, увольняемых в запас, чтобы привлечь их к труду в создаваемых колхозах и укреплению существующих. По инициативе политуправления ОКДВА в декабре 1929 г. в Хабаровске состоялось собрание уволенных в запас воинов, на котором присутствовало руководство краевых партийных, советских и хозяйственных организаций. Звучали призывы активно включиться в процесс перестройки дальневосточной деревни, развернуть классовую борьбу с противниками коллективизации и т.д. Выступая от имени демобилизованных красноармейцев, Н. Гавриленко заверил собравшихся: «Мы едем на второй фронт, на фронт жестокой классовой борьбы, здесь мы не будем отдыхать. Мы будем застрельщиками соци-

алистических соревнований, ударниками, такими, какими нас воспитала Красная Армия» [4, с. 146-147].

По распоряжению крайкома ВКП(б) среди военнослужащих ОКДВА, флота, погранвойск НКВД проводилась большая политическая и разъяснительная работа. В воинские части направлялись агитаторы из числа местных жителей, представлявших хозяйственный и партийный актив. Они рассказывали военнослужащим о богатствах и перспективах развития Дальнего Востока, о льготах и возможностях для переселенцев и т.д. Для того чтобы заинтересовать родных и близких демобилизованных воинов переехать в ДВК, командование частей направляло им агитационные письма и литературу. Стремясь обеспечить высокие темпы переселения, Второй пленум крайкома ВКП(б) обязал все общественные организации принимать срочные меры по устройству красноармейских переселенческих колхозов, по обеспечению их первоочередным снабжением [6].

В воинских частях для подлежащих мобилизации были открыты курсы по подготовке колхозных работников. На них, как правило, зачислялись те, кто был призван в армию и на флот из сельской местности. Учащиеся получали знания по севообороту, агрокультурным мероприятиям, устройству и ремонту узлов и агрегатов машин и тракторов и т.д. Широкая агитационная кампания сопровождалась периодическим посещением красноармейцами колхозов для предварительного ознакомления с трудовыми и бытовыми условиями жизни в них.

Начало красноармейскому сельскохозяйственному переселению положило Постановление реввоенсовета СССР от 30 января 1930 г. «Об участии Красной Армии в колхозном строительстве страны». В нем содержалось указание на необходимость создания красноармейских колхозов на Дальнем Востоке. Для стимулирования переселения на добровольных началах демобилизованным воинам и их семьям, вступающим в колхоз, а также красноармейским колхозам, созданным на переселенческих землях, советское правительство предоставляло большие льготы.

1 февраля 1930 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О льготах для демобилизованных красноармейцев, переселяющихся на Дальний Восток», согласно которому бывшим воинам и членам их семей бесплатно предоставлялся проезд до места вселения, также их снабжали продовольствием и промышленными товарами. Суда красноармейским колхозам (по сравнению с остальными) была выше на 15% [1, с. 69]. В необ-

¹ Дальневосточный край – административно-территориальное образование на территории СССР с 1934 г. по 1938 г. В его состав входили следующие области: Приморская, Уссурийская, Хабаровская, Еврейская Автономная, Амурская, Нижнеамурская, Зейская, Камчатская, Магаданская, Сахалинская.

житых районах Камчатской и Сахалинской областей красноармейские колхозы получали больше преимуществ, чем те, что располагались на юге Дальнего Востока [2, с. 42].

Несмотря на прямую заинтересованность в формировании красноармейских колхозов и коммун, многие ответственные местные партийные и советские органы власти формально относились к данному мероприятию. Политико-пропагандистская и организационная работа, которая должна была постоянно проводиться с переселенцами, отсутствовала или была пущена на самотек, что приводило к отказу от переселения. Так, в докладной записке организационного отдела Политического управления Рабоче-крестьянской Красной Армии (далее – ПУ РККА) начальнику ПУ РККА Я.Б. Гамарнику о результатах вербовки и переселения красноармейцев на Дальний Восток в 1931 г. мы находим: «...большинство частей отпустило красноармейцев, едущих на Дальний Восток по домам для ликвидации имущества и подготовки семьи к отъезду. Есть опасность отсева. Уже есть отдельные заявления красноармейцев из дому о нежелании ехать на Дальний Восток, например, красноармеец 98 артполка ВВО пишет военкому: «В силу сложившихся семейных обстоятельств на Дальний Восток поехать не могу». Отпустив красноармейца домой, мы во многих отношениях рискуем его потерять для колхозов Дальнего Востока. Дома его отговаривают от поездки. Местные организации, в том числе и земельные органы, недостаточно содействуют, а иногда и задерживают отправку. Вербовщики рабочей силы разных предприятий истроек перехватывают красноармейцев-колхозников на свои работы. Не только низовые организации, но, например, в Наркомземе Украины некоторые ответственные работники заявляли: «Зачем нам посылать на Дальний Восток, у нас есть свои пограничные колхозы». Или другой факт: в 18 артполку 3 инициативных комсомольца сколотили вокруг себя группу красноармейцев в 30 чел. для поездки в колхозы Дальнего Востока. Приехав в Москву (домой) они зашли в ЦК ВЛКСМ, в отделе кадров им сказали: «Зачем едете в колхозы Дальнего Востока? Кузбасс важнее, нате вам путевку на руководящую работу в Кузбасс». Теперь группа разваливается, раз инициаторы не едут – и остальные отказываются» [7, с. 206-207].

Оставлял желать лучшего подбор красноармейцев-переселенцев, проведенный политическими органами в частях. Несмотря на неоднократные указания на недопустимость преувеличения и приукрашивания условий переселения на Дальний Восток, часто наблюдались чрезмерные обещания

особых благ для красноармейцев, которых переселенцы при приезде не могли получить. Главным было завербовать как можно больше «желающих», чтобы отчитаться о выполнении плановых показателей по набору. Отсутствие индивидуального подхода к вербовке демобилизованных приводило к тому, что среди них попадались люди, ничего общего не имеющие с сельским хозяйством, а иногда и провинившиеся красноармейцы, для которых согласие на переселение сопровождалось освобождением от ответственности.

Так, в частности, в докладной записке о состоянии организационной партийно-массовой работы в переселенческом красноармейском колхозе им. 30-го Череповецкого полка Гродековского района Приморской области говорится: «...Отмечается большая засоренность коммуны классово-чуждым элементом, кулаками и подкулачниками. Они были завербованы и доставлены в коммуну под видом близких родственников красноармейцев. Бюро партячейки красноармейского колхоза им. 30-го Череповецкого полка на заседании от 02.01.1932 г. отмечало, что с эшелонам прибыла группа с явно рваческими настроениями, часть из них с уголовным прошлым, наберено не из семей красноармейцев» (Государственный архив Приморского Края, далее – ГАПК. Ф. 1. ОП. 1. Д. 88. Л. 40).

Еще одним фактором, снижающим эффективность агитационной работы среди потенциальных переселенцев, являлось проявление элементов deviантного поведения у отдельных красноармейцев, которое выражалось в склонности к пьянству, дракам, азартным играм и различным эксцессам.

Одновременно не везде была организована соответствующая встреча переселенцев ответственными за это дальневосточными организациями. Например, при следовании в регион одного московского эшелона наряду с особыми встречами, организованными ему партийными и общественными силами от Перми до Новосибирска (оркестры, митинги, кино и т.д.), при въезде в Хабаровск он никем встречен не был, несмотря на то, что красноармейцы-переселенцы особо готовились и в город заранее выслали представителя, чтобы договориться о встрече с местными организациями. Встреч не было и после Хабаровска [7, с. 250-252].

К приему переселенцев местные партийные и советские органы власти готовились очень слабо или совсем не готовились. Не было жилья и подсобных зданий. Власть надеялась на политическую сознательность красноармейцев, которые приезжали, но, не найдя на месте элементарных

жилищно-бытовых условий, возвращались обратно или уходили на другие работы. Лучшая часть, правда, оставалась.

Для того чтобы решить эту проблему, на местах вселения демобилизованных красноармейцев было развернуто большое жилищное строительство, но из-за ограниченности ресурсов и материальной базы оно проходило крайне медленно. При распределении использовался коммунистический принцип – снабжение в зависимости от наличия в колхозах (коммунах) ресурсов, всем поровну, не учитывая выработанные трудодни, количество и качество проделанной работы.

Строительство красноармейских переселенческих колхозов в большинстве случаев было пущено на самотек, проходило без повседневного руководства со стороны районных партийных и советских организаций. Партийная прослойка в колхозах была очень малочисленна, что отрицательно сказывалось на ходе колхозного строительства. Среди переселенцев, которые прибывали вместе с демобилизованными красноармейцами, был значительный процент кулаков, в особенности приехавших с Украины и Северного Кавказа. Именно они, играя на материально-бытовых трудностях в отсутствие партийно-массовой разъяснительной работы, проводили среди красноармейцев агитацию за уход из колхоза и обратничество. Вместе с тем в колхозах также отмечались безответственность, разгильдяйство, неприкрытые хищения и т.д. (ГАПК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 157. Л. 236-237).

Массово-политическая работа в красноармейских коммунах и среди рабочих, занятых на строительствах, почти отсутствовала. Зачастую партийные ячейки и правления коммун в целях обеспечения ударных мероприятий или же в борьбе с нездоровыми настроениями у части коммунаров подменяли массовую работу администрированием. Отдельные коммунары коммуны ОКДВА в Спасском районе Приморской области высказывались: «Что и говорить о комсомольцах, когда партийная ячейка ничего не делает». Отсутствие политической и массово-разъяснительной работы при чрезвычайно плохом снабжении промтоварами и продовольствием, при расшатанной трудовой дисциплине и плохой организации труда приводило к росту недовольства у многих коммунаров. Так, коммунар тов. Черноусый (коммуна «Пограничник», Покровский район Приморской области), обращаясь к приехавшему уполномоченному по переселению тов. Сологубу, спрашивал: «Почему до сих пор не отпущено кредита на обмундирование? Красноармейцы раздеты, что принесли из армии – износили, нет ничего удивительного, что красноармейцы против своей воли вынуждены, будут дезертировать из коммуны». Коммунар тов. Пульковский говорил: «Находясь в армии, видел плакаты и фотоснимки и читал газету, в которой описывалось положение коммуны, и когда все это смотрел, то думал, что в коммуне не житье, а рай, но на месте совсем другое. Нас обманули» [5, с. 756-757].

Отношение колхозников-старожилов к переселению красноармейцев в ряде колхозов было отрицательным, а со стороны некоторых – даже враждебным. Приток большого числа новых работников влек за собой увеличение норм колхозам по хлебопоставкам государству. Вместе с тем снабжение промтоварами, стройматериалами и др. оставляло желать лучшего, а приезд новых едоков усугублял и без того сложное материально-бытовое состояние колхозников. «В усадьбу № 3 коммуны им. Сталина в селе Ляличи (Приморская область) 25 октября 1930 г. прибыло 25 красноармейцев. Большая часть колхозников отнеслась к ним недоброжелательно, враждебно, заявляя: «Приехали нас объедать, а не работать». Там же 28 октября на собрании коммунаров при обсуждении обращения ЦК ВКП(б) от 3 сентября в прениях по вопросу о снабжении промтоварами выступил коммунар тов. Горденко, который стал кричать: «Красноармейцы приехали нас объедать, работать их не заставишь, надо их гнать!» После этого присутствовавшие женщины подняли крик: «Коммунисты нас ограбили, все отобрали!» Аналогичные настроения и выпады против красноармейцев наблюдались и в других коммунах» [5, с. 536].

Красноармейцы-переселенцы вследствие отсутствия приспособленных для проживания помещений размещались по домам, изъятым у кулаков, по всему селу на значительном расстоянии друг от друга. При таких условиях хозяйственное, культурно-бытовое и пропагандистское обслуживание еще более ухудшалось. Пользуясь отсутствием политико-пропагандистской работы и разобщенностью среди коммунаров, кулаки и подкулачники входили в их доверие и распространяли всевозможные слухи о частых неурожаях, стихийных бедствиях и тяжелых условиях ведения сельского хозяйства на Дальнем Востоке, и это порождало настроения к уходу на производство или в колхозы, где были более благоприятные условия труда и быта (ГАПК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 88. Л. 41).

Партийные ячейки переселенческих красноармейских колхозов не мобилизовали работников на преодоление социально-бытовых трудностей, не давали отпора старым кулацким настроениям и

не боролись с текучестью в колхозах и коммунах. Нередко коммунисты своим примером показывали, как надо «работать» и уходить из колхоза. Так, только «с 1931 г. по 1932 г. из коммуны колхоза им. 30-го Череповецкого полка дезертировало 36 коммунистов и до 20 человек разошлись по различным партийным и хозяйственным районным организациям и учреждениям. Из 21 партийца только 4 на производстве, тогда как остальные работают по различным конторам. Есть отдельные случаи невыходов на работу членов ВКП(б) и комсомольцев. Имеют место выступления отдельных коммунистов против хлебозаготовок, т.к. планы хлебосдачи, по их мнению, нереально завышены. Политический уровень коммунаров крайне слаб из-за отсутствия партийно-просветительской и политико-идеологической работы. Авангардной роли комсомольцев и коммунистов в ударничестве не чувствуется» (ГАПК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 88. Л. 42, 55).

В материалах проверки состояния партийно-массовой работы переселенческих красноармейских колхозов им. Буденного, им. 3-го полка связи, им. 14-й кавдивизии, им. 30-го Череповецкого полка от 05.04.1933 г. мы находим констатацию того факта, что «культурно-воспитательная и политическая работа среди колхозников отсутствует. Нет ни клуба, ни красного уголка, библиотеки, читальни и даже мест, где можно проводить общие собрания. Партийно-просветительская работа отсутствует. Есть передвижной киноаппарат, но из-за отсутствия кинофильмов последний бездействует...» (ГАПК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 88. Л. 51-52).

Следует отметить, что в результате указанных выше недочетов в части отсутствия должной политико-идеологической массово-разъяснительной работы, а также в связи с агитацией антисоветского элемента фиксировались массовые недовольства красноармейцев своим положением в переселенческих колхозах. Местные органы власти недооценивали значение политико-идеологической работы среди переселенцев, считая ее малоэффективной. Самоустранение местных партийных и советских органов от реализации политико-идеологических задач государства в деле укрепления колхозного строя, налаживания контактов между старожилками и переселенцами, мобилизации у трудовых резервов чувства долга, желания приложить свои силы для развития народного хозяйства Дальневосточного региона значительно осложняло построение красноармейских переселенческих колхозов и коммун. Возникавшие трудности не останавливали государственные органы в проведении настойчивой политики переселения, ко-

торое, по их мнению, способствовало не только росту численности жителей региона, но и военно-оборонному укреплению восточных рубежей страны, поскольку создавало значительный резерв для армии и флота. Во многом именно благодаря переселению демобилизованных красноармейцев удалось значительно укрепить кадровый потенциал всех сфер народного хозяйства, что в немалой степени способствовало увеличению темпов социально-экономического развития Дальневосточного региона накануне тяжелых испытаний Второй мировой войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вологодина Е.С. Сельскохозяйственные переселения на российский Дальний Восток в 30-х годах XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 10 (191). История. Вып. 39. С. 68-73.
2. Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.). Кн. 2. Миграционные вызовы и стратегии обеспечения социально-политической безопасности дальневосточных территорий. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014.
3. Пермякова О.П. Деятельность Приморской краевой партийной организации по заселению края в предвоенные годы (1938–1941 гг.) // Ученые записки. Т. 7. Ч. 1. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1965. С. 124-133.
4. Песков В.М. Военная политика СССР на Дальнем Востоке в 30-е годы XX века. Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 2000.
5. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 1. 1930–1931 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2003.
6. Тихоокеанская звезда. 1930. 5 октября.
7. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939: Документы и материалы. В 5 т. Т. 3. Конец 1930–1933 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2001.

REFERENCES

1. Vologdina, E.S., 2009. Sel'skokhozyaystvennye pereseleniya na rossiiskii Dal'nii Vostok v 30-h godakh XX veka [Agricultural resettlements to the Russian Far East in the 1930s], Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 10 (191), Vyp. 39, p. 68-73. (in Russ.)
2. Vashchuk, A.S., Druzyaka, A.V., Chernolutskaya, E.N. et al. 2014. Istoricheskie

problemy sotsial'no-politicheskoi bezopasnosti rossiiskogo Dal'nego Vostoka (vtoraya polovina XX – nachalo XXI v.). Kn. 2. Migratsionnye vyzovy i strategii obespecheniya sotsial'no-politicheskoi bezopasnosti dal'nevostochnykh territorii [Historical problems of social and political security of the Russian Far East (the second half of XXth – the beginning of XXIst century.). Book 2. Migration challenges and strategies of socio-political security of the Far Eastern territories]. Vladivostok: IIAEH DVO RAN. (in Russ.)

3. Permyakova, O.P., 1965. Deyatel'nost' Primorskoi kraevoi partiinoi organizatsii po zaseleniyu kraya v predvoennye gody (1938–1941 gg.) [Activities of Primorye regional party organizations to settle the region in the pre-war years, 1938-1941]. In: Uchenye zapiski, Vol. 7, part 1. Vladivostok: Dal'nevost. kn. izd-vo, pp. 124-133. (in Russ.)

4. Peskov, V.M., 2000. Voennaya politika SSSR na Dal'nem Vostoke v 30-e gody XX veka [The military

policy of the USSR in the Far East in the 1930s]. Khabarovsk: Izd-vo HGPU. (in Russ.)

5. Berelovich, A. and Danilov, V. eds., 2003. Sovetskaya derevnya glazami VCHK-OGPU-NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy. V 4-h t. T. 3. 1930-1934 gg. Kn. 1. 1930–1931 gg. [Soviet village through the eyes of the Cheka-OGPU-NKVD. 1918-1939. Documents and materials. In 4 volumes. Vol. 3. 1930-1934. Book 1. 1930-1931]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

6. Tihookeanskaya Zvezda [Pacific Star], October 5, 1930. (in Russ.)

7. Danilov, V., Manning, R. and Viola, L. eds., 2001. Tragediya sovetskoi derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927-1939: Dokumenty i materialy. V 5 t. T. 3. Konets 1930-1933 [The tragedy of a Soviet village. Collectivization and dispossession of the kulaks. 1927-1939: documents and materials. In 5 volumes. Vol. 3. The end of 1930-1933]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ РАБОТНИКОВ ОБРАЗОВАНИЯ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВРЕМЯ ПЕРЕХОДА К РЫНОЧНЫМ ОТНОШЕНИЯМ (1989-1991 гг.)

В статье исследуются истоки социального протеста в сфере образования Иркутской области в конце XX в. Автор анализирует экономические предпосылки и причины протеста, первые действия протестного характера в сфере образования, деятельность и роль отраслевого профсоюза народного образования региона в социальном протесте, а также итоги начального этапа протестного движения в педагогической среде области.

Ключевые слова: протестное движение, народное образование, перестройка, Иркутская область

Economic reasons of the protest movement of educators in Irkutsk Oblast during the transition to market relations, 1989-1991. EVGENIY S. OBOLKIN (Irkutsk National Research Technical University)

The article investigates the origins of social protest in the education sector of Irkutsk Oblast in the late XX century. The author analyzes the economic background and the reasons of the protest, first protest activities and the role the local branch of the national trade union of educators played in them, as well as the results of the initial phase of the protest movement.

Keywords: protest movement, public education, perestroika, Irkutsk Oblast

После избрания в 1985 г. генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачева в СССР наступает период перестройки и смены социально-экономической системы (1985-1990-е гг.). На первом этапе с марта 1985 г. по август 1991 г. в стране шел процесс пересмотра основ тоталитарного политического строя и планово-распределительной экономической системы. Для перехода к регулируемой рыночной экономике в стране предполагались: социальная переориентация, преобразование структуры экономики, реформа ценообразования и перестройка финансово-кредитной системы.

На рубеже 1980-х-1990-х гг. наступает системный кризис и, по сути дела, происходит крах советской экономики. Общепринятым является утверждение, что экономика первична, а

политика является ее продолжением. Однако в СССР на рубеже данных десятилетий политика была поставлена во главу угла, а экономика стала лишь ее продолжением. Ведь нельзя не признать тот факт, что крах советской модели социализма явился во многом следствием борьбы социалистической и капиталистической систем на политической арене. В конечном итоге назрела необходимость глубоких реформ, перехода к современной рыночной системе.

Период конца 1980-х-1990-х гг. в России характеризовался противоречивыми социально-экономическими и политическими преобразованиями, в ходе которых нарастали протестные настроения и движения в обществе. Данная тенденция была характерна почти для всех регионов Российской Федерации, в том числе и Иркутской области, в

* ОБОЛКИН Евгений Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры дизайна Иркутского национального исследовательского технического университета.

E-mail: eobolkin@inbox.ru

© Оболкин Е.С., 2016

непроизводственной сфере которой социальный протест наиболее интенсивно проявился в среде учителей.

В феврале 1989 г. в Москве состоялся Всесоюзный съезд работников народного образования [5, с. 2]. Он высветил основные проблемы в данной сфере. Помимо чисто профессиональных для народного образования вопросов на съезде был затронут и вопрос о материальном обеспечении образования. Его охарактеризовали как предкризисное, требующее незамедлительного перераспределения национального дохода в пользу всех типов народно-образовательных учреждений. Причину невыполнения задач, возложенных на народное образование, делегаты съезда видели в бедственном положении данной сферы. Но бедственное положение образования на съезде считали следствием не только ограниченности материальных вложений в эту область, но и неосваиваемостью получаемых средств самим народным образованием. Такое неосвоение в 1988 г. в СССР составило 1 млрд. рублей [9]. Для Иркутской области данное положение было характерно в той же мере. Главную причину этого делегаты съезда видели в нехватке строительно-ремонтных мощностей, и, как выход, предлагали наращивать строительные мощности и создавать специализированные строительные тресты, в том числе и для народного образования.

Также в 1989 г. председатель Иркутского областного совета профсоюзов (облсовпроф) Н.И. Мальцев отмечал, что перестройка идет вопреки ожиданиям и ни «внизу», ни «вверху» удовлетворенности нет [1, с. 4]. Кроме того, он констатировал, что ощутимых результатов нет, напротив, жить людям стало труднее, и не только морально, но и материально. Глава облсовпрофа заявлял, что обстановка стала крайне напряженной и в экономике, и в политике, и в социальной сфере. Именно это и послужило причиной того, что к концу 1980-х гг. роль профсоюзов в Иркутске стала возрастать.

Действительно, вопрос о протестном движении на излете десятилетия стоял как никогда остро. На пленуме ВЦСПС был рассмотрен вопрос об отношении к забастовкам [12, с. 7]. В Иркутской области на тот момент было зафиксировано 30 конфликтов с остановкой работы [1, с. 4]. Главная причина – неудовлетворенность условиями труда, режимом работы, социальной сферой, зарплатой. О серьезности назревших проблем говорит тот факт, что люди пошли на забастовку, то есть решились, по сути, на неза-

конные по тем временам действия. Председатель облсовпрофа Н.И. Мальцев заявил даже о необходимости закона о забастовке, который на тот момент только обсуждался в Верховном Совете СССР.

Еще в октябре 1989 г. на профсоюзных собраниях в учреждениях народного образования Иркутска, Ангарска, Братска, п. Жигалово членами профсоюза поднимался вопрос переуплотненности школ, что сказывалось на условиях труда учителей (Государственный архив новейшей истории Иркутской области, далее – ГАНИИО. Ф. Р-2752. Оп. 1. Д. 2609. Л. 24). А участники собраний в Усть-Илимске, Усолье-Сибирском, Иркутске и других районах говорили о том, что еще мало делается для поднятия престижа учителя, хотя говорится много, кроме того, они заявили, что низкой остается заработная плата, снижается жизненный уровень работников учреждений, находящихся на государственном обеспечении (ГАНИИО. Ф. Р-2752. Оп. 1. Д. 2609. Л. 24).

На XI-ой областной конференции профсоюза работников народного образования и науки, прошедшей 30 ноября 1989 г. в г. Иркутске, многие выступавшие критически высказывались по поводу ситуации в сфере народного образования Иркутской области, в частности, председатель Нижнеудинского райкома профсоюза Т.А. Худогова отмечала, что народное образование до сих пор пользуется остаточным принципом финансирования (ГАНИИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 268. Л. 5). Так, в городе Нижнеудинске школы были переполнены, а строительство новых школ шло крайне медленно, затягиваясь на несколько лет. Не хватало финансирования. Глава Падунского района г. Братска Л.Ф. Рященко на данной конференции заявила о социальной незащищенности учителя, так как его зарплата была меньше по сравнению с другими категориями работающих, кроме того, учитель работал в 1,5 смены, так как педагогов катастрофически не хватало, особенно на селе (ГАНИИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 268. Л. 9). Также Л.Ф. Рященко назвала школу очень бедным учреждением, и, по ее мнению, исправить это нельзя было никакими реформами, а спасти школу мог только учитель, но он, как констатировал глава Падунского района г. Братска, находился в бедственном положении. Выступавшая на данной конференции секретарь Иркутского обкома профсоюза Л.Н. Комышева констатировала, что ни одно из решений, которые принимались на местах органами советской власти, не было вы-

полнено, и все это в значительной степени усугубило положение (ГАНИИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 268. Л. 30). Так, в частности, когда принималось решение правительства о реформе общеобразовательной школы, надеялись, что будут на это выделены соответствующие средства, будет действенная помощь базовых предприятий, но этого не было. Также не произошло коренных изменений и улучшений в подготовке специалистов для народного образования.

О тенденции ухудшения социально-экономической ситуации в сфере образования в конце 1989 г. наглядно свидетельствует наряду с вышеизложенными фактами и то, что во главу защитной функции советских профсоюзов в конце 1989 г. ставилась забота о людях труда, условиях их производственной деятельности [8].

Негативные тенденции отмечались в 1989 г. и в отношении высшей школы. Копии постановления и других документов в Государственном архиве новейшей истории Иркутской области явно об это свидетельствуют. В частности, несмотря на принятие правительственного постановления по перестройке высшей школы, коллективы вузов не ощутили реальной помощи в улучшении учебно-материальной базы, более того, произошло сокращение ассигнований на развитие социальной сферы вузов в госкомитете по народному образованию (ГАНИИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 268. Л. 54).

Также в 1989 г. в Иркутской области отмечалось резкое возрастание оттока учителей в другие отрасли, в частности, высокая текучесть педагогических кадров наблюдалась в Тайшетском – 22,8%, Качугском – 20,6%, Аларском – 15,3%, Бодайбинском – 15,7%, Иркутском – 11,2% районах (ГАНИИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 268. Л. 58). Данная тенденция вполне объяснима, если учесть, что заработная плата работников народного образования в 1989 г. была ниже средней зарплаты по стране. Об этом свидетельствует обнаруженная в Государственном архиве новейшей истории Иркутской области копия Постановления Госкомтруда СССР от 20.03.1991 № 70 «Об утверждении новых размеров ставок заработной платы и должностных окладов работников народного образования, здравоохранения, социального обеспечения, культуры и архивных учреждений» (ГАНИИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 268. Л. 59). Кроме того, бесконтрольный рост цен на товары и услуги особенно сильно сказывался на снижении жизненного уровня наименее социально и экономически защищенных слоев населения. Также наблюдалась тен-

денция, связанная с тем, что в отрасли образования были не изжиты факты грубых нарушений трудового законодательства. Данная тенденция подтверждается тем, что в Иркутский обком профсоюза за период с декабря 1986 г. по ноябрь 1989 г. поступило 613 устных и письменных обращений трудящихся, из них 283 по вопросам нарушений трудового законодательства, 75% из которых подтвердились в пользу трудящихся (ГАНИИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 268. Л. 59).

В результате, 30 ноября 1989 г. в г. Иркутске было принято Постановление XI-ой областной конференции профсоюза работников народного образования и науки. В данном постановлении очень важным аспектом являлось провозглашение того, что во главу деятельности областной профсоюзной организации должна быть поставлена защита прав и законных интересов трудящихся (ГАНИИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 268. Л. 46). Вместе с тем было отмечено, что обкому профсоюза, профсоюзным организациям области не удалось добиться принципиально иных подходов к осуществлению своих функций, крутого поворота в сторону защиты законных прав и интересов работников. Также в постановлении констатировалось, что президиум обкома профсоюза, профсоюзные комитеты не обеспечили достаточной требовательности и принципиальности в отношении органов народного образования, администрации учреждений и организаций по соблюдению законодательства о труде, правил и норм охраны труда. Что же касается приоритетов профсоюзных организаций в деле защиты прав и интересов трудящихся, то важнейшим инструментом осуществления первичными профсоюзными организациями своей защитной функции были ежегодно заключаемые коллективные договоры и соглашения с администрацией. Предполагалось использовать коллективные договоры для предотвращения трудовых конфликтов.

10 августа 1990 г. на собрании актива Иркутской областной партийной организации второй секретарь Иркутского обкома КПСС В.М. Спирин в своем докладе «Об итогах XXVIII съезда КПСС и основных направлениях деятельности областной партийной организации по реализации его решений» отмечал, что нарастание кризиса в экономике еще более усиливает социальную напряженность (ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 128. Д. 239. Л. 5-6). Констатировалось также, что остается тяжелым положение в здравоохранении, образовании и во всей социально-культурной сфере.

Таким образом, проблему усиления социальной напряженности власть признавала. Но одновременно с этим власть считала, что причины данной напряженности являются надуманными, а трудовые коллективы не выделяют эти причины в качестве основных. Подтверждает данную тенденцию вышеупомянутый доклад В.М. Спирина, в котором говорилось, что некоторые, на первый взгляд, вроде бы радикально настроенные лидеры, безответственно используют лозунги и призывы к забастовкам, и нетрудно представить себе, что произойдет, если где-нибудь эти призывы найдут отклик. Кроме того, отмечалось, что люди начинают видеть, и об этом говорить с озабоченностью на встречах, что под видом борьбы за демократию ведется разрушительная, антидемократическая деятельность не только в партии, но и в обществе в целом, что в последнее время провоцируется рост социальной и политической напряженности. Таким образом, речь шла о переходе социальной напряженности в политическую плоскость.

Начиная именно с 1989 г. Иркутский областной профсоюз работников народного образования начал использовать такие формы борьбы за свои права как коллективные акции протеста: забастовки, митинги, голодовки, «живые цепочки» и т.д. [6, с. 137]. Целью данных акций было сокращение безработицы, ликвидация задолженностей, своевременная выплата зарплаты и повышение жизненного уровня (то есть повышение зарплаты).

26-27 сентября 1990 г. на всероссийском учредительном Съезде работников народного образования и науки совершенно на новой основе было провозглашено создание Профессионального союза работников народного образования и науки РФ, был принят новый Устав профсоюза [4]. Впервые в качестве приоритетной задачи Профсоюза была провозглашена защита социально-экономических и трудовых прав и интересов членов организации. В условиях социально-экономических катаклизмов в стране и области профсоюзные организации начали овладевать практикой массовых коллективных выступлений – уличных митингов, пикетирования органов исполнительной и законодательной власти, многодневных забастовок.

На Республиканском и Всесоюзном съездах профсоюза работников народного образования и науки и 19-ом съезде профсоюзов СССР в 1990 г. было высказано однозначное требование к правительству – удвоить или утроить долю расходов государственного бюджета на обра-

зование и науку, начиная с 1991 г. [13]. Данное требование было вполне правомерным, так как доля расходов на народное образование в национальном доходе СССР в 1990 г. составляла в 2-3 раза меньше в сравнении с развитыми странами (ГАНИИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 279. Л. 24). Своей центральной задачей профсоюзы, в связи с борьбой за интересы работников на рынке труда, считали цену рабочей силы или, другими словами, заработную плату. На Всесоюзном съезде в 1990 г. был выработан документ – заявление к правительству СССР по вопросам повышения заработной платы работников народного образования. Кроме того, одним из важнейших направлений в деятельности профкомов должна была стать работа по улучшению условий труда и оплаты труда профессорско-преподавательского состава вузов. Внимание к вопросу повышения зарплаты работников народного образования и науки объясняется еще и тем, что в новых экономических условиях перехода страны к рынку уровень оплаты труда являлся своеобразным индикатором степени защищенности работников.

Таким образом, третьим признаком нового этапа борьбы профсоюзов за защиту прав и интересов работников народного образования и науки, начавшегося в 1990 г., наряду с единством действий всех звеньев организаций профсоюза и коренным изменением их тактики, являлся приоритет вопроса повышения заработной платы.

25 декабря 1990 г. коллегия Главного Управления народного образования (ГлавУНО) совместно с Президиумом Иркутского обкома профсоюза приняли постановление «О мерах социальной защиты учреждений и работников народного образования Иркутской области в условиях перехода экономики на рыночные отношения». В данном постановлении отмечалось, что в условиях перехода народно-хозяйственного механизма страны на рыночные отношения в системе народного образования резко обострилась социально-экономическая обстановка, наметилось ухудшение в отношениях к нуждам работников отрасли со стороны государственных, советских и хозяйственных органов (ГАНИИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 283. Л. 3). Кроме того, констатировалось, что в трудовых коллективах учреждений народного образования проходят собрания, конференции, на которых выдвигаются требования, касающиеся повышения уровня материального обеспечения педагогических кадров работников области, как и по всей стране

резко нарастает напряженность, создаются координационные стачечные и забастовочные комитеты.

Таким образом, данные факты еще раз подтверждают тенденцию ухудшения обстановки в сфере народного образования Иркутской области, а также указывают на тенденцию нарастания протестных настроений и действий протестного характера в педагогической среде Приангарья.

Также 25 декабря 1990 г. трудовые коллективы учреждений народного образования Иркутской области выдвинули ряд требований Иркутскому областному совету народных депутатов, Областному исполнительному комитету (облисполкому) и ГлавУНО с тем, чтобы данные органы власти вышли с предложением в Верховный Совет РСФСР и правительство по решению данных проблем в 1991 г. (ГАНИИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 283. Л. 12). Эти требования касались выделения централизованных бюджетных ассигнований на повышение заработной платы учителям и другим педагогическим работникам народного образования с 1 января 1991 г. и доведения зарплаты до уровня средней зарплаты в сфере материального производства, повышения заработной платы обслуживающего персонала на 50%; введения корректировки нормативов бюджетного финансирования в соответствии с индексом цен и тарифов на продукцию, товары и услуги, потребляемые учреждениями народного образования; радикального совершенствования организации, нормирования оплаты труда работников народного образования.

В итоге, ГлавУНО и Президиум Иркутского обкома профсоюза, обобщив требования трудовых коллективов области, поддержали пакет основных требований трудовых коллективов учреждений народного образования области, а также постановили обеспечить выполнение требований коллективов учреждений народного образования, находящихся в компетенции ГлавУНО и обкома профсоюза до 1 марта 1991 г.; считать важнейшим инструментом социально-экономической защиты работников народного образования, в условиях рыночных отношений, ежегодно заключаемые между администрацией и комитетами профсоюза учреждений коллективные договора и соглашения; заключить соглашения на уровне ГлавУНО и обкома профсоюза по решению социально-экономических проблем народного образования области в 1991 г. (ГАНИИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 283. Л. 4). Очень

показательно, что наряду с приоритетностью в деле социально-экономической защиты работников народного образования коллективных договоров и соглашений, в данном постановлении было провозглашено также, что в соответствии с решением Учредительного съезда профсоюза работников народного образования и науки сохранить за собой право использовать все меры защиты интересов работников народного образования, вплоть до организации и проведения в январе 1991 г. предупредительной забастовки в случае отказа органов государственной власти, Советских органов области удовлетворить изложенные требования трудовых коллективов. Данный факт подтверждает тенденцию усиления и радикализации настроений и действий протестного характера в сфере народного образования Иркутской области.

Но в 1991 г. бюджет народного образования Иркутской области составлял 420,5 млн. рублей, что было на 162 млн. рублей больше, чем в 1990 г., а средства на капитальный ремонт, оборудование и хозяйственные нужды школы были увеличены на 50% [2, с. 5]. Прибавка (как и прибавка к зарплате учителя) шла из тогда только создаваемого в России компенсационного фонда, целью которого как раз и была социальная защита образования в условиях роста цен [2, с. 5]. Казалось бы, картина складывалась вполне радужная. Но когда экономическая служба ГлавУНО подсчитала расходы, исходя из реальных цен, вышло, что дефицит бюджета составил 112 млн. рублей [2, с. 5]. Причиной стало удорожание тепла, электроэнергии, мебели и др., а итогом – нежелание подрядчиков заключать договоры на строительство школ и детских садов, и это несмотря на режим наибольшего благоприятствования, который создавали вокруг школы местные Советы.

В результате, заведующий ГлавУНО П. Юшманов в интервью «Учительской газете» привел много примеров, как школа может и сама зарабатывать. На базе школ стали появляться малые предприятия, кооперативы, ателье, а школьные сельские и лесные хозяйства переходили на хозрасчетную основу [2, с. 5].

Таким образом, помощь из госбюджета стала сокращаться, и ГлавУНО стало ориентировать школы на поиск собственных дополнительных источников дохода, а государство – перекладывать часть экономических обязательств на самих бюджетников.

Однако, справедливости ради, стоит отметить, что в Приангарье в то время отмечался и

ряд положительных тенденций в сфере народного образования: одним из первых в России в Иркутской области было заключено соглашение между Главным управлением образования и обкомом профсоюза по решению социально-экономических проблем работников образования в 1991 г., а с конца 1991 г. в Иркутской области начала действовать система местных надбавок к заработной плате.

В частности, в феврале 1991 г. по инициативе Иркутского обкома профсоюза было заключено двухстороннее Соглашение с ГлавУНО по решению ряда неотложных социально-экономических проблем непосредственно в области (ГАНИИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 290. Л. 10). Среди них: совершенствование нормирования и оплаты труда; организация работы по обеспечению надлежащих условий труда и др. В результате, по совершенствованию нормирования и оплаты труда вопрос в основном был решен. Были выделены централизованные и местные бюджетные ассигнования на увеличение размера зарплаты в порядке, предусмотренном постановлением Совета министров СССР от 8.01.91 г. №17, в среднем на 40%; на увеличение тарифных ставок и окладов на 25% работникам народного образования на селе в соответствии с Законом РСФСР «О социальном развитии села» (ГАНИИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 290. Л. 11). Кроме того, Указом Президента РСФСР «О первоочередных мерах по развитию образования в РСФСР» предусматривалось дальнейшее повышение заработной платы работникам сферы образования [11].

Что же касается непосредственно акций протеста педагогов Приангарья, то в апреле 1991 г. в г. Иркутске состоялся пикет возле здания управления Восточно-Сибирской железной дороги (ВСЖД), устроенный учителями железнодорожных школ [7, с. 2]. Требования касались всех тридцати с лишним железнодорожных школ, от Усть-Илима до Бурятии. Данные требования сводились к повышению на 40% заработной платы (с января 1991 г. всем российским учителям повысили зарплату на 40%), дотациям на питание, квартирному вопросу и вопросу о путевках. Но руководство ВСЖД с пикетчиками не встретилось. Таким образом, данный опыт протестной борьбы иркутских учителей оказался не слишком удачным (удалось добиться лишь признания существования проблем, которые и так были на лицо). Но мирный лимит решения данных проблем, как признавали сами учителя, был исчерпан, и педагоги заявляли, что у них не

было другого выхода, кроме как пойти на столь радикальные меры. Таким образом, это был не столько способ борьбы, сколько знак отчаяния, вынужденная мера учителей, но все же она носила организованный характер, так как требования касались более 30-ти железнодорожных школ с приличным географическим диапазоном.

Также в 1991 г. председатель Иркутского областного комитета профсоюза работников народного образования и науки А.М. Кондрашова отмечала, что обстановка в народном образовании слишком накалена и грозит социальным взрывом [10, с. 4]. Столь серьезное заявление имело столь же вескую причину, ведь 1991 г. в разных городах страны начался митингами и забастовками учителей, угрожавшими перерастающей во всеобщую забастовку [3]. Но ее удалось предотвратить, по мнению А. Кондрашовой, за счет того, что Верховный Совет и Правительство России приняли решение о повышении зарплат работникам народного образования. В Иркутской же области к делу защиты учителей подключился Иркутский облисполком, который своим решением от 11 января 1991 г. предусмотрел меры, облегчающие вхождение в рынок гуманитарной сферы [10, с. 4].

Таким образом, обстановка в народном образовании была признана властями социально взрывоопасной и предприняты меры для недопущения как акций протеста в отдельных городах и регионах России, так и их перехода во всеобщую забастовку. Власть признала существование проблем в народном образовании и приняла ряд актов для их разрешения, но все-таки от политики вхождения гуманитарной сферы в рынок государство не отказалось, а наоборот, продолжало ее. Необходимо отметить, что меры по социально-экономической защите педагогов были разработаны, но предстояла еще их практическая реализация.

В результате, начало нового 1991-1992 учебного года в системе народного образования страны было отмечено значительным ростом общественно-политической активности трудящихся отрасли [3]. Низкий уровень заработной платы в сочетании с бесконтрольным ростом цен являлись основными причинами данной активности.

В итоге, многие трудовые коллективы учреждений народного образования Иркутской области поддержали требования учительства Кузбасса и других регионов республики, выдвинув ряд своих требований по решению социально-политических проблем, среди которых:

сохранить уровень повышения заработной платы работникам гуманитарной сферы в размере 50%, предусмотренный Распоряжением Главы администрации Иркутской области №6, при введении новых условий оплаты труда согласно Указу Президента России №1; ускорить реализацию Указа №1 Президента России «О первоочередных мерах по развитию образования в РСФСР»; реализовать пункт 2 Указа Президента РСФСР от 11 июля 1991 г. №1 с 1 ноября 1992 г. в части повышения заработной платы в промышленности; ввести в действие «Основы законодательства СССР и республик об индексации доходов населения»; ускорить принятие Закона об образовании в РСФСР и др. (ГАНИИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 290. Л. 25-27). Данные требования поддержали коллегия ГлавУНО и Президиум Иркутского обкома профсоюза, а затем письма с этими требованиями были направлены Президенту и Верховному Совету РСФСР, Министерству образования и ЦК профсоюза РСФСР, Главе администрации и областному Совету народных депутатов Иркутской области.

Этому предшествовало совместное постановление Президиума Иркутского обкома профсоюза работников народного образования и науки и коллегии ГлавУНО от 9 октября 1991 г. «О чрезвычайных мерах по защите социально-экономических интересов работников народного образования Иркутской области» (ГАНИИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 290. Л. 19). В данном постановлении обстановка в сфере народного образования была названа чрезвычайной, в результате чего коллегия ГлавУНО и обком профсоюза постановили: не позднее октября 1991 г. подготовить и рассмотреть на совместном заседании коллегии и президиума вопрос о ходе выполнения Соглашения по решению социально-экономических проблем работников народного образования, о чем проинформировать трудовые коллективы области через средства массовой информации; провести в ноябре 1991 г. областное совещание представителей стачечных комитетов учреждений народного образования; рекомендовать районным и городским комитетам профсоюза, СПП возглавить стачечное движение трудовых коллективов по отстаиванию социальных и экономических интересов работников народного образования и науки, использовать в этих целях все права профсоюзных органов, предусмотренные законодательством Союза ССР и РСФСР, строго руководствуясь требованиями Закона о порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов).

В результате, до введения новых условий оплаты труда постановлением Главы администрации Иркутской области от октября 1991 г. №6 с 1.10.91 г. зарплата работникам народного образования была увеличена на 50% (ГАНИИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 290. Л. 11). По вопросу введения дифференцированной оплаты труда было разработано постановление Госкомтруда СССР от 20.03.91 г. №70, копия которого имеется в Государственном архиве новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 290. Л. 11). По данному постановлению предусматривалось введение новых условий оплаты труда, где размеры ставок и окладов находятся в прямой зависимости от квалификации работников. В 1991 г. этот документ прорабатывался в Министерстве образования РСФСР.

Также в 1991 г. по инициативе школ №№11, 13 г. Усть-Илимска, где сложилась особенно острая ситуация, на совместном расширенном заседании Совета по народному образованию и председателей профкомов были выработаны требования работников народного образования г. Усть-Илимска, которые вошли в программу развития народного образования на пять лет по трем направлениям: создание условий для развития образования; обновление содержания образования; повышение социально-правового статуса учителя (ГАНИИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 287. Л. 33-34). В результате работы примирительной комиссии были достигнуты определенные соглашения, но не были удовлетворены основные требования: обеспечение учителей жильем и срок ввода школы в девятом микрорайоне. Именно поэтому учителя вынуждены были выйти на предупредительную однодневную забастовку.

Президиум Усть-Илимского городского Совета народных депутатов признал требования педагогических коллективов справедливыми и принял постановление по их выполнению. В частности, был решен вопрос о доплате до коэффициента 1:6, выделены 20 секций в семейном общежитии, 5 квартир и др. (ГАНИИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 287. Л. 33-34). Также в октябре 1991 г. было заключено соглашение между исполкомом Совета народных депутатов и педагогическим коллективом города Усть-Илимска по решению первоочередных социально-экономических проблем, социальной защищенности работников народного образования (ГАНИИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 287. Л. 33-34). В итоге, коллегия ГлавУНО и Президиум обкома профсоюза одобрили опыт г. Усть-Илимска по созданию

механизма социальной защиты работников народного образования. Здесь уместно будет напомнить, что еще в феврале 1991 г. было заключено соглашение между ГлавУНО и Иркутским обкомом профсоюза по решению ряда социально-экономических проблем работников народного образования в 1991 г. Кроме того, в 1991 г. было начато формирование областной системы управления охраной труда (ГАНИИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 290. Л. 3).

26 ноября 1991 г. в г. Иркутске прошел V-й Пленум Иркутского обкома профсоюза работников народного образования и науки. Выступавший на Пленуме председатель стачечного комитета г. Ангарска С.В. Метелкин отмечал, что во многих регионах области профсоюзные органы и стачечные комитеты не нашли общего языка, не идут рука об руку (ГАНИИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 287. Л. 5). Прозвучали призывы со стороны стачечного комитета к лидерам профсоюзного движения о помощи. В частности, стоявший остро на тот момент вопрос о забастовках С.В. Метелкин объединил с вопросом поддержки со стороны профсоюзов, назвав забастовку – крайней мерой, так как стачечные комитеты не видели реальных результатов поддержки профсоюзной организации. Проанализировав выступление председателя стачечного комитета г. Ангарска, можно сделать вывод о том, что наиболее волнующим для учителей г. Ангарска был вопрос заработной платы. Объяснялось это готовящейся либерализацией цен и опасением в связи с этим учителей по поводу возможной новой ценовой реформы (ГАНИИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 287. Л. 5).

В итоге, С.В. Метелкин в лице стачечного комитета г. Ангарска предложил поддержать координационный Совет и 16 декабря 1991 г. выйти на однодневную забастовку. По мнению С.В. Метелкина, только данный шаг мог привлечь внимание к проблемам отрасли народного образования.

Идею объединения действий профсоюзов и стачечных комитетов поддержала и председатель Черемховского горкома профсоюза Л.А. Андреева. Председатель стачкома г. Усолье-Сибирское А.Г. Лис высказался также в подобном ключе, но с большей категоричностью и радикальностью во взглядах (ГАНИИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 287. Л. 7). Так, надбавку, которая предлагалась по указу Б.Н. Ельцина, он назвал очередным обманом. К тому же А.Г. Лис констатировал, что забастовочное движение будет развиваться и дальше, пока не будет рассмотрен вопрос

о приоритетном развитии народного образования в Иркутской области. В результате, стачком г. Усолье-Сибирское предложил конкретные меры, которые, по его мнению, позволили бы кардинальным образом решить назревшие проблемы народного образования.

Хотя стачком г. Усолье-Сибирское и был по сравнению с другими выступавшими территориями на V-м Пленуме более радикальным во взглядах, но все-таки требования данного стачкома не выбивались из общей тенденции, связанной с экономическим характером выдвигаемых требований. Особого внимания из числа предложенных Усольским стачкомом мер заслуживают те, которые высвечивают ряд новых тенденций и подтверждают старые. Так, например, по-прежнему звучало требование довести размеры средних ставок и должностных окладов до уровня не ниже средней заработной платы в промышленности; впервые прозвучало предложение осуществлять практические шаги по решению вопросов экономической самостоятельности школ, по созданию на территории области сети платных и частных школ; кроме того, стачком предложил узаконить ежегодное подписание трудового соглашения между профсоюзами и административными структурами.

Директор иркутского Института усовершенствования учителей Л.А. Выговский на V-м Пленуме Иркутского обкома отраслевого профсоюза образования высказал мнение о том, что формируется альтернативная система управления народным образованием в лице стачечного комитета, который поддерживается педагогическими коллективами (ГАНИИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 287. Л. 16-17). Также Л.А. Выговский отметил, что с этим движением нужно считаться и относиться к нему достаточно серьезно. Таким образом, это еще раз подтверждает тенденцию, связанную с призывами к объединению профсоюзов и стачечных комитетов Иркутской области, звучавшими от этих же организаций, для защиты интересов работников народного образования. Данная тенденция проявилась в Приангарье в 1991 г.

Необходимо признать, что местная областная власть поддерживала действия педагогов как мирного, так и более радикального характера. Так, присутствовавший на V-м Пленуме заместитель главы областной администрации А.И. Круликовский основной акцент в борьбе учителей за свои права и интересы сделал на ее мирной составляющей, отметив, что прежде чем что-то потребовать от областной админи-

страции, стоит попытаться обратиться в Областной совет (ГАНИИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 287. Л. 27). Также А.И. Круликовский отметил, что очень важно, чтобы в совете было как можно больше депутатов от просвещения, чтобы они отстаивали точку зрения педагогов. Кроме того, А.И. Круликовский призвал учителей к тому, чтобы они перед начавшейся работой по формированию бюджета на 1992 г. потребовали по максимуму для социальной сферы. Что же касается позиции областной администрации по более радикальным методам борьбы работников народного образования за свои права, то А.И. Круликовский заявил, что стачечное движение должны возглавить профсоюзы, как всюду в мире. К тому же, заместитель главы иркутской областной администрации отметил, что профсоюзы должны действовать более активно и решительно, отстаивая свои права, признав также, что именно угроза стачек со стороны врачей и учителей сыграла свою положительную роль.

Кроме того, 26 ноября 1991 г. на V-м Пленуме Иркутского областного комитета профсоюза работников народного образования и науки председатель данного профсоюза А.М. Кондрашова в своем докладе отмечала, что спад промышленного и сельскохозяйственного производства, безудержный рост цен, остаточный принцип финансирования народного образования и невостребованность обществом знаний, умений, культуры и профессионализма вызвали нарастание социальной напряженности (ГАНИИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 287. Л. 35). Действительно, в 1991 г., с началом учебного года, наблюдалась тенденция нарастания социальной напряженности в Иркутской области. Данную тенденцию также подтверждают факты создания во многих территориях комитетов по социальной защите, забастовочных и стачечных комитетов, принятие и предъявление администрации требований педагогических коллективов (ГАНИИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 287. Л. 35-36).

Наряду с тенденцией нарастания социальной напряженности, в 1991 г. в Иркутской области имела место также тенденция, связанная с развитием стихийных действий протестного характера в учреждениях народного образования. Так, в г. Иркутске учащиеся школы №9 пикетировали здание облисполкома, где проходила сессия областного Совета народных депутатов (ГАНИИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 287. Л. 35-36). Участники V-го Пленума Иркутского отраслевого профсоюза образования единодушно высказались против участия детей в акциях протеста.

Кроме того, в нескольких школах г. Усолье-Сибирское прошла стихийная забастовка с нарушением Закона о порядке разрешения коллективных споров (ГАНИИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 287. Л. 35-36).

Причины развития стихийных протестных действий в образовательной отрасли были следующими: 1) параллельная, а не совместная работа городских комитетов (горкомов) профсоюза и забастовочных комитетов области по защите прав работников образования; 2) медлительность действий обкома профсоюза и ГлавУНО (ГАНИИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 287. Л. 35-36).

Подтверждают данные тенденции в протестном движении региона приведенные выше мнения участников V-го Пленума Иркутского обкома профсоюза работников народного образования и науки о необходимости объединения действий профсоюзных организаций и забастовочных комитетов, а также доклад на данном пленуме А.М. Кондрашовой, в котором отмечалось, что председатели горкомов профсоюза Иркутска, Ангарска, Братска, Усолье-Сибирского, Тулуна, где имеет место острая социальная напряженность среди работников просвещения, не смогли вовремя объединить усилия с забастовочными комитетами по выработке действий по социальной защите или работали параллельно.

В том же докладе А.М. Кондрашовой на V-м Пленуме Иркутского отраслевого профсоюза образования 26 ноября 1991 г. констатировалось, что работу обкома профсоюза и ГлавУНО в оперативной и компетентной практической помощи на местах и их влиянии на местные органы власти можно оценить критически.

Также Иркутский обком профсоюза работников народного образования и науки совместно с ГлавУНО, проанализировав требования педагогических коллективов Иркутской области, пришли к выводу, что в 1991 г. повсеместно были поставлены вопросы повышения и совершенствования зарплаты и льготного предоставления жилья учителям, бесплатной приватизации жилья (ГАНИИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 287. Л. 35-36).

Центральный комитет профсоюза работников народного образования и науки в 1991 г. считал, что в результате повышения размеров средних ставок и должностных окладов на 30% с 1.12.91 г. по Указу Президента Б.Н. Ельцина не будет достигнут уровень средней зарплаты в промышленности РСФСР [4]. В Государственном архиве новейшей истории Иркутской

области имеется копия документа, свидетельствующего о том, что в 1991 г. ЦК профсоюза совместно с Министерством образования вошел в Правительство с предложением – установить зарплату 750 рублей с 1 декабря 1991 г. (ГАНИИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 287. Л. 38). В случае отказа ЦК профсоюза предлагал выйти на Всероссийскую забастовку 16 декабря 1991 г.

Готовность выйти на акцию протеста столь радикального характера, как забастовка, и столь большого территориального масштаба говорила о том, что ситуация с бюджетным материальным обеспечением народного образования достигла критической отметки. Данную тенденцию также подтверждает тот факт, что 26 ноября 1991 г. на V-м Пленуме Иркутского отраслевого профсоюза образования председателем данной организации А.М. Кондрашовой было заявлено о том, что нужно активизировать работу по привлечению внебюджетных средств в образовательную отрасль. Показательно еще и то, что в докладе А.М. Кондрашовой отмечалось, что, исходя из проблем настоящего времени, нельзя снижать интенсивность совместных действий по социальной защите трудящихся в условиях перехода к рынку. Но, в то же время, несмотря на данную решительность, Иркутский обком профсоюза работников народного образования и науки приоритет в борьбе за права педагогов отдавал заключению коллективных договоров и соглашений между комитетами профсоюза и органами управления народным образованием. Так, в докладе А.М. Кондрашовой на вышеупомянутом V-м Пленуме отмечалось, что необходимо вести цивилизованный диалог с органами власти и отказаться от силовых методов давления.

Все вышеизложенные тенденции нашли свое отражение в Постановлении Пленума Иркутского областного комитета профсоюза работников народного образования и науки от 26 ноября 1991 г. (ГАНИИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 287. Л. 31). В частности, Пленум постановил – объединить усилия государственных и общественных организаций и движений по защите прав и социально-экономических интересов работников народного образования; расширять и совершенствовать парламентские формы работы при отстаивании правовых и социально-экономических интересов работников путем укрепления связей с народными депутатами всех уровней; не позднее 20 января 1992 г. заключить Соглашение с органами власти, управления народного образования в 1992 г.; рекомендовать первичным профсоюзным организациям учреждений

народного образования заключить на 1992 г. коллективный договор с администрацией; в целях активизации деятельности и координации работы рекомендовать включение в Областной комитет социальной защиты работников народного образования представителей стачечных и забастовочных комитетов из территорий области; обратиться в областной Совет народных депутатов о рассмотрении на одной из ближайших сессий вопроса о приоритетном развитии народного образования в Иркутской области.

Таким образом, в 1991 г. забастовочное движение в образовательной отрасли Иркутской области все еще носило локальный характер, а действия коллективов были разрознены.

Для координации деятельности, объединения усилий по коллективной защите социально-экономических и правовых интересов работников по инициативе обкома профсоюза в декабре 1991 г. было проведено областное совещание представителей территориальных забастовочных и стачечных комитетов, где был избран областной Координационный совет забасткомов. Таким образом, Иркутский обком профсоюза в декабре 1991 г. возглавил стачечное движение в Иркутской области.

С середины 1980-х гг. в СССР стали происходить серьезные изменения. Данные изменения затронули все стороны социально-экономической и политической жизни советского общества и носили противоречивый характер. В результате произошло стремительное падение уровня жизни населения Советского Союза, что в свою очередь привело к росту в конце 1980-х гг. забастовочного движения по всей стране. Не осталась в стороне и образовательная сфера государства, в том числе и педагогические работники Иркутской области.

Таким образом, для начального периода протестной борьбы учителей Приангарья за свои права, начавшегося с 1989 г., характерно требование повышения оплаты своего труда. Данный период характеризуется началом процесса социального протеста работников образования Иркутской области, однако первые акции протеста педагогов в регионе носили локальный характер. Также для данного периода были характерны тенденции ухудшения социально-экономической ситуации в сфере образования и резко возрастающего оттока учителей области в другие отрасли.

С 1990 г. протестная борьба развернулась вокруг Президентского Указа №1, то есть приоритетным было опять же требование повы-

шения зарплаты, но специфика данного этапа протеста заключалась в том, что, во-первых, педагоги требовали повышения на основании данного Указа, а во-вторых, повысить зарплату должны были до уровня средней зарплаты в промышленном секторе. Кроме того, основанием для того, чтобы считать именно 1990 г. началом нового этапа борьбы работников образования за свои права, является еще и то, что в 1990 г. произошел переход социальной напряженности в политическую плоскость. Также 1990-м г. датируется новый этап борьбы профсоюзов за защиту прав и интересов работников образования, характеризующийся единством действий всех звеньев организаций профсоюза, коренным изменением их тактики, приоритетом и основным значением вопросов повышения заработной платы. К тому же в 1990 г. в Иркутской области начали создаваться координационные стачечные и забастовочные комитеты, а также проявилась тенденция нарастания протестных настроений и действий протестного характера в педагогической среде.

Таким образом, резюмирую вышеизложенное, можно сделать вывод, что в протестном движении работников образования Приангарья в 1989-1991 гг. экономические причины играли главенствующую роль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баталина О. «Сегодня нам нужна свобода...» // Восточно-Сибирская правда. 1989. 10 октября. С. 4.
2. Галкина В. Что делать? Табуретки! // Учительская газета. 1991. № 77. 12-19 февраля. С. 5.
3. Кацва А.М. Массовый протест в социально-трудовой сфере. Коллективные действия наемных работников в современной России: истоки, проблемы и особенности. М.: Летний сад, 2002.
4. Кацва А.М. Российский профсоюз работников народного образования и науки: становление, социальные проблемы и коллективные действия. М.: Рохос, 2002.
5. Кичатинов Л. Баобаб в горшке не вырастишь // Восточно-Сибирская правда. 1989. 14 февраля. С. 2.
6. Кондрашова А. Защиту и помощь // Восточно-Сибирская правда. 1991. 30 апреля. С. 4.
7. Мадьярова Д. Утро у парадного подъезда // Восточно-Сибирская правда. 1991. 16 апреля. С. 2.
8. О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов): закон СССР от 9 окт. 1989 г. № 500-1 // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1989. № 18. Ст. 342.
9. Осмачько С.Г. Политическое и социально-экономическое развитие СССР, РФ (1985-99 гг.). Ярославль: Изд.-во ЯГТУ, 2003.
10. Прошлое и настоящее Иркутской областной организации общероссийского Профсоюза образования в воспоминаниях современников / под ред. А.И. Сайфутдинова. Иркутск: Оттиск, 2005.
11. Указ Президента РСФСР от 11 июля 1991 г. № 1 «О первоочередных мерах по развитию образования в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1991. № 31. Ст. 1025.
12. Шестой пленум ВЦСПС: стеногр. отчет. М.: Профиздат, 1989.
13. XIX Съезд профессиональных союзов СССР, 23-27 октября 1990 года: стеногр. отчет. М.: Профиздат, 1991.

REFERENCES

1. Batalina, O., 1989. «Segodnya nam nuzhna svoboda...» [«Today we need freedom ...»], Vostochno-Sibirskaya pravda, October 10, p. 4. (in Russ.)
2. Galkina, V., 1991. Chto delat'? Taburetki! [What is to be done? Stools!], Uchitel'skaya gazeta, no. 77, February 12-19, p. 5. (in Russ.)
3. Katsva, A.M., 2002. Massovy protest v sotsial'no-trudovoi sfere. Kollektivnye deistviya nayomnykh rabotnikov v sovremennoi Rossii: istoki, problemy i osobennosti [Mass protest in the social and labor sphere. Collective actions of wage workers in modern Russia: background, problems and special features]. Moskva: Letniy sad. (in Russ.)
4. Katsva, A.M., 2002. Rossiiskiy profsoyuz rabotnikov narodnogo obrazovaniya i nauki: stanovlenie, sotsial'nye problemy i kollektivnye deistviya [Russian Trade Union of the Education and Science Workers: formation, social problems and collective actions]. Moskva: Rokhos. (in Russ.)
5. Kichatinov, L., 1989. Baobab v gorshke ne vyrastish' [Baobab will not grow in a pot], Vostochno-Sibirskaya pravda, February 14, p. 2. (in Russ.)
6. Kondrashova, A., 1991. Zashchitu i pomoshch' [Protection and assistance], Vostochno-Sibirskaya pravda, April 30, p. 4. (in Russ.)
7. Mad'yarova, D., 1991. Utro u paradnogo pod'ezda [Morning at the main entrance], Vostochno-Sibirskaya pravda, April 16, p. 2. (in Russ.)
8. O poryadke razresheniya kollektivnykh trudovykh sporov (konfliktov): zakon SSSR ot 9 okt. 1989 g. № 500-1 [On the procedure for settling collective labor disputes (conflicts) : law of the USSR of October 9, 1989 № 500-1], Vedomosti

SND SSSR i VS SSSR, 1989, no. 18, Article 342. (in Russ.)

9. Osmach'ko, S.G., 2003. Politicheskoe i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie SSSR, RF (1985-99 gg.) [Political and socio-economic development of the USSR, the Russian Federation (1985-99)]. Yaroslavl': Izd.-vo YAGTU. (in Russ.)

10. Saifutdinov, A.I. ed., 2005. Proshloe i nastoyashchee Irkutskoi oblastnoi organizatsii obshcherossiiskogo Profsoyuza obrazovaniya v vospominaniyakh sovremennikov [Past and present of the Irkutsk regional branch of the All-Russian Trade Union of Education in the memoirs of contemporaries]. Irkutsk: Ottisk. (in Russ.)

11. Ukaz Prezidenta RSFSR ot 11 iyulya 1991 g. № 1 «O pervoocherednyh merah po razvitiyu obrazovaniya v RSFSR» [Decree of the President of the RSFSR of July 11, 1991 № 1 «On urgent measures for the development of education in the RSFSR»], Vedomosti SND i VS RF, 1991, no. 31, Article 1025. (in Russ.)

12. Shestoi plenum VCSPS [The Sixth Plenary Session of the All-Union Central Council of Trade Unions]. Moskva: Profizdat, 1989. (in Russ.)

13. XIX S'ezd professional'nykh soyuzov SSSR, 23-27 oktyabrya 1990 goda [XIX Congress of Trade Unions of the USSR, October 23-27, 1990]. Moskva: Profizdat, 1991. (in Russ.)

ФИЛОСОФИЯ ИЗМЕНЕНИЙ СОВРЕМЕННЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ

А.В. Щербенок,

кандидат филологических наук PhD (University of California, Berkeley),
профессор практики Московской школы управления СКОЛКОВО

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Польза от рефлексии зарубежного опыта трансформаций университетов неочевидна. В конце концов, попытки использовать чужой опыт институциональных преобразований в России регулярно приводят к довольно неожиданным результатам. Если до конца принять тезис о российской уникальности, то изучение зарубежного опыта изменений университетов может иметь лишь очень ограниченный теоретический интерес. Наверное, небезынтересно узнать, что происходит в мире с дисциплинарностью или с академическими единицами, но в конечном итоге в каждом российском университете своя исторически сложившаяся дисциплинарность и своя исторически сложившаяся структура, которые, если и меняются, то под влиянием нашего, очень специфического, социально-политического и экономического контекста – или исходя из своей уникальной внутренней логики.

Однако при этом невозможно отрицать, что российские университеты сложились под определяющим влиянием зарубежных моделей. Конечно, используемые модели были гетерогенны – на российские университеты повлиял и классический немецкий университет, и фран-

цузская политехническая школа, и американский исследовательский университет; сочетаясь довольно причудливым образом и адаптируясь к российскому контексту, они сложились в достаточно специфическую модель позднесоветского, а затем и современного российского университета, во всем разнообразии своих конкретных реализаций от МГУ до небольшого отраслевого вуза. Тем не менее, определяющее влияние внешних образцов привело к тому, что оригинальность российских университетов носит комбинаторный характер. Хотя в мире нет университетов, целиком аналогичных российским, в российских университетах нет значимых элементов, которые не имели бы аналогов где-то еще, в настоящем или прошлом. Это значит, что ни один чужой опыт трансформации не может быть автоматически применен в российских университетах. Но это значит также, что практически любой чужой опыт трансформации и его теоретическая рефлексия имеют непосредственное отношение к каким-то элементам российских университетов и могут быть так или иначе использованы. Статьи, вошедшие в данную подборку, демонстрируют эту релевантность со всей очевидностью.

«ВЗАИМОДЕЙСТВУЙ ИЛИ УМРИ»: ВЫХОД ЗА ПРЕДЕЛЫ ДИСЦИПЛИНЫ

В статье рассматривается кризисное положение гуманитарной науки, ее вечное противопоставление естественнонаучному подходу и вопрос о необходимости междисциплинарности в научных исследованиях. Автор подчеркивает мысль о том, что современные науки перемещаются с академического к контекстуальному способу производства знаний, к организации исследований вокруг проблем, а не дисциплин, где ключевым словом становится кросс-дисциплинарное сотрудничество.

Ключевые слова: дисциплина, гуманитарные науки, научно-образовательный процесс, производство знаний, междисциплинарность, трансдисциплинарность

«Partnerships or perish»: towards the issue of crossing disciplinary borders.
OLESYA V. BUBNOVSKAYA (Far Eastern Federal University)

The article focuses on the crisis of the humanities, the eternal opposition between them and natural sciences and the need for interdisciplinary approach in modern research. The author emphasizes the idea that modern science moves from the academic to the contextual method of knowledge production and tries to organize research around problems rather than disciplines, making cross-disciplinary cooperation the key factor of success.

Keywords: discipline, humanities, research and educational process, production of knowledge, interdisciplinarity, transdisciplinarity

Кризис веры в гуманитарные науки, противопоставление взаимоисключающих интеллектуальных культур (например, естественных и гуманитарных наук) есть, по мнению Саймона Скемптона, «постоянная и неизбежная тенденция», начиная с индустриального общества [2]. В своей книге «Две культуры» Ч.П. Сноу отмечал отсутствие коммуникации между естественниками и гуманитариями, обвинял последних в научном невежестве, называя их «луддитами», стоящими на пути прогресса [3].

Джером Каган, претендуя на пересмотр этих идей, проанализировал естественные, социальные и гуманитарные науки с точки зрения их роли (например, вклада в общечеловеческое знание), словаря (например, анализ значений

концепта «мораль» в языковых системах трех культур) и инструментария (например, исследовательские допущения, критика биологизма и экономизма) [7]. Он отмечал, что ученые вынуждены использовать слова, чтобы описывать свои открытия, приписывая природным феноменам человечески значимые характеристики. При этом слово может существенно менять свое значение в каждой из трех культур (например, слово «страх» значит разное для биолога, психолога или поэта [7, с. 6]).

Дж. Каган критикует науку за тенденцию подчинять социальные феномены биологическим объяснениям (социобиологи, биологи-эволюционисты), связывая психические проблемы с «вырожденной наследственностью» [7, с. 52,

* БУБНОВСКАЯ Олеся Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: bubnovskaia.ov@dvfu.ru

© Бубновская О.В., 2016

94], за стремление найти биологическую основу любого человеческого действия или эмоции, редуцируя психологические мотивации к биологическим порывам, рассматривать альтруистическое поведение как «результат ошибки функционирования мозга» [7, с. 77], препятствуя чувству личной ответственности и свободной воли человека. «Методологический индивидуализм, игнорирующий социальные и психологические факторы», – это, как утверждает автор, продукт развития современного общества, социальной формации, сводящей людей к рабочей силе, человеческим ресурсам [7, с. 177].

Дж. Каган настаивает на том, что гуманитарные науки – это «сопротивление материалистическому детерминизму, преувеличивающему влияние генов и нейрохимии на человеческое поведение и эмоции и преуменьшающему влияние культуры, ценностей и исторического момента на значение слов, источники неопределенности и попытки каждого человека сделать свою жизнь гармоничной» [7, с. 266]. Он напоминает о важности гуманитарных наук «в мире нравственного цинизма и культурной посредственности – современном мире, где науки используются доминирующей идеологией с целью убедить людей в том, что они не более, чем атомизированные, изолированные, биологически детерминированные «повышатели полезности», чей смысл жизни – потреблять» [2].

Гуманитарные науки определяют также как «дисциплины воображения», как «источники знания, которое не может служить основой для достижения будущих целей, но, вместе с тем, абсолютно необходимо для сохранения возможности быть человеком» [1, с. 6].

Анализируя особенности современных гуманитарных наук, Марио Биаджиоли отмечает трудности с коммерциализацией результатов исследований, более узкий диапазон внешней поддержки (грантов, частных фондов, спонсоров и т.п.), кризис идентичности (этика, а не знание, культура, а не природа, риторика, а не правда [4, с. 827]), рассмотрение образования как главного «продукта» [4, с. 825-826], обучение студентов красоте (Л. Саммерс), внушение культуры [4, с. 827], но при этом подчеркивает перспективные возможности гуманитариев.

Барбара Смит и Марио Биаджиоли отмечают необходимость пересмотреть отношения гуманитарных и естественных наук [8], установить их союз [4, с. 817], подчеркивая мысль о том, что науки перемещаются к организации исследований вокруг проблем, а не дисциплин, где

ключевым словом становится кросс-дисциплинарное сотрудничество [4, с. 819]. Интересно отметить, что лозунг «публикуйся или умри» сменяется призывом «взаимодействуй или умри» [5, с. 8].

В качестве возможных проблем, требующих кросс-дисциплинарности, трансдисциплинарности и участия гуманитарных наук в их решении, М. Биаджиоли предлагает изучение новых СМИ, экологические исследования, анализ общественных банков знаний, решение проблемы плагиаризмов и защиты авторских прав, разрешение дилемм медицинской этики, научное мошенничество [4, с. 829-833], М. Гиббонс – частную жизнь, коммуникации, здоровье, окружающую среду и др. [5, с. 6].

Под влиянием тренда междисциплинарности департаменты университетов перестают быть «местом, куда ученые идут, чтобы умереть» [4, с. 820], у студентов появляется возможность развивать широкий диапазон навыков, у исследователей – выбирать разнообразные интеллектуальные и профессиональные траектории (например, модульные программы PhD, добавление курсов к программе специализации). Конечно, это создает ряд проблем, таких как временный характер работы, преодоление ригидности учебных планов и т.п., но и широкие возможности для постдисциплинарности, союза естественных и гуманитарных наук при этом очевидны.

Необходимо понимать, однако, что подобные нововведения потребуют существенных изменений самой природы университетов. Например, передача технологий, по мнению Майкла Гиббонса, должна превратиться из «эстафеты» в «футбольный матч» [5, с. 8]. Университетам нужно быть предпринимательскими, активно вовлекаться в процесс коммерциализации результатов исследований, а не использовать организации-посредники, самим формировать сотрудничество с бизнесом и правительством, инвестируя в процесс и свои собственные ресурсы.

Представление об интеллектуальном капитале университета тоже должно измениться. Небольшое ядро постоянных сотрудников нужно дополнять обширной периферией временных работников с широким диапазоном трудовых договоров. Университет в будущем не будет владеть напрямую человеческими ресурсами, в которых он нуждается. И, конечно, ослабнет лояльность к конкретным учреждениям и дисциплинам [5, с. 9].

Модель будущего университета («с меньшим количеством ворот и большим количеством вращающихся дверей») как открытая, гибкая структура, где «полезное», «социально распределенное» знание [5, с. 4] шифруется и передается по-другому (в большей степени, посредством коллективной памяти команды, а не публикаций) [5, с. 9], безусловно, вызывает много вопросов. Например, как может знание, произведенное в контексте применения, быть доступным тем, кто не был частью этого контекста; каким должен быть учебный план в условиях «трансдисциплинарности»; какие необходимы навыки и как их формировать; кто отвечает за нормы и правила, за «хорошую науку» [5, с. 10].

Еще один важный момент – должен ли университет будущего быть исследовательским или образовательным, нужна ли при этом интеграция науки и образования. Дебаты о взаимосвязи исследования и обучения не новы [6, с. 1] и часто носят мифический характер, не подкрепляясь эмпирическими фактами, неверно истолковывая имеющиеся доказательства. Марк Хьюз выделил несколько типов мифов, связанных с изучением этого феномена:

- миф взаимовыгодных отношений между исследованием и обучением;
- миф обобщенного и статического характера связи исследования и обучения;
- миф, что научная школа отделена от исследования и обучения;
- миф превосходства преподавателя-исследователя;
- миф незаинтересованного исследования в рамках отношений между исследованием и обучением [6].

Тем не менее, позитивная связь между исследованием и обучением принята как отправная точка современных дискуссий. Так, обучение и исследование могут представляться как два аспекта одной и той же деятельности – изучения [6].

Отношения между наукой и образованием динамичны и находятся под влиянием контекста. Относительно исследования к контекстуальным факторам относятся тип и уровень исследования, академическая дисциплина, относительно обучения – способ и философия обучения, академическая дисциплина, относительно студента – способности и уровень изучения, относительно индивидуума – роль исследования, обучения и стипендии (например, стипендия как предварительное условие хоро-

шего исследования и обучения), относительно университета – тип и стратегия развития вуза, и др. [6, с. 19].

Миссии большинства современных университетов декларируют нацеленность на исследованиях и обучении, но это не означает, что оба эти элемента гармонично сосуществуют [6, с. 16]. Вопрос об отношениях науки и обучения, о приоритетах и роли исследований и образования в современном университете важен, так как ответ на него определяет стратегию развития вуза, его финансирование и т.п. В современных университетах успешность исследовательской деятельности определяет продвижение, карьеру и уровень зарплаты сотрудников вуза [6, с. 21]. Функции сохранения и передачи знаний уже давно дополняются функцией их производства [5, с. 2; 1, с. 3], способы которого могут иметь различный характер (знание в контексте открытия и в контексте передачи [6, с. 17]).

М. Гиббонс [5] выделяет две формы производства знаний, результаты сравнительного анализа которых представлены в таблице (табл. 1).

Университеты часто используют модель производства знаний на дисциплинарном основании [5, с. 2]. Как отмечает Роберт Пост, «большинство факультетов ориентировано на конкретные дисциплины и отождествляет себя с ними» [1, с. 2]. Дисциплинарная структура способствует стандартизации образования, обучения и исследования [1, с. 2-3], организует обучение и исследование, соединяя их и обеспечивая поведение согласно нормам научного метода [5, 8].

Согласно К. Уиссокеру, ученые имеют «сильную аффективную привязанность к методам собственных областей, даже если они проводят значительную часть академической жизни, ворча или критикуя их» [9].

Сегодня производство знаний, расширяя общественный интерес и круг заинтересованных лиц, начинает перемещаться от традиционной дисциплинарной деятельности в новые социальные контексты (по М. Биаджиоли, – в «кросс-дисциплинарность», по М. Гиббонсу, – в «трансдисциплинарность»).

Выход за пределы дисциплин динамичен, имеет развивающуюся структуру, включает эмпирические и теоретические компоненты, обогащает знание, способствует распространению результатов исследования в новых проблемных контекстах.

Характеристики сосуществующих способов производства знаний

№	Параметр	Академический метод	Контекстуальный метод
1	Производство знаний	Дисциплинарное	Трансдисциплинарное
2	Местоположение	Академия, университет	По контексту применения
3	Привлекаемые ученые	Признанные специалисты (разделяют нормы и правила)	Более широкая группа (в зависимости от необходимых для решения проблемы навыков)
4	Востребованные и формируемые навыки	Гомогенные	Гетерогенные
5	Научные коллективы	Постоянные	Временные
6	Организация взаимодействия	Иерархическая модель управления	Гетерархическая модель управления
7	Структура	Унифицированная	Разнообразная
8	Обратная связь	Заинтересованные стороны	Рефлексия
9	Ответственность	Правительство	Социальная ответственность
10	Контроль качества	«Эксперты от дисциплины»	Более обширная система контроля

Перекомбинация и реконфигурация областей исследования выступают основанием для новых форм полезного знания, касаются ценностей и предпочтений различных групп, что, наряду с рефлексивностью, повышает значимость гуманитарных наук [5, с. 4-6]. Согласно принципу дуальности, естественные науки, прагматически направленные на предсказание и контроль над миром, могут удачно дополняться гуманитарным знанием, удовлетворяющим потребность в человеческих значениях, понимании и кооперации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пост Р. Дискуссии о дисциплинарности // Новое литературное обозрение. 2011. №107 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/2485>
2. Скемптон С. Между наукой и человечностью // Новое литературное обозрение. 2011. №107 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/2824>
3. Сноу Ч. Две культуры. М.: Прогресс, 1973.
4. Biagioli, M., 2009. Postdisciplinary liaisons: science studies and the humanities. *Critical Inquiry*, Vol. 35, no. 4, pp. 816-833.
5. Gibbons, M., 1997. What kind of university? Research and teaching in the 21st century (Vicotria University of Technology, 1997 Beanland lecture, Melbourne). URL: http://www.uws.edu.au/_data/assets/pdf_file/0017/405251/Gibbons_What_Kind_of_University.pdf
6. Huges, M., 2005. The mythology of research and teaching relationships in universities. In: Barnett, R. ed., 2005. *Reshaping the university: new relationships between research, scholarship and teaching*. New York: SHRE and Open University Press, pp. 14-26.
7. Kagan, J., 2009. *The three cultures: natural sciences, social sciences, and the humanities in the 21st century*. New York: Cambridge University Press.
8. Smith, B., 2005. Figuring and reconfiguring the humanities and the sciences. *Profession*, no. 10, pp. 18-27.

9. Wissoker, K., 2000. Negotiating a passage between disciplinary borders. *Chronicle of Higher Education*, April 14. URL: <http://chronicle.com/article/Negotiating-a-Passage-Between/30132/>

REFERENCES

1. Post, R., 2011. *Diskussii o distsiplinarnosti* [Debating disciplinarity], *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 107. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2485> (in Russ.)

2. Skempton, S., 2011. *Mezhdu naukoj i chelovechnost'u* [Between science and humanity], *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 107. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2824> (in Russ.).

3. Snow, Ch., 1973. *Dve kulturi* [Two cultures]. Moskva: Progress. (in Russ.)

4. Biagioli, M., 2009. Postdisciplinary liaisons: science studies and the humanities. *Critical Inquiry*, Vol. 35, no. 4, pp. 816-833.

5. Gibbons, M., 1997. What kind of university? Research and teaching in the 21st century (Vicotria

University of Technology, 1997 Beanland lecture, Melbourne). URL: http://www.uws.edu.au/__data/assets/pdf_file/0017/405251/Gibbons_What_Kind_of_University.pdf

6. Huges, M., 2005. The mythology of research and teaching relationships in universities. In: Barnett, R. ed., 2005. *Reshaping the university: new relationships between research, scholarship and teaching*. New York: SHRE and Open University Press, pp. 14-26.

7. Kagan, J., 2009. *The three cultures: natural sciences, social sciences, and the humanities in the 21st century*. New York: Cambridge University Press.

8. Smith, B., 2005. Figuring and reconfiguring the humanities and the sciences. *Profession*, no. 10, pp. 18-27.

9. Wissoker, K., 2000. Negotiating a passage between disciplinary borders. *Chronicle of Higher Education*, April 14. URL: <http://chronicle.com/article/Negotiating-a-Passage-Between/30132/>

ОПЫТ ТРАНСФОРМАЦИИ ЗАРУБЕЖНЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье исследуется опыт зарубежных университетов, успешно осуществляющих движение к мировым академическим вершинам. Исследуя пример модернизации вузов Китая, опыт американских вузов и стратегии создания исследовательских университетов мирового уровня, автор пытается выделить и проанализировать механизмы, применимые в российской действительности в целом и в Дальневосточном федеральном университете в частности.

Ключевые слова: исследовательский университет, реформирование образования, образовательная программа, Китай, Россия

Transformation of higher education abroad in the light of Russian educational system modernization. ROMAN I. DREMLIUGA (Far Eastern Federal University)

The article explores the experience of foreign universities, successfully carrying out the movement on the way to global academic heights. Exploring the example of the modernization of Chinese universities, the experience of American universities and the strategies of building world-class research universities, the author tries to identify and analyze the mechanisms applicable to Russian higher education reality in general and to the Far Eastern Federal University in particular.

Keywords: research university, reform of education, educational program, China, Russia

Данная работа основывается на изучении опыта зарубежных университетов в том виде, в каком он представлен в ряде современных исследований [1; 2; 3]. Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению механизмов и средств трансформации вуза в современных условиях, применимых к российской действительности, кратко остановимся на содержании трех исследований, которые составили основу этой статьи.

Итак, основной тезис исследования «Портреты китайских университетов XXI века» состоит в том, что двумя ключевыми факторами развития китайских университетов является заимствование лучших моделей управления университетами за рубежом и опора на обширную традицию китайского высшего образования [2, с. 180, 452-453].

Это подтверждается многочисленными примерами, приведенными в книге.

Главной функцией китайского университета, несмотря на то, что некоторые из описанных учреждений «переросли» государственный уровень, является служба китайскому обществу и государству [2, с. 129, 169, 178], поэтому их поддерживает не только центральное правительство, но и региональная власть (в Сямыньском университете 55% составляет центральное финансирование, 45% – финансирование г. Сямынь и провинции Фудань; в Восточно-китайском педагогическом университете – 60% центральное финансирование и 40% финансирование г. Шанхай [2, с. 175, 200]). Поразительно, что несмотря на «культурную революцию» и низкое качество образования всего два десятилетия назад, Китай совершил

* ДРЕМЛЮГА Роман Игоревич, кандидат юридических наук, заместитель директора по развитию Юридической школы Дальневосточного федерального университета.

E-mail: dremluuga.ri@dvfu.ru

© Дремлюга Р.И., 2016

столь значительный прорыв в области образования. Удивительной является и исключительная академическая свобода и открытость ведущих китайских университетов (Пекинский университет, Нанкинский университет, Сямыньский университет), и это несмотря на коммунистический режим и линию партии.

Основной тезис книги «Путь к академическому совершенству: становление исследовательских университетов мирового уровня» заключается в том, что в основе выдающихся результатов ведущих исследовательских вузов мира (высокая репутация выпускников, современные научные исследования и их внедрение) лежат три взаимно дополняющих друг друга фактора. Это высокая концентрация талантов (преподавателей, студентов и управленцев), изобилие ресурсов для создания благоприятных условий обучения и проведения опережающих научных исследований и структура управления вузом, содействующая развитию стратегического видения, инновациям и гибкости, позволяющая вузу принимать решения и управлять ресурсами без бюрократических преград. В книге отлично показано, что все университеты мира так или иначе пытаются достичь одних и тех же результатов, но вот предпринимаемые ими действия и отклик на них совершенно различны и зависят от политической и социальной среды.

Дэвид Кирп в своей работе «Шекспир, Эйнштейн и последняя черта...» показывает, что при такой концентрации выдающихся и не очень университетов, какая наблюдается в США, высшим учебным заведениям приходится постоянно меняться, вводить что-то новое, экспериментировать идти в ногу со временем, чтобы остаться на вершине (иначе – забвение). В этих условиях даже неисследовательским for-profit учреждениям приходится биться за своего клиента, постоянно повышать качество образования, создавать новые программы и искать новые ниши на рынке образования. Любая новая технология или идея тут же становится новым оружием в борьбе между образовательными учреждениями США.

Анализ зарубежного опыта построения университетов мирового уровня, который представлен в вышеназванных работах, показывает, что для преобразования Дальневосточного федерального университета (ДВФУ) в университет мирового класса необходимо принятие следующего комплекса мер:

- вхождение в глобальную исследовательскую повестку, что должно повысить интерес к исследованиям, проводимым в ДВФУ. Например, Пекин-

ский университет отказалась от развития обычной инженерии в пользу нано – и биоинженерии для того, чтобы выйти на передний край современных научных исследований и перестать «догонять» другие ведущие университеты [2, с. 115];

- получение большей финансовой самостоятельности структурных подразделений университета, что позволит сформировать бюджет развития и эндаумент-фонд;

- уменьшение бюрократического контроля университета и его подразделений, что позволит быстро адаптироваться к мировым изменениям рынка образования и науки, открывать или закрывать образовательные программы, создавать новые научные направления или открывать исследовательские центры;

- повышение количества программ и курсов, читаемых на английском языке. По этому пути идут даже не исследовательские вузы. Так, Восточно-китайский педагогический университет сейчас находится в процессе запуска 100 курсов на английском языке);

- привлечение и поощрение наиболее талантливых студентов;

- повышение доли студентов магистратуры и аспирантуры в общей доле студентов;

- выявление особо выдающихся студентов для обучения их по образовательным траекториям высокой интенсивности;

- введение «аналитической» системы управления (решения принимаются на основе фактологических цифровых данных).

Если вернуться к характеристикам исследовательского университета, данными в книге «Путь к академическому совершенству...», одной из ключевых среди них является достижение высокой концентрации выдающихся студентов и преподавателей. При этом отметим, что высокая концентрация талантливых студентов, исходя из опыта зарубежных университетов, может быть обеспечена несколькими способами. Прежде всего это стипендии и полное покрытие расходов на обучение и проживание (выбор в пользу такой модели сделали Пхоханский университет науки и технологии в Республике Корея [1], а также Пекинский, Нанкинский и Сямыньский университеты в КНР [2]). Возможен также вариант частичного покрытия расходов и стипендии для наиболее талантливых студентов: такой схеме следует большинство американских университетов из первой тридцатки [3]. Среди других механизмов привлечения талантливой молодежи стоит назвать: ребрендинг университета (как это был в Университете Аркадии [3, с. 13] и Университете Чикаго [3, с. 18] в

США), привлечение научных звезд (удачный пример здесь – Университет Нью-Йорка [3, с. 66-89]), создание образовательных программ более высокого качества по сравнению с другими в стране, отвечающих современному рынку труда, и, наконец, акцент на привлечение талантливых студентов из менее развитых стран (уместно привести пример Национального университета Сингапура, ориентирующегося на талантливых абитуриентов из Индонезии, Китая, Индии и Малайзии [1, с. 145]).

Отметим, что в настоящее время в ДВФУ наиболее талантливые студенты (с высоким баллом ЕГЭ) имеют возможность получать образование бесплатно и претендовать на различные виды стипендий, но такое же положение дел справедливо и для остальных российских вузов. Точками роста ДВФУ являются на данный момент качество образовательных программ и привлечение талантливых студентов из Азии. Тем не менее, в количестве звездных преподавателей и в вопросе престижности и «бренда» ДВФУ по-прежнему проигрывает многим своим конкурентам внутри страны и вузам программы 5-100, а также московским вузам.

Привлечение талантливых преподавателей представляется более трудной задачей. Немаловажное значение здесь имеет вопрос финансирования. То, что сегодня могут предложить в ДВФУ для привлекаемого ведущего ученого, в США составляет зарплату рядового представителя преподавательского состава [3, с. 114]. Исходя из мирового опыта, представленного в анализируемой литературе, привлечение ученых с мировым именем может осуществляться следующими методами:

- предложением высокой зарплаты (например, в Университете Нью-Йорка [3, с. 66-89]);
- предоставлением возможности влиять на академическую политику и самому собирать команду исследователей [3, с. 66-89]. По данному пути пошли лучшие китайские университеты [2];
- привлечением ученых из национальных диаспор за рубежом, в основном используя красивую идею о «возрождении национального образования» (так поступает Пхоханский университет науки и технологии и Гонконгский университет науки и технологии [1]);
- самой по себе привилегированностью университета. Ясно, что работать в Гарварде гораздо престижнее, чем в каком-нибудь муниципальном колледже, даже если и за меньшие деньги;
- привлечением талантливых научно-педагогических работников из стран с более низким уровнем жизни (так поступает Национальный

университет Сингапура в отношении ученых из Индонезии, Китая, Индии и Малайзии [1]);

– привлечением одной суперзвезды, за которой потянутся другие. Например, первый президент Гонконгского университета науки и технологии до этого возглавлял один из исследовательских университетов в США и был первым гражданином китайского происхождения на таком посту [1, с. 66-67], второй же президент этого вуза был известным ученым, обладателем медали National Medal of Science. Естественно, приглашать известных ученых поработать в управляемом ими университете не составляло для них проблем.

Недостаточная известность ДВФУ за рубежом не позволяют использовать преимущества бренда, низкая зарплата не позволяет «перекупать» таланты из университетов первых сотен QS. Таким образом, очевидно, что университетам России в целом и ДВФУ в частности следует делать ставку на привлечение научно-педагогических работников из числа представителей русской диаспоры за рубежом, а также на приглашение талантливых ученых из стран Юго-Восточной Азии и СНГ.

В литературе можно встретить несколько моделей преобразования или создания исследовательских университетов для неамериканских вузов. Одна из наиболее результативных моделей – это создание исследовательского университета посредством ощутимой финансовой поддержки (по этому пути пошли Пхоханский университет науки и технологии, Гонконгский университет науки и технологии, Пекинский университет, Сямыньский университет и т.д.). Претворение в жизнь этой модели включает следующие этапы:

Получение финансирования (государственные средства или частный капитал, включение в государственную программу особого финансирования, например, «21/1»);

Приглашение управленцев-выпускников американского вуза или сотрудников американского (иногда европейского) вуза на ведущие позиции;

Привлечение ведущих ученых (luminaries) из за рубежа (чаще «своих» по происхождению) или развитие собственных научно-педагогических кадров (отправка за рубеж, программы повышения квалификации и т.д.). Например, Сямыньский университет тратит на зарубежные стажировки сотрудников 20 000 юаней в год в расчете на одного сотрудника [2, с. 178];

Разработка концепции развития (выбор приоритетных научных направлений, принятие решений об объединении или создании новых структурных подразделений и т.д.);

Реализация концепции развития.

При этом можно выделить типичные шаги, которые предпринимали практически все вузы, ставшие в итоге успешными:

- включение научно-педагогических работников в обсуждение основных шагов по ключевым направлениям;

- увеличение доли магистрантов за счет расширения предлагаемых программ магистратуры и уменьшение программ бакалавриата;

- отбор выдающихся абитуриентов и отбор уже поступивших в т.н. «почетные группы» («honored groups»);

- уменьшение зависимости от государственных денег, если изначально вуз трансформировался за деньги государства;

- пересмотр научной повестки, выделение сильных направлений и усиление междисциплинарных исследований;

- пересмотр образовательных программ университета, выделение наиболее сильных;

- переход на преподавание и публикацию результатов научных исследований на английском языке;

- привлечение зарубежных партнеров из ведущих университетов для совместных проектов.

Хотя большая часть текста проанализированных исследований посвящена успехам университетов и механизмам достижения этих успехов, авторы приводят и негативные примеры, выделяя факторы, которые встают на пути преобразования в исследовательский университет. Их можно разделить на внешние и внутренние. К внешним относится политическая нестабильность, которая зачастую является причиной нестабильного финансирования, падение имиджа страны на международной арене, ограниченный доступ к образованию талантливой молодежи из семей с невысоким достатком, из определенных социальных классов

или районов. К внутренним препятствиям относят неправильно адаптированные модели бизнес-управления, сопротивление изменениям среди научно-педагогических работников и администрации, неправильное позиционирование на рынке и негативный брэнд, необдуманное использование новых технологий, погоню за легкими деньгами от оплаты студентов за обучение.

Подводя итоги, отметим, что зарубежный опыт показывает, что значительно продвинулся на пути к исследовательскому университету можно всего лишь произведя несколько простых на первый взгляд, ключевых шагов, хотя для реализации этих шагов требуются время и огромные ресурсы. Кроме того, чтобы выжить в агрессивной конкурентной среде, в одной лодке с ведущими исследовательскими университетами, необходимо создать такую среду внутри университета. Это означает тотальную борьбу за качество образования и исследований, постоянное «просеивание» лучших умов среди студентов и преподавателей, использование активных маркетинговых стратегий и постоянное движение вперед. Эти шаги возможны только при либерализации и деbüroкратизации управления университетом, принятии нестандартных решений и нахождении альтернативных источников финансирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Altbach, P. and Salmi, J. eds., 2011. The road to academic excellence: the making of world-class research universities. Washington: World Bank.

2. Hayhoe, R., Li, J., Lin, J. and Zha, Q., 2011. Portraits of 21st century Chinese universities: in the move to mass higher education. Hong Kong: Springer.

3. Kirp, D.L., 2003. Shakespeare, Einstein, and the bottom line: the marketing of higher education. Cambridge: Harvard University Press.

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ
ИЗМЕНЕНИЯМИ АКАДЕМИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
В СОВРЕМЕННЫХ УНИВЕРСИТЕТАХ:
ОПЫТ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И АВСТРАЛИИ

В статье представлен обзор работ, посвященных изучению проблемы изменений системы управления высших учебных заведений Великобритании и Австралии. Проведенные исследования позволяют оценить природу опыта иностранных вузов и возможность его применения в российской практике, спрогнозировать последствия его внедрения, а также эффективно управлять изменениями внутри академических единиц.

Ключевые слова: управление университетом, управление изменениями, модель управления, система управления

Change management in academic units of modern universities: British and Australian experience. LEONID E. KOPYLOV (Far Eastern Federal University)

The author presents an overview of studies on the problems of changes in management of higher education institutions in Australia and the UK. These experiments allow to evaluate the nature of the experience of foreign universities and the possibility of its use in the Russian practice, to predict the consequences of its implementation, as well as effectively manage changes within the academic units.

Keywords: university management, change management, management model, management system

Современные системы управления высших учебных заведений нельзя в полной мере отнести ни к одной из традиционных моделей. Причиной тому могли послужить изменения в каждой из моделей, которые происходили под воздействием внешней среды, а также долгая история взаимозависимостей управленческого опыта между университетами, использующими различные модели управления. Д. Де Зилва отмечает следующие пять основных трендов влияния внешней среды на ситуацию в высших школах: глобализация; «маркетизация» высшего образования – уменьшение государственного финансирования и рост операционных издержек; развитие информационных технологий в образовании; увеличение количества

студентов; возрастающая подотчетность перед стейкхолдерами (государство, профессиональные ассоциации, работодатели и студенты) [1, с. 3].

В своей работе М. Шатток проанализировал опыт университетов Великобритании и отметил основные проблемы системы управления в высшем образовании:

– отсутствует понимание того, кто реально руководит университетом – у кого реальная власть, кто принимает решения, кто несет за них ответственность?

– университеты чувствуют необходимость изменений, но противятся им, желая «сохранить внутреннюю академическую среду неизменной» [2, с. 28];

* КОПЫЛОВ Леонид Евгеньевич, директор Центра маркетинга Дальневосточного федерального университета.

E-mail: kopylov.le@dvfu.ru

© Копылов Л.Е., 2016

– даже в самых успешных университетах система управления настолько запутана, что и топ-менеджеры этих университетов не могут объяснить, как она работает [2, с. 28].

Исследователи отмечают, что современная «смешанная» модель управления университетами начала активно формироваться в начале 1990-х гг. Главным мотивом перемен стало осознание того факта, что коллегиальные органы управления менее эффективны, чем отдельные управленческие должности. Негативными последствиями перемен такого рода стала потеря связи персонала (особенно преподавателей) с управлением и меньшая вовлеченность сотрудников в управление учебным заведением. Особенно остро это переживал преподавательский состав тех университетов, где активное участие академического сообщества в управлении было предусмотрено.

Важнейшее влияние на изменение систем управления университетов Великобритании оказало государство. До 1945 г. государство практически не участвовало в создании университетов, университеты были частными, но при этом учредители не имели на них никаких прав. Появляющиеся с начала 1960-х гг. университеты были основаны преимущественно правительством Великобритании. К концу XX в. власти осознали важность высшего образования для обеспечения экономической и социальной устойчивости и направили больше усилий на развитие и контроль высшего образования [2, с. 34].

Что касается университетов Австралии, то, как отмечает Д. Де Зилва, с 1970 г. по 1989 г. они получали почти 90% всех доходов из государственного бюджета и находились в стабильной финансовой ситуации, фокусируясь на обучении, исследованиях и пр. [1, с. 6-9]. В 1989 г. австралийское правительство перенесло существенную часть финансирования на плечи студентов, введя т.н. Higher Education Contribution Scheme (HECS) – систему оплаты обучения, действующую для граждан Австралии. При поступлении в университет абитуриент может выбрать: или заплатить за обучение самостоятельно и сразу (и при этом существенно сэкономить), или учиться «в долг» – образование оплачивается государством, но после выпуска из университета, как только зарплата выпускника достигает определенного уровня, всю стоимость образования выпускник обязан выплачивать в виде дополнительного налога [1, с. 6-9].

К 2002 г. финансирование австралийских университетов состояло на 45% из государственного обеспечения, 37% – из средств студентов (прямы-

ми платежами или посредством HECS) и 18% – из доходов от консультаций, контрактов на исследования, инвестиционного и прочего дохода [1, с. 6-9].

Парадокс государственного влияния на университеты Британского Содружества заключается в том, что университеты тем более независимы от государства, чем больше государство направляет усилий на их развитие. Объяснение парадокса заключается в том, что государство не финансирует университеты напрямую, а влияет через строгую отчетность и конкурентные рыночные заказы [2, с. 37]. Влияние правительства осуществляется посредством трех инструментов – «финансовый меморандум», институциональное управление и институциональные аудиты. Финансовый меморандум, фиксирующий финансовые отношения государства и университетов, во-первых, определяет ответственность исполнительного директора за получаемые от государства средства, во-вторых, предусматривает создание в университете органа, управляющего полученными средствами, в-третьих, предусматривает в качестве обязательного требования введение в штат проректора, контролирующего требования финансового меморандума. Таким образом, финансовый меморандум направлен на формирование в университетах прозрачной системы управления средствами и «системы сигналов» для контроля их расходования [2, с. 32]. Руководство университета должно иметь стратегию развития университета, согласованную с финансовыми советами государства. М. Шатток отмечает, что такой подход удивляет: «насколько уверенно можно утверждать, что финансовый комитет государства может качественно оценить стратегию университета и что этот контроль не убивает «новый подход» к развитию?» В результате, сегодня «шаблонность» государственного финансирования переносится на стратегическое развитие и управленцы в университетах Великобритании имеют наименьшую «стратегическую гибкость», чем многие века до этого [2, с. 37].

Под влиянием внешних факторов классические корпоративные и академические модели управления существенно изменялись на протяжении 1990-х – 2000-х гг. Университеты, работающие в корпоративной модели управления, пошли по пути копирования опыта из бизнеса – начали создаваться советы директоров и ставки CEO, для того чтобы избежать ситуации единоличного управления университетом. При этом руководители университетов, использующие такую модель управления, отмечают, что универсального рецепта нет [2, с. 41].

Проблема академической модели управления заключалась в том, что большая часть усилий была

направленна на стимулирование кафедр с целью заставить их договориться между собой добровольно и подготовить предложение, способное без конфликтов пройти утверждение Совета. Однако сокращение государственного финансирования в сочетании с подобным подходом стало благодатной почвой для возникновения внутренней борьбы за ресурсы. С другой стороны в Университете Сэлфорда данный подход позволил наиболее быстро и эффективно донести до всех сотрудников необходимость перемен и принятия непопулярных решений – Совет без особого сопротивления принял решения, которые очень болезненно били в том числе и по самим членам Совета [2, с. 61]. Вторая проблема академической системы управления – это возросшее государственное влияние, которое привело к усилению управленческого ядра даже в самых «академических» университетах (через проректоров и профильных менеджеров по финансам, персоналу, маркетингу и т.д.) [2, с. 64]. В связи с тем, что ответственность за распределение бюджета лежит на «управленческом ядре», изменился и формат отношений факультетов и «центра»: де-факто управление перешло административно-управленческому персоналу, чей функционал прежде являлся исключительно исполнительным. М. Шатток отмечает, что задача управленцев в этой ситуации – не праздновать «победу», которая досталась благодаря новым бюрократическим механизмам, а найти путь, который позволит академическому сообществу не потерять чувства вовлеченности в принятие решений. Большую помощь в этом может оказать сохранение Ученого совета (не только в формальном виде). В противном случае сопротивление академического сообщества изменениям видится единственной возможной реакцией на предложения управленцев.

Отдельно отмечается важность студенческой роли в управлении. В современной модели степень влияния студентов на управление возрастает, во-первых, за счёт «маркетизации» образования, во-вторых, за счёт включения оценки удовлетворенности студентов и мнений выпускников в различные рейтинги университетов. Опыт, приведенный в работе М. Шаттока, показал, что включение представителей студентов и выпускников в управление университетом положительно сказывается на их оценках учебного заведения.

Можно сформулировать следующие ключевые особенности современной смешанной системы управления высших учебных заведений:

- высокий спрос на четкость структуры управления и разделения полномочий и ответственности;

- необходимость конкретного (персонального) распределения ответственности за достижение целей и эффективность расходования ресурсов против общепринятого ранее размывания ответственности по комитетам и советам;

- важность вовлечения преподавательского состава в принятие ключевых решений, выстраивания горизонтальной коммуникации административно-управленческого персонала с факультетами (школами) даже в том случае, когда формально или неформально факультеты (школы) находятся на управленческую ступень ниже;

- неоднозначность ситуации сосредоточения власти в одних руках лидера. Высокий соблазн первого лица университета принять на себя персонально всю ответственность за достижение целей и расходование ресурсов может привести к краткосрочному росту эффективности управления, но к проигрышной долгосрочной стратегии по причине низкой вовлеченности и, в результате чего, инертности академической среды;

- высокая важность внутреннего и внешнего аудита (реального, а не формального);

- важность обеспечения управления ключевыми процессами, происходящими в университете (разработка, экспертиза, согласование, утверждение, назначение ответственных, выделение ресурсов, мониторинг, контроль и аудит);

- управление академическими ресурсами должно быть в равной мере согласованно с управлением финансовыми ресурсами. Необходимо даже в моделях управления гражданским университетом или корпоративным включать в планирование ресурсов академическую среду, а не спускать директивно планы, не обеспеченные ресурсами.

Д. Де Зилва в своей работе описывает ситуацию перемен, в которой оказались австралийские университеты в 2000-х гг., что было вызвано изменениями политики в системе высшего образования Британского Содружества, отмеченными ранее. Неожиданно для многих вузов произошла расфокусировка в части «заказчиков» и рыночных целей (спрос какого заказчика удовлетворять). Перемены обозначили ключевые рыночные вызовы, стоящие перед университетами: удовлетворение спроса студентов; удовлетворение спроса рыночных заказчиков исследований; удовлетворение спроса государства в перераспределении источников финансирования [1, с. 8].

Де Зилва отмечает в своей работе, что академическая среда исследуемых университетов характеризовались разной поведенческой моделью при реагировании на меняющиеся внешние условия.

Автор выделил 4 поведенческих типа академических единиц в ситуации изменений.

1. Оборонительный тип (Defenders). Подразделения оборонительного типа «дают изменениям случиться, а потом решают, как с этими изменениями жить». Оборонительные подразделения не нацелены на внешнюю среду, на поиск новых рынков, на создание новых конкурентных преимуществ для новых типов аудитории. Они сфокусированы на повышении собственной эффективности и устойчивости к изменениям. Решения проблем ищут в собственном опыте, традиционных системах управления и уже неоднократно примененных управленческих решениях [1, с. 33].

Д. Де Зилва отмечает, что эта модель поведения наиболее популярна, так как сопротивление изменениям – естественная и базовая реакция на любые изменения внешней среды. Университеты выбирают защитную форму адаптации в первую очередь из-за доминирующей роли академического сообщества. Вторая причина – нежелание (неспособность) управленцев заставлять преподавательский состав работать по-новому или как-то отлично от того, как работают они или работают в их регионе [1, с. 57].

2. Старатели / Сторонники (Prospectors). Полная противоположность единицам оборонительного типа. Сторонники включаются в изменения с головой, сосредоточены на поиске всего нового, ключевой приоритет для них – инновационность. Сотрудникам комфортно в «турбулентном» режиме изменений. Типичная позиция подразделения-сторонника – не следовать изменениям, а бежать впереди них и влиять на русло перемен [1, с. 34]. Главный принцип работы «старателей» – никакой формальности, бюрократии, долгих принятых решений. Де Зилва приводит пример университета, в котором у сотрудников не было адресов электронной почты, так как туда «нечего было отправлять». Все решения принимались коллегиально и сразу выполнялись. Общая проблема «старателей» – отсутствие достаточного количества академических сотрудников, с достаточным опытом работы в науке и образовании.

3. Аналитики (Analysers). Аналитики – это гибрид оборонительного и стороннического типов. Комбинирование оборонительного и новаторского типа адаптации заключается в том, что подразделения фокусируются на существующем рынке и, как и оборонительные, стремятся обеспечить себе максимальную устойчивость на данном рынке, но при этом анализируют конкурентов и внешнюю среду, выискивая наиболее удачные решения, про-

дукты, аудитории для того, чтобы внедрить в работу [1, с. 35].

4. «Реакторы» (Reactors). Если каждый из перечисленных выше типов опирается в своей работе на какую-то определенную модель поведения, следует определенной тактике (сопротивляется изменениям, пытается их «возглавить» или избирательно впускает изменения в свою работу), то реакторы «мечутся» от одного типа поведения к другому, пытаются среагировать на внешние сигналы. Автор отмечает, что такой тип адаптации к изменениям, как правило, возникает в трех случаях:

- руководство не может сформулировать четкую стратегию;
- руководство сформулировало четкую стратегию, но не имеет ни ресурсов, ни технологий, ни видения как её реализовать;
- руководство сформулировало стратегию, имеет ресурсы для её реализации, и пытается следовать ей изо всех сил, несмотря на то, что внешняя среда уже существенно изменилась и существующие стратегии неактуальны [1, с. 36].

Важно отметить, что разные поведенческие типы подразделений, по мнению автора, встречаются в структуре одного университета, что может говорить о низкой степени зависимости типа адаптации от руководства университета, а в большей степени о зависимости от сложившихся традиций в подразделении и качества внутренних коммуникаций со школой.

Де Зилва также выделяет особенности процесса адаптации, так или иначе влияющие на выбор типа поведения:

- нетипичное взаимодействие между внутренней и внешней академической средой. Прежде всего речь идет о выходе на конкурентные рынки, о конкуренции за потребителей, за которых преподаватели не привыкли конкурировать. Повышенные требования к действиям, которые преподаватели не привыкли предпринимать;
- неоднородное восприятие внешней среды. «Обороняющиеся» подразделения воспринимают изменения как угрозы их стабильности и «статус-кво». «Старатели», напротив, воспринимают как возможности для роста, получения новых рынков и готовы принимать на себя риски по развитию подразделения внутри меняющейся среды;
- разница в мотивах. Найти равновесие или дисбаланс с окружающей средой – «защитный» мотив, мотив же «сторонников» агрессивный – перетянуть одеяло на себя;
- вопрос времени. Сопротивление, в любом случае, не может длиться вечно – сопротивление будет длиться, пока у защищающейся стороны

есть ресурс (денежный, репутационный, политический), пока внешние изменения кажутся выбивающимися из нормы. Рано или поздно изменения внешней среды будут признаны внутри университета, и сопротивление исчезнет естественным образом, но может быть уже слишком поздно, так как ресурсы потрачены на борьбу.

Де Зилва также вводит понятие «готовность к адаптации» (*adaptive capacity*). Во время перемен университет взаимодействует с большим количеством стейкхолдеров – с государственным и отраслевым менеджментом, следящим за эффективностью расходования ресурсов, с потребителями, требующими роста качества услуги, на которые необходимо тратить ресурсы, с региональными и глобальными бенефициарами, требующими результата от деятельности университета, например, для экономики региона и т.д. Каждый из стейкхолдеров имеет свою повестку и нормативное регулирование процесса [1, с. 121]. Готовность к адаптации – это своего рода иммунитет, устойчивость к давлению внешней среды во время адаптации. Де Зилва в своей работе дает следующие рекомендации по повышению «готовности к адаптации».

– внедрение в работу подхода, который автор называет «теорией комплексной системы адаптации» (*complex adaptive systems*). Данный подход позволяет вовлекать в изменение всю внутреннюю среду, при этом распределяя внешнее давление на всю систему, а не на каждую академическую единицу в отдельности. Подход заключается в создании нелинейной системы

управления. Структура университета имеет два уровня – внешний, на котором он воспринимается как единая структура, и внутренний, который строится на нелинейных, динамичных взаимоотношениях между подразделениями. Плюсы данного подхода состоят в вовлечении в изменение всех единиц, делегировании ответственности и самостоятельности, а также невозможности управления по вертикали власти в периоды перехода изменений в турбулентную форму;

– развитие понимания происходящих процессов, развитие стратегического мышления и погружение персонала в контекст стратегического позиционирования университета;

– поддержка тех подразделений, которые готовы меняться, поощрение риска, предпринимательства и инновации, создание дисбаланса для преодоления сопротивления;

– использование инструментов самоорганизации команд, внедрение коллегиальных подходов при принятии решений;

– работа над долгосрочным формированием культуры академических единиц и формированием ценностей;

– делегирование лидерства командам, передача принятия решений и ответственности за них на уровень подразделений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. De Zilwa, D., 2010. *Academic units in a complex, changing world*. New York: Springer.
2. Shattock, M., 2006. *Managing good governance in higher education*. New York: Open Education Press.

АНАЛИЗ МИРОВОГО ОПЫТА ТРАНСФОРМАЦИИ УНИВЕРСИТЕТОВ

В статье на основании современных зарубежных исследований проведен анализ опыта трансформации университетов из различных стран мира. Автором выделены основные трудности и причины их возникновения в проведении изменений в университетах, а также представлены критически важные вопросы, определяющие направление развития университета и возможные трансформационные шаги.

Ключевые слова: университет, управление изменениями, оценка эффективности, стратегия, система управления

Transformation experience of world universities: an attempt at analysis. PAVEL A. KUZNETSOV (Far Eastern Federal University)

Basing on several modern foreign studies, the paper analyzes transformation experience of different universities from around the world. The author highlights the main obstacles and their causes in carrying out changes in the universities and provides critical issues that determine the development direction of the universities and the possible transformation steps.

Keywords: university, change management, performance assessment, strategy, management system

Не знаю, станут ли вещи лучше, если мы изменим их, но они точно должны меняться, чтобы стать лучше.

Г.К. Лихтенберг

Для того чтобы предпринимать любые шаги по созданию университета мирового уровня, прежде необходимо ответить себе на несколько вопросов. Зачем нужен университет? В чем его предназначение и в чем его цель? Каким мы хотим видеть наш идеальный университет? Как понять, движемся ли мы к цели вообще и если да, то насколько быстро?

Наиболее очевидные цели университета – подготовка будущих лидеров общества во всех областях деятельности и проведение исследований (производство новых знаний) [2; 3]. Ориентированность американских университетов на прикладные задачи общества (промышленности,

сельского хозяйства и т.д.) привела к осознанию третьей цели – применение созданных знаний (предпринимательство). Без предпринимательства вместо результата мы получаем нереализованный потенциал организации [6]. Генри Ицковиц считает университет образующим звеном общества, основанного на знаниях, аналогом которого в индустриальном обществе были государство и промышленность [7].

В более широком смысле М. Кроу видит цель университета в обеспечении устойчивого развития общества, которое определяется балансом благосостояния поколений и повышением уровня жизни и социального благополучия. Согласно Кроу, лидеры стран поняли, что именно университеты и проводимые в них исследования стали катализатором экономического развития, а впоследствии и экономического доминирования США в XX в. [2]. Именно поэтому остальные страны стремятся

* КУЗНЕЦОВ Павел Анатольевич, заместитель директора по развитию Инженерной школы Дальневосточного федерального университета.

E-mail: kuznetsov.pa@dvfu.ru

© Кузнецов П.А., 2016

скопировать модель американского университета мирового класса, что косвенно подтверждается работами, в которых рассматриваются японские, немецкие и английские университеты [1; 3; 5]. Появление новой цели перед университетом, усложнение традиционных целей и изменившаяся система оценок университета государством и обществом должны найти свое отражение в системе его управления. В противном случае вложенные ресурсы не дадут достаточной отдачи и общество не получит возможного импульса к развитию.

Если с целями университетов все более или менее понятно, то как определить успешность университета? Достигает ли он своих целей? По этим вопросам нет единого мнения, т.к. университет – многогранная организация с разными целями и большим количеством задач. Единственное, в чем сходятся авторы, это то, что: а) университет – это не предприятие, единого мерила успеха (например, прибыль) здесь не существует; б) рейтинги и другие цифровые показатели упрощают и невольно искажают результативность университетов. М. Шатток в своей работе акцентирует внимание на относительности критериев оценки успешности университета, например, Европа лидирует по числу защит и количеству статей, но отстает от США по количеству прорывов в науке и коммерциализации результатов [1]. К. Матзлер и Д. Абфальтер солидарны с мнением М. Шаттока о том, что абсолютное лидерство во всех аспектах одного университета или даже одной модели университета невозможно, т.к. университеты ставят себе разные задачи и ориентиры (деньги, образование, наука, решение задач региона и т.д.) [4]. Следовательно, сравнивать разные университеты (с разными фокусами) или разные школы внутри университетов – задача трудная.

Рейтинги служат для привлечения новых преподавателей, удержания имеющихся, а также для привлечения лучших студентов. Кроме того, администрация университета использует рейтинги для привлечения денег от государства и распределения ресурсов между подразделениями, в зависимости от позиции в рейтинге. Самая главная проблема рейтингов – это то, что они рассматриваются как «квазиоценка». Индикаторы научной результативности не отражают качественных и количественных характеристик научной работы. Сами по себе научные статьи не являются ценностью. По результатам исследований, в период с 2002 г. по 2006 г. только 40% статей, опубликованных в ведущих журналах, были процитированы в течение 5 лет после публикации, а по другим оценкам 48% всех опу-

бликованных статей вообще никогда не цитировались.

Рейтинги всегда имеют определенную направленность (чаще всего оценивается исследовательская составляющая) [1; 4] и оценивают только часть областей деятельности университета. Проведение качественных исследований и хорошее образование – это норма, которой уже недостаточно для того, чтобы считаться университетом мирового уровня. Более того, чтобы стать им необходимо, чтобы все вспомогательные процессы также выполнялись на достойном уровне. Еще одной проблемой является оцифровка рейтингов и следующее за этим упрощение системы оценок, упускающее ряд «ощущаемых, но не измеряемых» выгод, которые может дать университет.

Тем не менее, рейтинги дают общую информацию о месте университета в мире. Так, В. Крулл отмечает, что позиция германских университетов в топ-500, а не топ-50 или топ-10 отражает систему высшего образования в Германии: большое количество хороших широкопрофильных университетов без выделения элиты, блистающей на международной арене. М. Шатток, анализируя систему оценки британских университетов RAE, отмечает, что несмотря на изменение методологии и системы подсчета в течении длительного времени, состав топ-10 практически не менялся. Из чего делается вывод, что правильно заложенные принципы организации науки и образования воспроизводят сами себя. М. Шатток, оценивая причины малоуспешности университетов, определяет как основную именно отсутствие четких механизмов оценки университетов. Быть частью системы государственного финансирования и быть конкурентоспособным на открытом рынке – это две разные модели управления, требующие разных подходов как от университета, так и от министерства образования.

М. Шатток рассматривает в своей книге [1] ряд факторов, которые могут положительно или отрицательно влиять на развитие университета. К таким факторам относятся:

– **местоположение.** Университеты, находящиеся в столице или крупных промышленных центрах, имеют преимущества перед университетами из захолустья. Некоторые исследователи отмечают, что несмотря на глобализацию и ожидание географической распределенности отдельных индустрий, потоки знаний до определенной степени остаются локальными, специализация региона является плюсом для развития инновации и новых знаний (в т.ч. трудоустройства студентов) [2; 6]. Таким образом, развитие университета должно

происходить в соответствии с приоритетами развития региона;

– **возраст** может служить как позитивным фактором (через создание правильных традиций, культуры и норм деятельности организации), так и негативным. Обычно, чем старше университет, тем выше его репутация;

– **богатство** не гарантирует успех, но существенно облегчает путь к нему;

– **кампус** может быть как стимулом к развитию, так и его ограничителем.

К перечисленным факторам М. Шатток добавляет, по его мнению, главный – **условия создания университета**. Как основан университет, в каких условиях и для решения каких задач? В качестве иллюстрации приводятся примеры британских университетов, создаваемых по двум разным моделям:

– университет, проектируемый и создаваемый для решения амбициозных задач. В такие университеты с большей охотой идут люди, склонные к творчеству, науке, новым вызовам. Под эти амбициозные задачи специально проектируется кампус;

– университет, создаваемый путем трансформации институтов, т.е. организаций, в которых склонность и способность к науке не были критериями отбора для персонала. Такие университеты в течение долгого времени не показывают позитивной динамики изменений. Смена парадигмы требует работы менеджмента под давлением новых вызовов и, по опыту британцев, занимает как минимум смену одного поколения.

К счастью, ни один из вышеназванных факторов не является критическим, а его отсутствие не создает непреодолимый барьер для университета, стремящегося к вершинам.

Если университеты хотят продолжить быть востребованными и способными решать задачи, стоящие перед обществом, они должны сильно измениться. Переход от рынка «рабочих рук и инструментов» к рынку «голов, компьютеров и лабораторий» требует от немецких и европейских вузов больших изменений – большей инновационности, большей результативности исследований. Никогда еще университет как организация не сталкивался с такой глобальной борьбой за талантливые умы.

Дефицит ресурсов приводит к увеличению конкуренции за студентов, лучших ученых, за внимание и финансы государства и т.д. С другой стороны, повышение роли региона и усиление связей с промышленностью ставят жесткие сроки на время принятия решения. В результате, чтобы

остаться на плаву университет обязательно должен быть гибким и динамичным в принятии решений. Успешный университет отличает умение быстро принять взвешенное решение в условиях неопределенности. Побеждает тот, кто быстрее попробует и успешно реализует новую возможность [1; 4].

В. Крулл рассматривает конкуренцию как необходимый элемент ускорения изменений в рамках университета и в качестве доказательства приводит пример реализуемой в Германии программы поддержки университетов, крайне похожей на Проект 5–100 [3]. Конкуренция за деньги от министерства породила борьбу за качество работы и как производное от нее – преобразование системы управления. М. Шатток, напротив, апеллирует к классикам менеджмента, утверждая, что успешные университеты должны обладать умением меняться под давлением внешних вызовов самостоятельно (на всех уровнях), а не с подачи топ-менеджмента [1].

М. Шатток утверждает, что для устойчивого развития университета необходимо очертить схему (framework), которая описывала бы целевое состояние университета. На соответствие этой схеме должны проверяться все возникающие идеи и проекты. В успешных университетах такого рода идеи и проекты либо укладываются в схему, либо отклоняются. При этом цели не нужно менять раз в год, но необходимо пересматривать, оценивая актуальность с учетом произошедших изменений, таких как внешние изменения, изменения инфраструктуры, успехи или неудачи отдельных подразделений и т.д. На выработку подобной схемы могут уйти месяцы и года, однако впоследствии это позволяет существенно сэкономить время и ресурсы. Кроме того, автор считает, что подробный построчный план на 3–5 лет хорош только для государства, для университетов же он становится ограничением, т.к. не учитывает происходящие изменения и ограничивает новации [1].

Наличие идеального видения отнюдь не гарантирует успешности его воплощения. М. Шатток приводит примеры английских университетов, которые хотели реализовать модель предпринимательского университета, но не смогли по следующим причинам: сильная ориентация на государственное финансирование; организационная культура и традиции университета; многоуровневая система управления; отсутствие слаженной группы, проводящей изменения [1].

Если университеты хотят успешно выполнять свои задачи по созданию, распространению и применению знаний, то они должны быть способны-

ми выдерживать сегодняшнюю динамику изменений. В первую очередь они должны преодолеть жесткие рамки структур и выработать подходы и формы междисциплинарного взаимодействия. [3]. Для решения этих задач необходимо перейти от закрытой «раковины» лаборатории/школы/университета к сетевому взаимодействию и открытым инновациям. В. Крулл также отмечает, что переход к междисциплинарным исследованиям внутри университета возможен только совместными усилиями менеджмента и ведущих ученых.

Если обратиться к финансовому аспекту изменений, то очевидно, что университет мирового уровня не может опираться только на государственные финансы, т.к. их мало и они строго регламентированы. М. Шатток в качестве инструмента по увеличению количества доступных ресурсов предлагает создать Совет по внебюджетным средствам с задачей следить за фактическим объемом внебюджетных средств и его соответствием прогнозным значениям, а также принимать меры по снижению препятствий по привлечению средств (от изменения бизнес-процессов до оценки выгоды конкретных видов деятельности).

Университетская среда благоприятствует укрупнению бюрократии. Чем старше становятся подразделения, тем больше они склонны формализовывать систему правил, описывающих все возможные ситуации. Эти правила переключают внимание подразделения с выполнения социальной функции на следование собственным правилам. В результате идет усложнение структуры, что только усиливает инерцию, увеличивая затраты времени, усилий и т.д. на выполнение процедур. Соппротивление к изменениям, которое получается в итоге, снижает возможность подразделения адаптироваться к новым обстоятельствам. Нормы, стандарты и следование правилам – эти характеристики больше подойдут сборочному производству, чем исследовательскому университету, чья цель – создание новых знаний и распространение инноваций [2].

Среди успешных вузов нет единой организационной и управленческой модели. Кроме того, есть примеры, когда высокий уровень образования и науки в университете сопровождается крайне неэффективной или сложной системой управления. В качестве примера можно привести Кембридж – очень успешный университет, в котором, тем не менее, противостояние академической среды и менеджмента уже стало притчей во языцех.

В. Крулл и М. Шатток сходятся во мнении, что университет не может управляться сверху вниз и необходимо активное вовлечение научно-педа-

гогических работников и студентов в управление университетом. Приводится статистика, показывающая, что университеты, где есть вовлеченность научно-педагогических работников в управление, становятся более успешными и демонстрируют большую динамику. М. Шатток настаивает на передаче ответственности и финансовых полномочий исполнителям, видя задачи топ-менеджмента в создании системы по решению проблем, а не в решении самих проблем. Впрочем, не существует единого мнения относительно того, до какой же степени необходимо передавать полномочия в подразделения. Стоит добавить, что критически важной является процедура ротации, иначе топ-менеджмент может утратить контакт с академическими подразделениями, потеряв необходимость спорить и убеждать, только отдавая распоряжения.

Кроме того, М. Шатток настаивает на необходимости применения разных подходов в управлении для разных предметных областей, которым свойственны свои сложившиеся системы ценностей и традиций. Так как культура организации имеет гораздо большую силу, чем организационная структура или бизнес-процессы, то выгоднее использовать разные подходы, чем искусственно подстраивать всех под единый подход. Такой подход не позволит ни одному из направлений максимально раскрыться, став своеобразным прокрустовым ложем.

Авторы утверждают, что в организациях вообще и в университетах в частности директивный стиль руководства одного человека редко работает успешно. Организационная культура предопределяет развитие или деградацию организации, а она, в свою очередь, определяется системой взглядов, ценностей и подходов сотрудников и команды высшего руководства. Правильная культура способна помочь обычным людям достигать неординарных результатов, а реализация задуманных стратегий происходит в организации, где поощряются новые идеи и свободы. Таким образом, успех поощряет следующий успех.

К. Матзлер и Д. Абфальтер в своей статье попытались определить шаги, необходимые для перехода к предпринимательскому университету:

- создание готовой к быстрым изменениям структуры при изменении внешних требований, полная координация в работе высшего руководства;

- вовлечение департаментов/кафедр в деятельность за пределами науки и образования – трансфер технологий, фандрайзинг, работа с выпускниками и т.д.;

– развитие системы привлечения негосударственного финансирования;

– перевод академических подразделений в предпринимательские академические подразделения, ответственные за генерацию денежного потока;

– внедрение в академическую культуру культуры предпринимательской, например, в части умения обдуманно рисковать и толерантности к ошибкам как необходимым элементам процесса развития.

Подводя итог, можно резюмировать, что ситуация в которой находится большинство российских университетов сегодня, не уникальна. Другие университеты также не знают гарантированного пути к успеху, более того – не всегда могут определить критерии успеха. Они сталкиваются со схожими проблемами в проведении изменений и подвержены внешнему давлению, совершают управленческие ошибки и испытывают недофинансирование и т.д. Если сотрудники университетов действительно хотят двигаться вперед к университету мирового уровня, то им следует:

а) осознать собственную ответственность за развитие не только университета, но и региона и общества в целом;

б) исходя из этого, определить собственную идеальную и уникальную модель университета;

в) обдуманно заимствовать под эту модель положительный опыт и учитывать отрицательный опыт. Без целостной картины университета копирование отдельных разрозненных элементов бесполезно и ресурсозатратно.

Стать университетом мирового класса – это значит пройти цепь маленьких правильных шагов, а не предпринять несколько усилий. Прежде всего, эти шаги должны быть направлены на формирование исследовательской и предпринимательской культуры – задача сколь очевидная, столь и тщательно нами избегаемая. Критически важным является формирование амбициозной и готовой к

изменениям команды единомышленников, которая бы делала эти маленькие шаги сама и помогала делать их другим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES:

1. Shattock, M., 2003. *Managing successful universities*. Buckingham: Open University Press.

2. Crow, M.M. and Dabars, W.B., 2015. *Designing the new American university*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

3. Krull, W., 2013. Who is leading whom, where to, what for: and how? Governance and empowerment in the university of the twenty-first Century. In: Altmann, A. and Ebersberger, B. eds., 2013. *Universities in change: managing higher education institutions in the age of globalization*. New York: Springer, pp. 117-137.

4. Matzler, K. and Abfalder, D., 2013. Learning from the best: implications from successful companies for higher education management. In: Altmann, A. and Ebersberger, B. eds., 2013. *Managing higher education institutions in the age of globalization*. New York: Springer, pp. 137-155.

5. Eades J.S. and Cooper, M., 2013. Training researchers in the Asia-Pacific: a regional response to global leadership in research. In: Altmann, A. and Ebersberger, B. eds., 2013. *Universities in change: managing higher education institutions in the age of globalization*. New York: Springer, 2013, pp. 201-217.

6. Ebersberger, B., Herstad, S.J. and Altmann, A., 2013. Higher education institutions and regional development. In: Altmann, A. and Ebersberger, B. eds., 2013. *Universities in change: managing higher education institutions in the age of globalization*. New York: Springer, 2013, pp. 311-323.

7. Etzkowitz, H. and Ranga, M., 2010. A triple helix system for knowledge-based regional development: from “spheres” to “spaces”. In: VIII Triple Helix International Conference on University, Industry and Government Linkages. Madrid.

ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ ДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

В статье предпринимается попытка обзорно рассмотреть проблему междисциплинарного знания в современной науке, охарактеризовать основные формы взаимопроникновения дисциплин. Автор описывает сложившуюся в современной зарубежной науке концепцию дисциплинарности и существующую критику данного подхода и обосновывает необходимость многополярности исследовательского подхода в выстраивании научной деятельности в современном университете.

Ключевые слова: трансдисциплинарность, информированная дисциплинарность, дисциплина, концептуальная междисциплинарность.

Shape and contents of modern concepts of disciplinarity. VLADIMIR V. PAVLOVSKIY (Far Eastern Federal University)

The paper addresses the issue of interdisciplinary knowledge in modern science, attempting to describe the main forms of interpenetration of disciplines. The author describes the concept of disciplinarity that prevails in modern science, discusses the current criticism of this approach and substantiates the need for a multipolar research approach in organizing research activities in modern university.

Keywords: transdisciplinarity, informed disciplinarity, discipline, conceptual interdisciplinarity

Проблема междисциплинарности не является новой, рожденной в XXI в. Вопрос о структурировании знаний поднимался и во времена Декарта, и в последней четверти XX в. Скорее, она является типичной эволюционной проблемой. С развитием дисциплин шло их усложнение. При этом дисциплины не утрачивают своей стабильности. В процессе развития дисциплин происходила их внутренняя диверсификация, появлялось большое количество специализаций. Сообщество исследователей «разъезжалось» и из монолитного коллектива, собранного в одном месте (исследовательском учреждении, университете), трансформировалось в сетевую структуру. Дисциплину уже невозможно «окинуть взглядом с крыльца» [1]. Прошлый век привел к значительному росту объема по-

лучаемых знаний, что породило спор между приверженцами традиционного дисциплинарного подхода к получению знания и теми, кто утверждает, что будущее – за меж- и трансдисциплинарным подходом. Многие современные исследователи, сторонники междисциплинарности, предлагают революционные идеи и готовы отказаться от дисциплинарного дискурса, бросив вызов традиционному подходу к знаниям и исследовательскому процессу [3, с. 3]. Однако, прежде чем сделать шаг в непонятную междисциплинарность, нам необходимо определиться с понятием «дисциплины».

В своей работе «Дискуссии о дисциплинарности» Р. Пост приводит мнение, связанное с определением дисциплинарности, данным в Оксфордском словаре. Термин «discipline» про-

* ПАВЛОВСКИЙ Владимир Викторович, кандидат психологических наук, заместитель директора по развитию Школы искусства, культуры и спорта Дальневосточного федерального университета.

E-mail: pavlovskiy.vv@dvvfu.ru

© Павловский В.В., 2016

исходит от слова «ученик», «последователь», в то время как термин «doctrine» – от слова «доктор», «учитель». Таким образом, «дисциплинарность» имеет в сравнении с доктриной более практическую направленность. Дисциплины отличаются между собой методами, способом изложения и структурирования знаний, понятийным аппаратом, способом регулирования противоречий [4, с. 751]. Однако они одинаково придерживаются кантовской регулятивной идеи как основного принципа описания мира. При этом умалчиваются и преуменьшаются различия между специализациями, объединенными одним направлением, принижается значение, частота и влияние междисциплинарных связей на развитие науки.

Дисциплинарность также влияет на структуру и особенности взаимоотношений внутри коллективов. Большинство департаментов американских университетов работают в рамках конкретных дисциплин, поощряя найм, карьеру и направления исследований определенной специализации. Стоит отметить, что в отечественных университетах часто существуют кафедры, объединяющие, на первый взгляд, междисциплинарные коллективы преподавателей. Так, в рамках одной кафедры могут работать специалист в области инженерной психологии, специалист в области педагогики и спортивный тренер, однако это не приводит к формированию междисциплинарности, ведь курсы, которые они читают, не связаны с исследовательским процессом, ориентированы исключительно на бакалавриат и ведутся в соответствии с требованиями определенного стандарта не только по форме, но и по содержанию. Исследовательский процесс в рамках такой кафедры-департамента не направлен на решение конкретной проблемы, а преследует исключительно цели по подготовке отчетности кафедры и получению искомым степеней и званий отдельными сотрудниками.

Существует и другой аспект проблемы: вопросы дисциплинарности напрямую связаны с образовательной и кадровой политикой – как в зарубежных, так и в отечественных университетах. Защита диссертации в рамках одной дисциплины представителем другой, не смежной, часто не поощряется, такому исследователю создаются дополнительные сложности, и профессиональное сообщество активнее критикует его взгляды. Представители одной дисциплины, например, медицинские работники, пришедшие в университет на преподавательские должнос-

сти, критикуют взгляд на «чисто медицинские», по их мнению, вопросы, свойственный представителям других научных дисциплин (педагогика, психология). Так появились, например, два вида «адаптации» – психологическая и физиологическая, трактуемые по-разному в разных науках. Р. Пост описывает историю возникновения направления «culture studies» [4, с. 757] как переход от объясняющей модели классического литературоведения к понимающей модели с заимствованием методов из других областей, например, антропологии. Это привело к появлению вопроса о том, являются ли «culture studies» новой дисциплиной или сплавом из существующих. В это же время ориентация дисциплины «антропология» на изучение народов, отнесенных к «аборигенным», не противоречит существованию социологии, направленной на описание «цивилизованного общества». Данный пример наглядно показывает искусственность разделения некоторых дисциплин.

Дисциплинарность действует как система, в которой сообщество исследователей транслирует университетам нормы и правила получения знаний, в свою очередь университеты нанимают профессуру, сформировавшуюся в рамках дисциплин и транслирующую эти нормы, методы, знания студентам и младшим коллегам. С позиции функций университета (образование и генерация нового знания) дисциплинарный подход, по мнению Р. Поста, вполне успешно обеспечивает начальный уровень высшего образования (undergraduate education) [4]. Однако даже на таком уровне для выхода за пределы общих компетенций университеты вынуждены создавать специальные структуры, отличающиеся от департаментов/кафедр, образованных по дисциплинарному критерию.

Подлинная проблема возникает, когда от университетов требуется продуцировать новое знание. В принципе, дисциплинарный подход создан для генерации знания, но сейчас перед наукой часто ставится задача решения конкретной проблемы, а не накопления знаний в той или иной области. И когда дисциплинарные департаменты не могут достигнуть поставленной цели, между руководством и научными коллективами возникает недовольство и трения. В этой ситуации университеты видят выход в междисциплинарном подходе. Однако вспышка интереса к междисциплинарности, наблюдавшаяся в 1970-х гг. показала, что дисциплины гораздо устойчивее к изменениям, чем предполагалось, и главным вопросом является вовсе не вопрос

о том, что лучше – дисциплинарность или междисциплинарность, но вопрос, как создать такую форму организации исследований, которая приведет к решению поставленных проблем.

Анализ основных проблем современного образования в ряде стран (например, Швеции)¹ выявил недостаточный уровень междисциплинарности в образовании и исследованиях [2]. Для дальнейшего развития, нам важно понять, что представляет собой междисциплинарность. Л. Латтука описывает четыре вида междисциплинарности:

1. **Информированная дисциплинарность** (мультидисциплинарность). Привлечение информации, консультаций от носителей знания нескольких дисциплин для решения проблемы. При этом задачи и выводы исследования формулируются с точки зрения какой-то одной, корневой дисциплины;
2. **Синтетическая междисциплинарность** (Она же – «проблемно-ориентированная междисциплинарность» у Д. Веллбери). Интенсивное взаимодействие между дисциплинами приводит к интеграции данных, методов, инструментов, концепций и теорий, а иногда и созданию новых методов, концепций или теорий;
3. **Трансдисциплинарность**. Интеграция научных знаний из различных дисциплин и неакадемических отраслей знаний, исследовательский диалог академических и неакадемических заинтересованных сторон (стейкхолдеров), генерация новых «сверхдисциплин»;
4. **Концептуальная междисциплинарность**. Исследование вопросов, не имеющих четкой дисциплинарной принадлежности [3].

Фактически, в первом случае мы видим исследования в рамках одной традиции, одной парадигмы, но с привлечением инструментов различных дисциплин, например, физик консультирует биолога, но результаты исследования все равно ложатся в область биологии и создаются с позиции научного мировоззрения биолога.

¹ В ходе анализа, проведенного в 2008 г., были выделены следующие шесть основных проблем в сфере образования: недостаточное качество, недостаточная коммерциализация, фрагментированность, зависимые и малообъективные исследования, недостаточная инвестиционная емкость, недостаточная междисциплинарность [2, p. 19].

Второй случай можно продемонстрировать на примере Темпл Грандин, инженера, зоопсихолога, живущей с синдромом раннего детского аутизма (РДА). Для создания системы забоя скота она обобщила свои наблюдения за животными и понимание источников тревоги для животных при направлении потоков скота на бойню. Сконструированный на основе данных принципов загон позволил снизить травматизм и стресс у животных и значительно повысить его пропускную способность. Исходя из собственного опыта жизни с аутизмом, Темпл Грандин сконструировала устройство «Hug box», успокаивающее детей с синдромом РДА. Так понимание психологии поведения животных и людей вкуче с инженерным образованием и личным опытом позволило ей реализовать междисциплинарный подход для решения конкретных проблем.

Трансдисциплинарность объединит физика, программиста, бизнесмена и дизайнера в общем проекте в рамках экономики природопользования, направленном на повышение качества жизни горожан, благодаря внедрению дорожного полотна из солнечных панелей, что приведет к росту инвестиционной привлекательности региона. Это – создание так называемых «супердисциплин» как энвироника, общая теория систем, социобиология и др.

Концептуальную междисциплинарность можно представить на примере исследования повседневной жизни советской женщины в 1940-е гг. Такое исследование не принадлежит к чистой истории или социологии как дисциплине, ведь мы будем интервьюировать живых свидетелей, а не обращаться только к историческим документам или проводить опросы. Мы будем анализировать предметы материальной культуры, описывать эмоции. Так появилась с трудом воспринимаемая нашей традиционной наукой сфера «женской проблематики» (women's studies).

Для уточнения роли междисциплинарности в образовательном процессе приведем таблицу, представленную в работе Л. Латтука «Создавая междисциплинарность» (табл. 1).

Таким образом, охарактеризовав междисциплинарность, мы возвращаемся к вопросу: как создать такую форму кросс-/транс-/междисциплинарности, которая позволит решать стоящие перед нами задачи. И задаем еще один вопрос: как отмерить достаточно междисциплинарности, чтобы исследовательский проект вышел за рамки монодисциплинарного подхода?

Типы междисциплинарности

Тип междисциплинарности	Сфера образования	Сфера исследований
Информированная дисциплинарность	Дисциплинарные курсы с включением информации из других дисциплин	Исследования в рамках дисциплины с привлечением консультаций от специалистов других областей
Синтетическая междисциплинарность	Курсы, объединяющие дисциплины	Вопросы, объединяющие дисциплины
Трансдисциплинарность	Курсы, интегрирующие дисциплины	Вопросы, интегрирующие дисциплины
Концептуальная междисциплинарность	Курсы, не принадлежащие к конкретной дисциплине	Вопросы, не принадлежащие к конкретной дисциплине

В тексте Л. Латтука приведен достаточно простой рецепт, описанный через личный опыт ряда исследователей [3, с. 119-167]. Итак, существует 5 способов/этапов погружения в междисциплинарность:

1. Чтение текстов, принадлежащих другой дисциплине: понимание методов, понятий, теорий интегрируемой дисциплины невозможно без знания понятийного аппарата и взглядов авторов её ключевых текстов.
2. Коммуникация через научную дискуссию, которая позволит убедиться в том, что вы правильно поняли прочитанное, и проследить первичную реакцию на ваши взгляды со стороны коллег.
3. Определение важности вклада других специальностей и снятие запрета на авторитет для представителей другой дисциплины. Это необходимо для ухода от защитных мнений типа «Я недостаточно компетентен, чтобы высказываться по этому вопросу». Такая постановка коммуникации сразу ставит крест на междисциплинарности. Для понимания нужно высказывать свое мнение и уходить от ложной скромности или защитной вежливости. Неуверенность в оперировании знаниями «чужой» дисциплины снижает

эффективность междисциплинарной работы.

4. Поиск партнеров для междисциплинарной коллаборации. По опыту, мы чаще находим партнеров для коллаборации случайно, а не в результате планомерных поисков.
5. Преподавание междисциплинарных курсов. Это обязательное условие для интеграции полученных междисциплинарных знаний в технологию обучения. Через преподавание раскрывается понимание предмета и объекта собственных исследований. Даже если у самого преподавателя выход на междисциплинарный уровень получается не особенно эффективно, такой выход вполне вероятен у студентов, изучающих данный курс.
6. Проведение самостоятельных междисциплинарных исследований в коллаборации с найденными партнерами.
7. Обмен опытом междисциплинарности. Исследователь, прошедший через междисциплинарное исследование, студент, прослушавший междисциплинарный курс, обладают более широким горизонтом раскрытия собственной дисциплины.

Провоцируя междисциплинарность, мы должны помнить о сопротивлении взаимодействию со стороны дисциплин. Разумеется,

сопротивление любой дисциплины междисциплинарному «размытию», утрате «ориентиров» является обычной защитной реакцией её апологетов. Стремление к понятной «иерархии дисциплин» как способу структурирования научной дисциплинарности, по Д. Веллбери, выглядит анахронизмом в мире междисциплинарных контактов. Такая иерархия возможна и уместна лишь в замкнутой, стагнирующей среде. В мире, где дисциплина привязана не к людям, не к знаниям и теориям, даже не к методам, абсурдно пытаться выделить «главную науку» и систему «соподчиненных дисциплин». Дисциплина сегодня – это структура событий, сама себя поддерживающая и организующая. Современная наука возвращает институты: конференции, издания, центры, генерирующие контакты и обмена [5, с. 988].

Мне самому под влиянием окружающих меня дисциплин пришлось «мутировать» за пять лет из носителя знаний инженерной и трудовой психологии в гибрид преподавателя спортивно-рекреационной и специальной психологии. Могу предположить, что при тщательном рассмотрении многие сотрудники Дальневосточного федерального университета обнаружат, что они далеко не так монодисциплинарны, как думали прежде. Это, с одной стороны, дает надежду на быстрый переход части сотрудников к применению междисциплинарного подхода, а с другой – возвращает нас к одному из заданных ранее вопросов: сколько междисциплинарности достаточно для достижения положительного результата?

Если мы говорим о решении научной проблемы как о достижении результата, а не о формировании школьного отчета по науке или создании учебно-методического комплекса дисциплины, мы заинтересованы в достижении предельных индикаторов – практического ре-

шения проблемы. Такой результат имеет четко обозначенный побочный эффект в виде статей, цитирования, грантов, степеней, финансирования. Но самое главное – он измерим и фиксируется в виде технологий, патентов, изменений. При этом решение проблемы ставит точку в одной коллаборации и начинает иную, связанную с решением новой проблемы. Для такого процесса момент достижения «достаточной междисциплинарности» совпадает с моментом решения проблемы. Если проблема была решена без перехода к междисциплинарности, на уровне информированной дисциплинарности, значит, и такого уровня хватило. Если мы отказались от решения оригинальной проблемы и перешли к решению другой, нарушился баланс равенства вклада дисциплин и от оригинальной проблемы мы уходим в решение актуальной для одной из интегрируемых дисциплин проблемы. Мы постоянно балансируем между «мало» (проблема не решена) и «много» (вместо решения оригинальной проблемы мы начали решать другую). Это – нормальное состояние «проблемно ориентированной междисциплинарности» [5]. Таким образом, баланс междисциплинарности и дисциплинарности устанавливается естественным путем в процессе междисциплинарных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Becher, T., 1987. Disciplinary discourse. *Studies in Higher Education*, Vol. 12, no. 3, pp. 261-274.
2. Governmental Bill 2008/09:50. A boost for research and innovation. Stockholm.
3. Lattuca, L., 2001. *Creating interdisciplinarity*. Nashville: Vanderbilt University Press.
4. Post, R., 2009. Debating disciplinarity. *Critical inquiry*, Vol. 35, no. 4, pp. 749-770.
5. Wellbery, D., 2009. Discipline and complexity. *Critical inquiry*, Vol. 35, no. 4, pp. 982-994.

УДК 1(091)

А.А. Кротов*

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ В ТВОРЧЕСТВЕ А. БЕРГСОНА: ДВЕ КОНЦЕПЦИИ ИЛИ ОДНА?

В статье анализируются представления Бергсона о содержании историко-философского процесса. Ключевые в этом отношении тексты («Творческая эволюция» и «Философская интуиция») дают основание поставить проблему разрыва, смены позиций в его философском творчестве. Автор приходит к выводу о том, что следует выделить две тенденции внутри бергсонизма. По-видимому, сам Бергсон стремился найти подходящее их сочетание, брался за эту задачу снова и снова, но так и не нашел обобщающей формулы. Богатство историко-философского процесса не вмещалось в изящную, элегантную, вдохновенно поданную, но все-таки несколько упрощенную в сравнении с реальностью интуитивистскую модель. Конечно, за этой моделью стояла вполне определенная онтологическая картина, но именно она и оказалась поставлена под вопрос дальнейшим ходом событий.

Ключевые слова: А. Бергсон, интуитивизм, философия истории философии, французская философия

History of philosophy in H. Bergson's works: two concepts or one? ARTEM A. KROTOV (Lomonosov Moscow State University).

The article analyzes Henri Bergson's views on the contents of history of philosophy. In this respect the author focuses on two key works "L'évolution créatrice" and "L'intuition philosophique" that give grounds to raise the problem of discontinuity and change of positions in Bergson's philosophical works. The author concludes that one should distinguish two trends within bergsonism. Apparently, Bergson sought to find a suitable combination of them, addressing this task again and again, but failing to find the general formula. The richness of the history of philosophy did not fit into intuitionistic model – elegant and sophisticated, but still somewhat simplified in comparison with reality. This model was the consequence of certain ontology, but the latter was questioned by further course of events.

Keywords: H. Bergson, intuitionism, philosophy of history of philosophy, French philosophy

Интуитивизм А. Бергсона, подобно очень многим признанным классическими учениям, отнюдь не выглядит сегодня исчерпавшим все свои ресурсы, не имеющим значимости для современности. Его точки приложения многооб-

разны: это и эстетика, и моральная философия, и антропология, и сфера политической мысли. Но особое значение имеет бергсоновская трактовка историко-философского процесса, которая привлекала значительно меньшее вни-

* КРОТОВ Артем Александрович, доктор философских наук, заведующий кафедрой истории и теории мировой культуры философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: krotov@philos.msu.ru

© Кротов А.А., 2016

мание исследователей, чем его учение об эволюции или же теория познания. Впрочем, наличие единой, последовательно развиваемой в творчестве французского мыслителя концепции историко-философского плана еще следовало бы доказать. В его произведениях несомненно присутствие суждений, оригинальных, во многом глубоких, но нередко и спорных, касающихся наследия выдающихся философов прошлого. Складывается ли из них общая непротиворечивая картина, способная пролить свет на перспективы философии? Какую роль в целом играют в его системе представления историко-философского характера? До какой степени они обоснованы, насколько их возможно развить применительно к современной ситуации? Попытаемся дать ответы на все приведенные вопросы. Очевидно, что в свете интересующей нас проблематики следует в первую очередь выделить два текста, имеющие важнейшее значение для бергсонизма: «Творческую эволюцию» (1907) и «Философскую интуицию» (1911).

В четвертой, заключительной главе своего главного сочинения Бергсон намечает контуры общей истории философии. Пусть он делает это пунктирно, схематично, подчиняя изложение собственным целям, но определенная его позиция вырисовывается достаточно ясно. Важнейшее значение для ее понимания имеет развиваемое французским мыслителем противопоставление интеллекта и интуиции, их направленности и результатов их познавательной деятельности. Бергсон заявлял, что метафизика древних греков родилась из естественного доверия человека к интеллектуальному познанию. Имеющий практическую, по существу приспособительную функцию, интеллект стремится прежде всего уловить отношения между вещами. Его задача в том, чтобы наметить контуры человеческих действий на предметы, обеспечить выполнение некоторой приносящей пользу работы. Поэтому интеллект берет лишь один аспект реальности, связанный с практикой, и упускает из вида другой – внутреннее основание вещей, реальную длительность. Изменчивость бытия интеллект способен воспринимать только через неподвижность, фрагментарность, рядоположенность элементов. Такова его «естественная склонность», и она в полной мере проявилась в построениях древних философов. В качестве объяснения изменчивой действительности выдвигались вечные, неподвижные сущности. «Главные линии доктрины, развивавшейся от Платона к Плотину, проходя через

Аристотеля (и даже, в известной мере, через стоиков), не имеют ничего случайного, ничего неожиданного, ничего, что можно было бы принять за фантазию философа. Они обрисовывают то видение, которое получает от универсального становления методичный интеллект, когда он смотрит на это становление через мгновенные снимки, схватываемые время от времени с истечения становления. Это значит, что еще и ныне мы можем философствовать, как греки, приходить – не имея надобности знать это – к тем или иным из их общих заключений как раз в той мере, в какой мы доверяем кинематографическому инстинкту мышления» [1, с. 302]. Итак, закономерный ход развития античной мысли французский философ объяснял причинами гносеологического порядка, которые, на его взгляд, определяют также и духовную близость древнего наследия современным построениям. Идеи Платона, как и формы Аристотеля, были всего лишь заместителями реальной изменчивости, понятиями, приспособленными к привычкам интеллекта. Отсюда, как полагал французский мыслитель, с неизбежностью вытекали скроенные по известной мерке, заключенные в четких границах физика, космология, теология. Предлагая мысленно исключить из античной философии те элементы, которые проникли в нее благодаря влиянию поэзии, религии, физики и биологии, социальной жизни, Бергсон заключает, что останется «прочный остов» всего величественного сооружения, представляющий собой типичные тенденции человеческого интеллекта. Уже античная философия в полной мере была «естественной метафизикой» нашего разума.

Наука и философия Нового времени, по мнению французского мыслителя, хотя и принимали усилия двинуться в ином направлении, но в конечном итоге подпали под влияние «непреодолимого влечения» интеллекта с его склонностью к кинематографическому мышлению. Выводы греческой метафизики были воспроизведены в иных условиях, на ином материале.

Метафизика раннего Нового времени, с точки зрения Бергсона, поначалу «колебалась» между двумя возможностями. Неустойчивость, открытость для метафизики обоих путей, на его взгляд, особенно ярко прослеживается в философии Декарта. С одной стороны, родоначальник новоевропейского рационализма развивал механистические идеи, представляя мир исчислимым в функции времени-протяженности.

Но вместе с тем Декарт учил о свободе воли, связывая ее с непрерывным творчеством Бога. В результате в его философии переплетается «детерминизм» в сфере физики с «индетерминизмом» в области человеческих поступков. В итоге происходит своеобразное наложение, пересечение двух точек зрения на реальность: «он шел, таким образом, поочередно то по одному, то по другому пути, решив ни по одному из них не идти до конца» [1, с. 328]. Но после Декарта магистральным был избран первый, привычный для метафизики путь. Европейские философы Нового времени попали в орбиту влияния гениальных древних греков. Спиноза и Лейбниц, стремившиеся выстроить метафизику по образцу науки, ориентировались на идеал сверхчувственной истины, свойственный античной мысли.

Если Спиноза и Лейбниц единство знания мыслили в Боге, то Кант располагает его на уровне безличного человеческого разума. В обоих случаях речь о некоем интеллекте, «кантианское решение» в том, чтобы не выходить за пределы человека. XIX столетие, согласно Бергсону, стремилось ориентироваться на философию, опирающуюся на факты, чуждую произвольности. Значительные успехи в области биологии, психологии способствовали популярности эволюционизма, который намеревался предъявить новаторский синтез, всеохватывающую космогоническую систему. Но эволюционизм Спенсера, по мнению Бергсона, все так же неспособен объяснить подлинное становление, как и догматизм предшествующих эпох. «Обычный прием метода Спенсера состоит в том, чтобы воссоздавать эволюцию из фрагментов того, что уже эволюционировало» [1, с. 343]. Характеризуя систему британского автора как ложный эволюционизм, Бергсон противопоставлял ему философию, основанную на интуиции. Именно она, дополняя привычное направление работы мысли, должна обратиться от неподвижных символов к другой стороне действительности, к вечному становлению.

Таким образом, в «Творческой эволюции» мы встречаем концепцию истории философии, основной пафос которой состоит в обосновании интуитивизма. Все прежнее развитие философии предстает как подчиненное кинематографическому подходу. Открывавшиеся в Новое время возможности прорыва к реальному становлению, по существу, оказались лишь намечены и не были использованы. Если вплоть до начала XX в. философия развивалась в русле

научного познания, то ее будущее Бергсон видит в перемещении внимания на ранее не исследованный в его подлинной глубине уровень длительности. Иначе говоря, очевидны две различные фазы в истории философии, четко разграничивающие ее прошлое от будущего.

В «Философской интуиции», докладе, прочитанном французским мыслителем 10 апреля 1911 г. на философском конгрессе в Болонье, акценты существенно смещены. По существу, именно этот доклад многими современниками и последующими интерпретаторами зачастую воспринимался как своего рода манифест бергсонизма, исчерпывающе выразивший его позицию в вопросе о природе и исторической судьбе философии. Апеллируя к своему опыту преподавания истории философии, Бергсон говорил о двух способах восприятия учений прошлого. Один из них внешний, когда великая система воспринимается в связи с теми явлениями, которые ей сопутствуют, ее окружают. С подобной точки зрения система подобна величественному архитектурному сооружению, конструкция которого позволяет обнаружить четко распределенные по своим местам различные идеи и проблемы. Задача исследователя видится в таком случае в искусном описании частей, постижении их порядка и структуры. Историк философии тщательно выделяет элементы иных систем, вероятные заимствования, отражение споров эпохи и обсуждавшихся современниками автора проблем. Он получает завершённую картину, в которой изучаемая система видится талантливым синтезом различных идей, встречавшихся философу на жизненном пути. Другой способ восприятия философской системы заключается в попытке проникнуть в нее как бы изнутри, схватывая сам образ мышления ее автора. В этом случае картина вырисовывается совершенно иная: «вначале уменьшается сложность. Затем одни части входят в другие. Наконец, все стягивается в одну точку, к которой мы можем все больше приближаться, хотя попытки достичь ее были бы тщетны. В данной точке находится нечто простое, бесконечно простое, столь невероятно простое, что философу так и не удалось это высказать. Поэтому-то он и брал слово всю свою жизнь» [2, с. 165]. Таким образом, отправным пунктом любого философского учения, выступает определенная интуиция, в полной мере невыразимая в понятиях. Отсюда – все новые и новые изложения системы, пояснения прежде сказанного, развитие заявленных ранее тем, повороты в истолковании ведущих проблем.

Простота исходной интуиции, по Бергсону, составляет самую суть любой философии, в то время как изошренная конструкция, сложная форма – лишь средство для крайне неточной ее передачи. Ядро философского учения не может быть сведено к синтезу заимствованных идей, обработке ранее сформулированных концепций. Оно включает в себе нечто «спонтанное, самопроизвольное», не поддающееся разложению на элементы, взятые из далекого или недавнего прошлого. Делать акцент на заимствованных включениях – значит «вращаться вокруг» философского учения, не проникая в его глубину. Хотя работа по выявлению связи той или иной системы с контекстом эпохи, предшествующими учениями, несомненно, важна, но должна носить сугубо предварительный характер. Она может способствовать осознанию важности обращения внутрь самой системы, необходимости «контакта» с мыслью великого философа, проникновения в нее изнутри.

Французский мыслитель полагал, что ускользающую от интеллекта интуицию, невыразимую в абстрактной, рассудочной форме, можно все-таки попробовать уловить через определенный образ, «туманный и размытый», всегда сопровождающий интуицию как своего рода посредник между нею и ее понятийным истолкованием. Подобный образ «неотступно сопровождает» сознание любого выдающегося мыслителя, может быть обнаружен скрывающимся за каркасом рациональных схем, утонченных рассуждений, многочисленных деталей. Сам философ не дает явного описания этого образа в своих работах, не выделяет его особо, попросту не обращает на него внимания, не замечает, будучи поглощен строительством системы. Образ отличен от интуиции, но все-таки значительно ближе к ней, чем понятия, на которые опирается интеллект. С помощью образа возможно максимально близко подойти к пониманию мышления философа изнутри, добиться едва ли не совпадения с ним. Бергсон говорил о свойственной подобному образу способности отрицания. Отсюда он заключает, что интуиция предполагает некоторый запрет, отказ от движения в определенном направлении, которое воспринимается как ошибочное, непригодное, заводящее в тупик. Философ ощущает, что признаваемое за истину противоречит его внутреннему опыту, а потому должно быть отброшено. Именно эта сила отрицания будет вдохновлять его в дальнейшем на построение системы. Еще не продумав аргументацию в пользу своей точ-

ки зрения, мыслитель смутно чувствует направление своих поисков, равно как и чуждость для себя тех путей, которым следуют многие его современники. Выдвигая новаторские установки, любой великий философ вынужден выражать их в форме, определяемой привычной культурной средой, он не имеет другого способа сообщить свое открытие, кроме передачи его через материал уже известный, использовавшийся ранее при постановке теоретических проблем. Но связанный с интуицией образ позволяет освободить философское учение от обстоятельств места и времени, взглянуть на него совершенно иначе, уловив направление изначального порыва, вдохновлявшего автора. Бергсон называет ошибкой попытку увидеть за системой только определявшие ее влияния. Средства выражения, используемые философом, по его мнению, вовсе не часть самого учения. «Так и мысль, приносящая в мир нечто новое, вынуждена проявляться через посредство уже готовых идей, встреченных и вовлеченных ею в свое движение: потому и кажется, что она связана с эпохой, в которую жил философ. Но часто это всего лишь видимость. Философ мог явиться многими веками раньше; он имел бы дело с иной философией и иной наукой; он поставил бы другие проблемы; он иначе формулировал бы свои мысли; возможно, ни одна глава из книг, которые он написал, не была бы той же; и все-таки он сказал бы то же самое» [2, с. 168].

Бергсон призывает с осторожностью относиться к попыткам рассмотрения систем как закономерных этапов, «моментов» эволюции, логически следующих один из другого. Приверженность подобным схемам придает необоснованное значение преемственности, в которой часто хотели бы видеть самое важное в области философии. Такого рода подход переносит все внимание на внешние элементы учений, уводит в сторону от их внутренней простоты. Используя готовые идеи, имевшие хождение в его эпоху, великий философ, по Бергсону, хотя иной раз и «повторяет известное», но мыслит его по-иному, внося своеобразие и новизну.

Свой метод постижения философских учений французский мыслитель иллюстрирует на примере систем Спинозы и Беркли. Он констатирует резкий контраст между формой и содержанием главного произведения Спинозы. За громоздкой интеллектуальной конструкцией, выстроенной по математическому образцу, он призывает рассмотреть почти неуловимую интуицию. Именно уже упоминавшийся посред-

ствующий образ, непреходящий в каждой великой системе, помогает найти решение в данном случае, приблизиться, насколько возможно, к самой исходной интуиции. Его природа такова: «очень приближенно можно назвать это чувством совпадения между актом, посредством которого наш ум в совершенстве познает истину, и операцией, с помощью которой Бог ее порождает» [2, с. 168]. Взгляды Беркли Бергсон анализирует более обстоятельно. Он выделяет четыре главных положения системы британского автора: сведение материи к совокупности идей и абстрактных общих идей к словам, утверждение существования душ, а также бытия Бога. Идеализм, номинализм, спиритуализм и теизм – таковы, с точки зрения французского мыслителя, ключевые характеристики берклианства. Все четыре аспекта системы взаимосвязаны, поддерживают и предполагают друг друга. «Четыре положения Беркли появились, потому что это движение встретило на своем пути идеи и проблемы, которые были поставлены современниками Беркли. В другое время Беркли, вероятно, сформулировал бы иные положения; но поскольку само движение было бы тем же, они располагались бы таким же образом по отношению друг к другу, были бы так же тесно связаны между собой, подобно новым словам новой фразы, между которыми проскальзывает прежний смысл; и это была бы та же самая философия» [2, с. 174]. Посредствующий, приближающий к исходной интуиции образ, свойственный берклианству, по мысли французского философа, представляет материю в качестве «тонкой прозрачной пленки» между Богом и человеком.

В сущности, действенность философской интуиции Бергсон связывает с тем обстоятельством, что человек способен обнаружить в себе те же силы, которые пронизывают мироздание. Человек – часть всеобъемлющей реальности, поэтому в нем самом присутствует, раскрывается то начало, которое служит основанием всего. Это – вечная изменчивость, истинная длительность, непрерывность. «Подобное видение вещей, где реальность предстает непрерывной и нераздельной, и ведет к философской интуиции» [2, с. 179].

Очевидно, что в период написания «Творческой эволюции» французский мыслитель важнейшую особенность истории предшествующей философии усматривал в воспроизводстве на разном материале естественной установки интеллекта. В докладе 1911 г. сущность любого

великого философского учения уже связывается с начальной интуицией. По-видимому, читатель бергсоновских текстов сталкивается с перемещением центра тяжести ретроспективного взгляда на философию. Может быть, речь и все идет о замене одной концепции другой? Подобный вывод, не колеблясь, делает Марсиаль Геру. Он рассматривал очерк истории систем, представленный в «Творческой эволюции», как подчиненный исключительно задачам обоснования собственно бергсоновской позиции. Отсюда, по Геру, противопоставление интуитивистского понимания действительности всей истории философии, как истины заблуждению. «Прошлое философии, отброшенное в небытие, радикально отделено от бергсоновской философии, которая, как предел эволюции, отмечает наступление новой эры: истинной философии» [6, р. 854-855]. Изменение позиции Бергсона, с точки зрения интерпретатора, происходит вследствие необходимости вести лекционные курсы, посвященные конкретным учениям прошлого; гораздо более тесный, чем прежде, «контакт», непосредственное столкновение с великими системами приводит к стремлению осознать их «сами по себе», не сводя к роли подчиненного, служебного средства. Личный опыт педагогической работы в Коллеж де Франс, настаивает Геру, побудил Бергсона перейти ко второй его концепции. Заметим, что обе версии бергсоновского истолкования историко-философского процесса Геру подвергает сокрушительной критике. Он называет «бессознательной аполлетикой» установку Бергсона на противопоставление ложных учений прошлого истине интуитивизма. История философии в этом случае подается достаточно упрощенно, замыкается в формулах, описывающих иллюзии человеческого интеллекта. Многообразие систем сводится к одному типу, за которым закрепляется «естественная склонность» нашего ума. Для понимания систем не требуется следовать их собственной логике, достаточно приложить к их оценке критерии интуитивизма. Собственная философия Бергсона заменяет ментальные структуры анализируемых учений. Кроме того, усматривая единство направленности науки и метафизики прошлого, Бергсон, с точки зрения Геру, превращает историю философии в «эпифеномен» развития научной мысли. Вторая концепция, по мнению критика идей Бергсона, имеет иные недостатки. Хотя, по видимости, она объявляет значимыми, неопровержимыми все системы, исходящие из некоторой интуи-

ции бытия, в то же время она обесценивает все их содержание, призывая не принимать во внимание их структуру, рациональное выражение. Исходная интуиция, которую предлагают отыскать, – нечто туманное и смутное, неопределенное, разрушающее подлинный, «глубокий смысл» философии. Кроме того, деятельность философа предстает как развертывание исходной, изначально присутствующей интуиции, что противоречит идее философии как поиска истины, требующей напряженного решения проблем. Геру упрекает Бергсона в том, что он ошибочно истолковал философскую деятельность по образцу творчества художника, либо мистика.

В свою очередь, Анри Гуйе замечал, что «Бергсон прочитал историю философии в свете бергсонизма. Более точно, он написал историю философии, вопрошая у бергсонизма само определение философии: последняя глава *Творческой эволюции* – драматическое повествование о непрерывном конфликте между требованиями бытия, длительности и интеллекта, который мыслит бытие неподвижным» [5, р. 386]. По мнению Гуйе, главное произведение Бергсона позволяет осознать, каким образом конкретная философия может восприниматься в качестве своего рода возможности, «ретроспективно предшествующей» историческому ходу событий. Вместе с тем «если каждая философия рождается из переживания, которое означает радикально непредвиденное открытие, это значит сказать, что она имеет свой источник в личности, а не в другой философии или в философии, которая была бы бессознательной душой философий» [5, р. 387]. Последовательно проведенная позиция Бергсона, ее закономерный итог, с точки зрения Гуйе, состоит в том, чтобы отказаться от всякой философии истории философии. Это означает, что бесполезно пытаться обнаружить изначально заданный смысл истории философии, ее «логический императив», «диалектический ритм», принцип, будто бы определяющий неизбежный прогресс.

Ирина Блауберг в своей обстоятельной монографии подчеркивает преимущество в выражении Бергсоном собственного понимания истории философии: «В «Философской интуиции» (1911) был предложен оригинальный подход к исследованию теории идей; в докладе ярко выразились представления Бергсона о сути философии и философского творчества, об особенностях историко-философского процесса, об отношении философии и науки. Здесь раз-

вивается высказанная им в «Творческой эволюции» идея об исходной интуиции, которая коренится в глубине любой философской системы и постепенно разворачивается в целостную конструкцию» [3, с. 440]. Вместе с тем, признавая наличие теоретической проблемы, связанной с необходимостью согласования предложенных Бергсоном характеристик истории философии, она резюмирует свою позицию следующим образом: «на наш взгляд, критика Геру справедлива, но отчасти – в той мере, в какой Бергсон считал свою концепцию более истинной и плодотворной, чем другие; для философа, впрочем, это естественно. Что же касается «частичных истин», содержащихся в иных учениях, то он всегда признавал определенную правоту и за Платином, и за Платоном, и за Декартом, Лейбницем, Кантом и многими другими мыслителями» [3, с. 445].

Конечно, вопрос о соотношении двух версий историко-философского процесса, выдвинутых Бергсоном в 1907 г. и 1911 г., может быть рассмотрен сквозь призму его истолкования философии. Фредерик Вормс акцентирует внимание на том обстоятельстве, что расширение критики кинематографического механизма обиходного познания на историю философии обобщает потребность в интуитивизме как истинном эволюционизме, заявленную бергсоновским исследованием жизни [8, р. 257]. Жан-Луи Вьейар-Барон отмечал своего рода двойственность бергсоновского понимания философии. «Что кажется ясно заметным у Бергсона, так это сосуществование артистической и духовной концепции философии. Я называю артистической концепцией заботу о хорошо сделанном произведении; рассматривать каждую книгу как совершенное целое, безупречное и неподвижное, окончательное... С другой стороны, духовная концепция философии состоит в убеждении, что движение или творческий порыв более важен, чем созданные произведения» [7, р. 281-282]. Соответственно, по мысли исследователя, в рамках бергсоновской системы соседствуют представления о непрерывности длительности, самой реальности, и прерывности конкретного интуитивного акта, результаты которого закрепляются в виде отдельных произведений. Творчество Бергсона прочитывается в таком контексте как «органическое единство», в котором каждое последующее произведение не выводимо из предшествующего.

Разумеется, сам Бергсон не видел в своем творчестве радикального разрыва, непреодоли-

мых противоречий в трактовке истории философии, смены отличных по содержанию этапов. В письме Жозефу Тонкедеку (1912) он подчеркивал единство собственного учения: «итак, соображения, изложенные в моем *Опыте о непосредственных данных*, приводят к прояснению факта свободы; концепция *Материи и памяти* позволяет, надеюсь, коснуться реальности духа; в *Творческой эволюции* творение представлено как факт. Из всего этого отчетливо выявляется идея творческого и свободного Бога, который порождает одновременно материю и жизнь и чье творящее усилие продолжается в направлении жизни, через эволюцию видов и создание человеческих личностей. Все это влечет за собой, таким образом, отвержение монизма и пантеизма в целом» [2, с. 318]. В принципе, можно было бы попытаться представить бергсоновские тексты 1907 г. и 1911 г. как заключающие различные аспекты единой концепции. Для этого основной позицией автора следует признать точку зрения, изложенную на философском конгрессе, а в «Творческой эволюции» обнаружить ее предвосхищение. На первый взгляд, главное произведение Бергсона не исключает подобной интерпретации, напротив, подтверждает ее: «доктрины Лейбница и Спинозы. Мы не отвергаем заключающихся в них сокровищ оригинальности. Каждый из этих мыслителей внес сюда свою душу, богатую творческими силами и приобретениями современного гения. У того и у другого – у Спинозы в особенности – замечается напор интуиции, который ломает систему» [1, с. 329]. Интуиция – то, что «дает жизнь и одухотворяет» системы, но «остов» всегда иной – сложная логическая конструкция. Быть может, в более раннем тексте Бергсона акцент попросту сделан на внешнем, рациональном выражении философии, а в более позднем – на внутреннем, самом глубоком ее содержании? Такая интерпретация заманчива, но все же недостаточно убедительна. Несомненно, что Бергсон стремился интегрировать свои соображения в единую систему отсчета, выраженную интуитивным методом. На всем протяжении его творчества можно обнаружить сквозные линии рассуждений, соединяющие с вида разобщенные темы и высказывания.

Уже в работе «Введение в метафизику» (1903) он заявляет программу реформирования философии на основе нового метода. В этом сочинении мы встречаем идеи, которые будут впоследствии развернуты как в «Творческой эволюции», так и в «Философской интуиции».

«Или философия невозможна и всякое познание вещей есть познание практическое, ориентированное к извлечению выгоды из них, или философствование состоит в перемещении в сам объект усилием интуиции» [4, р. 200]. Решительное разграничение интеллектуального и интуитивного познания, осуществляемое во «Введении», приводит Бергсона, конечно же, еще не к широкомасштабной оценке историко-философского процесса, но по меньшей мере к некоторым принципам его осмысления. В частности, он усматривает определяющее свойство античной философии в стремлении, подчиняясь естественной склонности ума, видеть в неизменном нечто более фундаментальное, чем в движении. Он убежден, что истина как раз на стороне противоположного тезиса, с которым связывает будущее философии. Он говорит о двух различных способах познания: относительном и абсолютном, о рассмотрении вещей извне и проникновении в самую их сердцевину. Интеллектуальный анализ стремится свести предмет к давно известным данным, потому упускает из вида его особенности, неповторимость его природы, стремится описать вещь через то, что ею не является. Такой способ познания Бергсон называет вращением вокруг вещей, умножением символов, неточным переводом в застывших понятиях. Интуиция же истолковывается как симпатия, непосредственный, простой акт, позволяющий слиться с сущностью вещи. Доказательством справедливости интуитивистской модели служит внутренний опыт. Каждый человек постигает собственную личность в длительности, в подлинной конкретности ее развития благодаря внутреннему познанию, особого рода симпатии.

Во «Введении» проскальзывает мотив, намекающий один из важных аспектов истолкования истории философии: разделение мыслителей на школы Бергсон связывает с недостаточностью понятий для постижения реальности. Интеллект, созидая понятия, неизбежно порождает множество систем, т.к. усложняет, варьирует внешние точки зрения на действительность. Отсюда – непрерывная борьба, столкновения философских направлений, ибо среди интеллектуальных символов, точек зрения, нет приоритетных, все одинаково далеки от проникновения в сущность предметного бытия. Тем самым вырисовывается перспектива дальнейшего развития философии: «метафизика, следовательно, есть наука, претендующая обходиться без символов» [4, р. 182]. Конфликты философских

систем должны отойти в прошлое, поскольку были основаны на неправомерном смещении свойственного интеллекту подхода к реальности с задачей метафизического проникновения в сущность вещей. Признавая необходимость для философии бесчисленных интуиций, французский мыслитель связывает их с проникновением внутрь самых разнообразных объектов, что, по его представлениям, требует новизны усилия. По существу, он говорит о том, что интуитивный метод означает развертывание бесконечного ряда актов, соответствующих самой градации бытия. Таким путем философия избавляется от споров, от разделения на противоборствующие школы, приобретает строгость и точность, общеобязательность: «подлинно интуитивная философия реализовала бы столь желаемое соединение метафизики с наукой» [4, р. 216]. Как и в речи на философском конгрессе, Бергсон отвергает представления о метафизике как о синтезе, обобщении некоторых познаний, заимствованных у частных наук. Наконец, во «Введении» встречается и мысль об интуитивном основании философских систем прошлого: «учения, имеющие в основе интуицию, ускользают от кантовской критики в той именно мере, в какой они интуитивны; и эти учения – все в метафизике, только бы брали не неподвижную и мертвую метафизику в тезисах, но живую у философов» [4, р. 224]. Бергсон даже настаивает, что глубина и простота интуиций сближают великих философов, которые, по его образу, «бросают лот» в единый океан, хотя и на разную глубину. Расхождения же среди философских школ проистекают из-за деятельности учеников, последователей выдающихся мыслителей, которые замыкаются в сфере понятий, не доходя до подлинных глубин, ограничиваются лишь теми материалами, которую «брошенный лот» интуиции вынес на поверхность.

Итак, уже в работе 1903 г. французский мыслитель намечает развернутые в дальнейшем пути истолкования историко-философского процесса. Содержит ли она ответ на вопрос о возможном единстве его позиции? Казалось бы, да, если принять за ответ разграничение деятельности гениальных новаторов и их учеников. У истоков системы лежит плодотворная интуиция, школа же выстраивается последовательным развитием анализа. Единый принцип найден? Нет, ответ не настолько очевиден. Прежде всего, потому, что в дальнейшем Бергсон не возвращается к подобной постановке проблемы.

Ведь принять ее означает принять предпосылку о том, что некоторые учения скрывают в себе интуицию, в то время как большинство – нет. Но, значит, подобное положение дел возможно и в дальнейшем, даже необходимо должно воспроизводиться, учитывая направленность способностей человека. Тогда метафизика, основанная исключительно на интуитивном методе, оказывается недостижимой мечтой. Если только избранные гении способны соприкоснуться с сущностью реальности, удел метафизики – по большей части оставаться пленницей рационалистических интерпретаций, искажений, толкований, выдвигаемых чрезмерно рьяными их последователями. Ожидаемый переход от символов к действительности так и не происходит, новый этап в развитии философии не находит достаточной опоры.

В выступлении «Восприятие изменчивости» (1911) Бергсон повторяет идею, четко заявленную в «Творческой эволюции»: предшествующая метафизика сводила движение к неподвижным элементам, актуальная задача философии – смена направления мысли, схватывание, постижение реальности как изменчивости [4, р. 156-157]. Значит, спустя месяц после доклада в Болонье, французский мыслитель продолжал рассматривать предшествующую его эпохе метафизику как следовавшую естественным установкам интеллекта и, в этом смысле, не собирался отбрасывать изложенную в «Творческой эволюции» схему.

О том, что Бергсон стремился сохранить главные установки своей интерпретации историко-философского процесса, изложенной в «Творческой эволюции» и после 1911 г., свидетельствует введение к сборнику «Мысль и движущееся» (1934, введение завершено в январе 1922). Он продолжает настойчиво повторять: «основные усилия древних и новоевропейских философов были направлены на то, чтобы при помощи все более и более изощренной интеллектуальной работы преодолеть, обойти эти трудности, воздвигнутые присущим интеллекту представлением о движении и изменении. Поэтому метафизика и принялась искать реальность вещей поверх времени, за пределами того, что движется и изменяется, а значит, вне того, что воспринимают наши чувства и сознание. Отныне она могла быть лишь более или менее искусственным упорядочением понятий, гипотетической конструкцией. Она стремилась превзойти опыт, на деле же только заменила опыт подвижный и полный, способный постоянно

углубляться, а потому несущий в себе семена открытий, неподвижным, сухим и бессодержательным абстрактом» [2, с. 88]. Упоминает он и о привычном для человеческого ума кинематографическом механизме мышления. Как и прежде, выход из сложившейся ситуации он видит в разработке интуитивной метафизики. При этом Бергсон упрекает мыслителей, постигших ограниченность интеллекта, в неверном понимании интуиции, которой пытались придать вневременное значение, выводящее за пределы длительности. Разграничивая науку и метафизику, он утверждает, что объект первой из них – инертная материя, второй – «главным образом дух». Поэтому они дополняют друг друга, направлены на различные измерения реальности. Философия вовсе не обобщает научные данные. В перспективе «будет существовать только одна философия, как существует только одна наука» [2, с. 131]. Столкновение, противоборство систем приходит к своему завершению.

Резюмируя, следует отметить, что единую, последовательную в своем выражении концепцию истории философии, взаимосвязанную во всех ее деталях и ответвлениях, в работах Бергсона мы не находим. Попытка увидеть за понятийными схемами внешний покров, а за интуицией – внутреннюю суть философии, не позволяет прийти к единству; ибо выходит так, что одна и та же система прошлого может и должна скрывать в себе две картины мира – статичную и динамическую. Если же подлинную сущность философии связывать только с интуицией, остается неясным, каким образом подобный тезис совместим с утверждениями о господстве кинематографического метода в мышлении метафизиков предшествующих эпох. Если подвижность передается через рядоположенность элементов, то она никак не может быть в тот же момент, в том же тексте представлена в образах непрерывного протекания, чистой длительности.

Но и четко развести две концепции историко-философского процесса внутри бергсонизма оказывается непросто. Очевидно, что мотивы, связанные с естественной метафизикой человеческого интеллекта, как и с проникновением внутрь вечного становления, оказываются сквозными в творчестве Бергсона, они сосуществуют, отнюдь не вытесняя друг друга. Пожалуй, правильнее вести речь о двух тенденциях, каждая из которых более ярко проявляется в тот или иной момент его жизненного пути. По-видимому, сам Бергсон стремился найти подходя-

щее их сочетание, брался за эту задачу снова и снова, полностью в духе высказанной им на философском конгрессе установки, но так и не нашел обобщающей формулы. Очевидно, сама неудача подобного замысла не случайна, имеет отнюдь не субъективные, а теоретические корни. Несомненно, что за истекшие сто лет философия так и не подчинилась интегрирующему интуитивному методу, не приблизилась к тому пониманию подлинной метафизики, которое разделял Бергсон. Главные линии ее развития оказались иными. Возможно, проблема в том, что интуитивный момент, если и играет важную роль в философских построениях, то все же далеко не всегда центральную, определяющую. Поэтому и интуитивистская модель оказалась не вполне приложима к истории философии, постоянно ускользавшей из ее границ, требовавшей все новых уточнений. Отсюда и невозможность найти обобщающую формулу для двух тенденций, нашедших воплощение в «Творческой эволюции» и «Философской интуиции». Богатство историко-философского процесса не вмещалось в изящную, элегантную, вдохновенно поданную, но все-таки несколько упрощенную в сравнении с реальностью модель. Конечно, за этой моделью стояла вполне определенная онтологическая картина, но именно она и оказалась дальнейшим ходом событий поставлена под вопрос.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергсон А. Творческая эволюция. М.: «Канон-пресс». 1998.
2. Бергсон А. Избранное: сознание и жизнь. М.: РОССПЭН. 2010.
3. Блауберг И.И. Анри Бергсон. М.: Прогресс-Традиция. 2003.
4. Bergson, H., 2009. La pensée et le mouvant. Paris: Presses Universitaires de France.
5. Gouhier, H., 1952. Le bergsonisme et l'histoire de la philosophie. In: L'homme et l'histoire. Actes du VIe Congrès des Sociétés de philosophie de langue française. Paris: Presses Universitaires de France, pp. 385-388.
6. Gueroult, M., 1988. Dianoématique. Livre I. Histoire de l'histoire de la philosophie. Vol. 3. En France, de Condorcet à nos jours. Paris: Aubier.
7. Vieillard-Baron, J.-L., 2002. Continuité et discontinuité de l'oeuvre de Bergson. Annales bergsoniennes. T. I. Bergson dans le siècle. Paris: Presses Universitaires de France, pp. 279-307.
8. Worms, F., 2004. Bergson ou les deux sens de la vie. Paris: Presses Universitaires de France.

REFERENCES

1. Bergson, H., 1998. *Tvorcheskaya evolutsiya* [Creative evolution]. Moskva: «Kanon-press». (in Russ.)
2. Bergson, H., 2010. *Izbrannoe: soznanie i zhizn* [Selected works: consciousness and life]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)
3. Blauberg, I.I., 2003. *Anri Bergson* [Henri Bergson]. Moskva: Progress-Traditsiya. (in Russ.)
4. Bergson, H., 2009. *La pensée et le mouvant* [The creative mind]. Paris: Presses Universitaires de France. (in French)
5. Gouhier, H., 1952. *Le bergsonisme et l'histoire de la philosophie* [Bergsonism and the history of philosophy]. In: *L'homme et l'histoire. Actes du VIe Congrès des Sociétés de philosophie de langue française*. Paris: Presses Universitaires de France, pp. 385-388. (in French)
6. Gueroult, M., 1988. *Dianoématique. Livre I. Histoire de l'histoire de la philosophie. Vol. 3. En France, de Condorcet à nos jours* [Dianoématique/Book 1. History of the history of philosophy. Vol. 3. France, Condorcet to today]. Paris: Aubier. (in French)
7. Vieillard-Baron, J.-L., 2002. *Continuité et discontinuité de l'oeuvre de Bergson* [Continuity and discontinuity of Bergson's work]. *Annales bergsoniennes. T. I. Bergson dans le siècle*. Paris: Presses Universitaires de France, pp. 279-307. (in French)
8. Worms, F., 2004. *Bergson ou les deux sens de la vie* [Bergson and the two meanings of life]. Paris: Presses Universitaires de France. (in French)

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ И ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ИТОГИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ

В статье анализируется состояние классификации форм сущего и бытия: метафизической и феноменологической. Показано, что ключевые формы бытия в феноменологической классификации – региональная онтология материальной природы и человеческого мира – в ходе анализа их конституирования оказались не различными, а взаимообусловленными регионами. Тот же характер взаимообусловленности можно обнаружить и у выделенных в рамках метафизической классификации форм сущего: природы, культуры, человека и общества. Только синтез этих форм можно определить как субстанцию. Все остальные синтезы, а также чистые регионы сущего можно разделить на две группы: конструкции, выделение которых обусловлено реальным мотивом или строением сущего, и избыточные регионы.

Ключевые слова: феноменология, метафизика, классификация сущего, природа, культура, общество, человек

Metaphysical and phenomenological foundations and outcomes of regional ontology. ILYA I. DOKUCHAEV (Far Eastern Federal University)

The paper deals with the analysis of metaphysical and phenomenological classification of the forms of existence and being. The author demonstrates that the key forms of being in the phenomenological classification – the regional ontology of material nature and of the world of man – turn out to be, in the course of their constitutive analysis, not distinct regions but the ones that are conditioned upon each other. The same type of interconnectedness is revealed in the forms of existent within the metaphysical classification: nature, culture, man, and society. Only a synthesis of these forms can be defined as the “substance”. All other syntheses, along with pure regions of the existence, can be organized in two groups: constructs whose delineation is determined by a real motive or by the existent’s own organisation/structure, and regions that are redundant.

Keywords: phenomenology, metaphysics, classification of the existence, nature, culture, society, man

Классификация форм сущего и бытия – одна из ключевых тем онтологии и метафизики. Оснований для подобного рода типологий известно немало, и поэтому назрела необходимость соотнести их между собой, чтобы продвинуться в конструировании и формализации сущего и бытия к такой их классификации, которая бы позволяла операционализировать проблемы менее сложного логического порядка. Представ-

ляется, что ключевых видов таких оснований может быть только два: метафизический и феноменологический. В первом случае критерии типологизации сущего и бытия берутся исходя из анализа различных форм сущего, которое структурируется в соответствии с классами сущностей по самым разным принципам. Во втором случае критерии типологизации берутся исходя из анализа способов данности суще-

* ДОКУЧАЕВ Илья Игоревич, доктор философских наук, профессор кафедры философии Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: dokuchaev.ii@dvfu.ru

© Докучаев И.И., 2016

го, то есть форм бытия или сознания сущего. К числу важнейших примеров метафизической классификации бытия и сущего относятся еще Аристотелевы категории [1, с. 51-90], сюда же можно отнести слои бытия Н. Гартмана [3], классификацию космических типов М. Шелера [5], типологию сущего М.С. Кагана [4]. К числу важнейших примеров феноменологической классификации можно отнести теорию предметов А. Мейнонга [8], категории познания Н. Гартмана [3], региональную онтологию Э. Гуссерля [6].

Феноменологические критерии региональной онтологии

Эдмунд Гуссерль в работе *Идеи II* различил три региона сущего (бытия) на основании специфики содержания ноэтико-ноэматической корреляции: конституирование материальной природы, конституирование животной природы и конституирование человеческого мира. Л. Ландгребе писал о феноменологическом характере конституирования регионов бытия следующим образом: «разговор о регионах бытия имеет значение только в контексте этой необходимой и сущностной корреляции с модусом сознания, в котором сущее соответствующего региона достигает данности» [7, р. 145]. Конкретный анализ технологий конституирования этих регионов привел к тому, что они оказались взаимосвязанными друг с другом так, что каждая из них конституировалась благодаря другой. Так, всякое конституирование материальной природы возможно лишь в горизонте культуры, созданной человеком; а всякое конституирование человека основано на конституировании материальной природы (конституирование же животной природы так и осталось проектом, по отношению к которому конкретных технологий описано не было).

Речь идёт о концепции аналогизирующей аппрезентации: сначала конституируется временной поток, затем пространство как корреляция между потоком внутренне воспринимаемого живого (собственного, в котором воплощено конституирующее Я) тела и потоком данных внешнему чувству профилей мёртвого тела; затем проводится аналогия между мёртвыми телами конституирующего Я и другого Я; и наконец, делается предположение, что в мертвом теле другого Я тоже воплощен конституирующий дух. Однако затем оказалось, что самый первый феномен – время (а затем и все остальные феномены) – не конституируется непосредствен-

но, но лишь в горизонте человеческого мира, то есть культурной традиции, связанной с бытием других Я. Вот резюме Э. Гуссерля, которое он высказывает об отношении между конституированием духа и конституированием материи: «Если мы уничтожим всех людей в мире, то и природы более не будет. Если же мы уничтожим природу, с другой стороны, с «истинным», объективно-интерсубъективным существованием, то кое-что в любом случае останется – дух как индивидуальный дух. Он только лишится таких возможностей, как социальность, как понимание – изначально предполагающее определенную интерсубъективность тела» [6, s. 297]. Если исходить из единства трансцендентальной субъективности, то региональная онтология Э. Гуссерля есть производный по отношению к ней феномен и ее обоснование в конечном итоге снимает ее собственное содержание, то есть превращает его различия в несущественные оттенки интенциональности.

Аналогичная феноменологии конституирования регионов бытия концепция теории предметов А. Мейнонга исходит из того, что различия между способами данности предметов и различия между самими предметами несводимы к какому-либо фундаментальному единству, более того, именно предметная сторона бытия оказывается основанием для различения стороны актов полагания этих предметов (элементарных переживаний). Вместе с тем предмет есть содержание переживания, а не реально существующая вещь, что сохраняет за концепцией А. Мейнонга феноменологический статус. А. Мейнонг выделяет четыре типа актов и четыре типа соответствующих им предметов: представление – объект (единичные вещи), мышление – объектив (сущности вещей: идеальные, возможные и невозможные), чувство – дигнитатив (ценности: истину, добро и красоту) и желание – дезидератив (должное и цель) [8, s. 5]. И хотя каждый последующий предмет базируется на бытии предшествующего, объектив на объекте, дигнитатив на объективе, дезидератив на дигнитативе, – логика этого обоснования остается неочевидной.

Концепция Н. Гартмана уже целиком выводится из классификации сущего, и категории познания оказываются вторичными по отношению к категориям сущего, то есть ее уже можно определить не столько как феноменологическую, сколько как метафизическую. И хотя у Н. Гартмана можно найти похожие на мейнонговские классификации бытия, например,

различие между реальными (существующими) во времени и идеальными сущими, в целом его онтология уже очень далека от феноменологических проектов.

Метафизические критерии региональной онтологии

Классификация сущего Аристотеля (сущность, качество, количество, время, место, активность, пассивность, положение, обладание, отношение) не содержит каких-либо критериев и имеет характер интуиции, которую пытались истолковать по-разному, но наиболее убедительно это удалось сделать только в рамках философии языка. Э. Бенвенист детально показал, что все категории Аристотеля – трансформации ключевых категорий греческого языка: сущность – существительное, качество – прилагательное, количество – числительное, положение и обладание – категории переходности и непереходности глагола, активность и пассивность – категории залога глагола, и т.п. [2]. Н. Гартман, различая слои бытия, тоже стремится показать, что каждый из иерархически более высоких слоев включен в фундирующий его низший слой: неорганическое (физически-материальное) бытие включает органическое (живое), это последнее включает душевное бытие, а оно, в свою очередь, – духовное бытие единичного человека и социума [3]. Все эти слои бытия выделяются на основании метафизической интуиции и никаких дедуктивных принципов их выведения не представлено. Космологическая антропология М. Шелера [5], включающая мир неорганической природы, растений с их экстагическим порывом, животных с их практическим интеллектом и, наконец, человека с его теоретическим интеллектом очень напоминает идеи Н. Гартмана, ибо хотя сама структура сущего у М. Шелера и отличается от гартмановской (Н. Гартман различает индивидуальное и духовное содержание в мире духа, но не отмечает особенностей растительного и животного бытия), они сближаются тем, что в равной мере являются продуктами интуитивной метафизики, не предполагающими каких-либо критериев дедукции.

Попытки же дедуцировать онтологические категории приводят, как ни странно, к противоположному результату – их синтезу. В последней своей крупной работе «Метаморфозы бытия и небытия» М.С. Каган предпринял попытку охарактеризовать структуру сущего как композицию четырех форм: общество – человек – культура – природа. Формы эти выявляются как диффузные, то есть взаимопересекающиеся, и основанием их выделения служат две пары понятий или четыре формы

сущего (Субъективное (идеальное) – Объективное (материальное) и Естественное – Искусственное) [4]. Следуя этой идее, можно определить категорию природы как форму синтеза естественного и объективного бытия, категорию культуры как форму синтеза искусственного и объективного бытия, категорию человека как форму естественного и субъективного (индивидуального) бытия и, наконец, категорию общества как форму синтеза искусственного и субъективного (коллективного) бытия. Систематической разработки, однако, эта композиция категорий в работах М.С. Кагана не получила.

Итак, феноменологические классификации не дают оснований для построения региональной онтологии, а скорее снимают постановку вопроса о ее содержании, метафизические же классификации не имеют строго определенных критериев дедукции своего содержания. Если же нет возможности обнаружить дедуктивные критерии метафизической классификации сущего, можно попытаться уточнить и конкретизировать эту классификацию. Рассмотрим в этой связи более подробно концепцию М.С. Кагана, ибо она содержит в своем составе значительный эвристический потенциал, открывающий перспективы для содержательного уточнения и наполнения предварительно установленных структурных единиц региональной онтологии.

Уточнение метафизической классификации регионов сущего

Исходя из схемы М.С. Кагана, демонстрирующей структуру сущего (см. Рис. 1), можно сделать следующие выводы. Каждая форма сущего представляет самостоятельное одноименное сущее, но вместе с тем и ряд синтетических образований. Природа существует сама по себе, но также как часть человека, как часть культуры, как часть общества, поскольку оно состоит из людей. Культура существует сама по себе, она также включает природу, человека и общество. Человек существует сам по себе, но есть часть природы, культуры и общества. Наконец, общество существует само по себе, однако есть часть природы, культуры и совокупность людей, а также их часть (человек). Если выделить с помощью цифр каждый такой самостоятельно существующий сектор бытия и каждый сектор, представляющий собой пересечение форм бытия, то можно получить 13 обозначенных на схеме и 15 логически мотивированных секторов (регионов) бытия (два логически мотивированных сектора, не видных на схеме, взяты в фигурные скобки).

Рис. 1. Регионы сущего, схематически выраженные посредством пересекающихся круговых фигур

1. Чистая природа;
2. Чистый человек;
3. Синтез природы и человека;
4. Синтез природы, человека и общества;
5. Синтез природы и общества;
6. Чистое общество;
7. Синтез человека и культуры;
8. Синтез природы, человека и культуры;
9. Синтез природы, человека, общества и культуры;
10. Синтез природы, общества и культуры;
11. Синтез человека, общества и культуры;
12. Синтез культуры и общества;
13. Чистая культура.
- {14. Синтез природы и культуры.}
- {15. Синтез человека и общества.}

Первый, второй, шестой и тринадцатый регион – чистые регионы сущего; остальные – смешанные. Среди смешанных регионов сущего выделяются двухсоставные (третий, пятый, седьмой и двенадцатый). Очевидно, что схема не позволяет увидеть еще несколько двухсоставных регионов, а именно два: синтез природы и культуры, а также синтез человека и общества – соответственно четырнадцатый и пятнадцатый регионы. Трехсоставные регионы бытия: четвертый, восьмой, десятый и одиннадцатый – полностью исчерпывают возможные типы комбинаций исходных чистых регионов. И, наконец, существует один четырехсоставный регион – девятый. Таким образом, получается, что теоретически должно существовать пятнадцать регионов сущего, один из которых –

четырёхсоставный, четыре региона – чистые (односоставные), четыре – трехсоставные и шесть – двухсоставные.

Наполнение метафизической классификации регионов сущего.

Чистые регионы сущего

Попробуем разобраться, все ли сферы на этой схеме наполнены реальным содержанием или можно обнаружить пустые места. Кажется, что чистые регионы сущего наполнены некими сущностями, которые называются соответствующим образом. Однако не всегда легко сказать, что имеется в виду. Так, понятно, что чистая природа – это мир, никак не преобразованный человеком и обществом, в который ни человек, ни общество не включены. Это животный, растительный и неорганический секторы объективного и естественно возникшего мира. Чистый человек есть уже, скорее всего, фикция, ибо он всегда есть часть природы, а также является частью общества. Таким образом, вроде бы обнаруживается первая пустая структура схемы – регион номер два. Чистое общество также невозможно себе представить, ибо оно состоит из людей, каждый из которых есть часть природы, а кроме того общество есть продукт культуры. Вторая кажущаяся пустой структура схемы – регион номер шесть. Невозможно представить себе и чистую культуру, ибо все в культуре есть преобразование природы, осуществленное человеком как социальным существом. Третья предполагаемая пустой структура схемы – регион номер тринадцать.

Однако, с другой стороны, правомерен вопрос, насколько существует природа сама по себе, то есть вне интерпретации ее сознанием человека и общества. Чистая же человеческая субъективность, чистая социальная субъективность и чистая культура возможны в качестве абстракций. Так, телесные и психические формы (типы личности) можно рассматривать как результаты социальной и культурной деятельности, но результаты существующие вполне самостоятельно, то есть в качестве свойств человека как сущего. То же самое можно сказать о формах социума как сущего, а именно о социальных институтах и тенденциях общественного мнения. Наконец, культура, понимаемая как совокупность технологий и продуктов человеческой деятельности, есть абстракция, имеющая право на самостоятельный онтологический статус. Чистые регионы сущего, таким образом, не существуют в качестве полноценных, субстан-

циональных сфер, но их можно рассматривать как имеющие реальные, то есть мотивируемые самой реальностью, а не только методологически конструируемые, основания для дифференциации форм сущего.

Наполнение метафизической классификации регионов сущего.

Смешанные регионы сущего

Теперь можно поставить вопрос о том, сколько существует наполненных субстанциальным содержанием двухсоставных регионов сущего и сколько из них представляют собой реальные абстракции. Всякий синтез интересен только тогда, когда он представляет собой продукт не сложения, а умножения объемов понятий, в результате которого возникает новый и специфический регион сущего, однако обладающий свойствами исходных регионов. Синтез природы и человека, синтез природы и общества, синтез природы и культуры – это материальные стороны их бытия, то есть природа, преобразованная в результате сознательного или эволюционного воздействия. Понятно, что социальное, природное и культурное в этих синтезах с природой представлены всегда, но объективный характер, который придает им природа, позволяет выделять соответствующие синтезы как абстрактные (конструктивные) регионы сущего. Это различные формы означающих знаковых систем, транслирующих содержание культуры, это телесные типы человека, это совокупности людей, составляющие социальные группы. Особое содержание синтеза природы и культуры – материальная сторона произведений искусства, ибо ее невозможно отделить от духовной стороны так, как это делается в других случаях синтеза природы и остальных чистых регионов бытия. Синтез человека и культуры – это типы личности или этнофоров, то есть формы индивидуальной субъективности. Синтез культуры и общества – это социальные институты и духовная сторона культуры. Синтез человека и общества – регион, который полностью повторяет сферу бытия социальных институтов и типов личности, и поэтому сложно говорить о его самостоятельном содержании.

В этой связи можно говорить о синтезе человека, общества и культуры в форме духовной культуры, социальных институтов и типов личности. Духовный характер этого синтеза не позволяет его дифференцировать на более элементарные структуры. Остальные трехсоставные синтезы: природа – человек – культура, природа – общество – человек, природа –

общество – культура ничего специфического не содержат и могут быть наполнены за счет уже определенного выше содержания двухсоставных регионов сущего, то есть за счет его сложения. В первом случае речь опять-таки пойдет о телесных формах бытия человека, во втором и в третьем – о материальном составе социальных групп.

Наконец, единственный четырехсоставный регион сущего – синтез природы, культуры, человека и общества. Этот регион отличается отсутствием оригинального содержания, но зато он оказывается единственным полноценным, то есть субстанциальным регионом сущего.

Субстанциальные, абстрактные (конструктивные) и избыточные регионы сущего

Все регионы сущего можно, таким образом, подразделить на субстанциальные, абстрактные (конструкционные) и избыточные. Субстанциальным регионом сущего оказался только один – синтез природы, культуры, общества и человека. Примечательно то, что и с феноменологической точки зрения, различие на непосредственный регион сущего – материальную природу – и гипостазированный – живое другое «Я» – оказалось абстрактным и требующим для своего реального осуществления синтеза этих регионов. Остальные регионы сущего – либо абстрактны, либо избыточны. В первом случае они представляют собой мотивируемые реальностью компоненты сущего. Таковых было выделено восемь: четыре чистых региона сущего, три двухсоставных региона сущего и один трехсоставный.

Чистые регионы сущего:

1. Природа – животная, растительная и неорганическая формы объективного и естественно возникшего мира.
2. Человек с его индивидуальной субъективностью.
3. Общество с его коллективной субъективностью.
4. Культура как совокупность технологий и продуктов человеческой деятельности.

Двухсоставные регионы сущего:

1. Синтез природы и культуры – означающие знаковых систем, транслирующих содержание культуры и материальная сторона произведений искусства (элементы социального бытия здесь так же присутствуют).
2. Синтез природы и человека – телесная форма бытия человека (элементы культурного бытия здесь также присутствуют).

3. Синтез природы и общества – совокупности людей, составляющие социальные группы (элементы культурного бытия здесь также присутствуют).

Трехсоставный регион сущего это синтез общества, культуры и человека, то есть духовная культура, социальные институты и типы личности.

Остальные регионы сущего оказались избыточными, ибо их содержание можно получить только путем сложения оригинального содержания других регионов. Это двухсоставные синтезы человека и общества, синтезы культуры и человека, синтезы культуры и общества, а также трехсоставные синтезы природы, человека и культуры; природы, общества и человека; природы, общества и культуры.

Если с позиции полученного уточнения и наполнения метафизической классификации регионов сущего еще раз взглянуть на чистые регионы, то получится, что их содержание во многом состоит из тех сущностей, которые были расположены в двухсоставных и трехсоставных регионах. Элиминировав это содержание, можно получить своего рода остатки: в регионе природы останется абстрагированный хаотический мир животных, растений и неорганической материи, своего рода первоматерия как движущая сила всякого антропосоциокультурного оформления. В регионе общества останется общественное мнение, которое лишено формы социального института, то есть не воспринимается конкретными социальными группами как набор определенных правил, но есть вполне реальное содержание поведения сообществ, выделяемых на основании формальных критериев: пола, возраста, образования, профессии и т.п. В регионе человека окажется неструктурированная обществом и культурой субъективность, то есть уникальная и вместе с тем подлежащая сравнению совокупность психических процессов, определяемых свободой и разумом. Наконец, в регионе культуры окажется творческая активность производителя и потребителя ее технологий и продуктов, которая не подчинена социальным институтам и представляет собой пространство импровизации.

Можно попытаться на основании этого уточнения и наполнения метафизической классификации регионов сущего предложить другую – более компактную схему, используя не круги, а квадраты для обозначения регионов сущего (см. Рис. 2). В этой схеме девять регионов, один из которых – субстанциальный (квадрат 5), а остальные восемь – конструкционные (абстрактные). Избыточных регионов нет.

Рис. 2. Регионы сущего, схематически выраженные посредством пересекающихся квадратных фигур

Эти девять регионов образованы путем пересечения четырех квадратов: квадрат, состоящий из зон 4, 5, 7, 8, – природа; квадрат, состоящий из зон 2, 5, 3, 6, – общество; квадрат, состоящий из зон 1, 5, 2, 4, – человек; и квадрат, состоящий из зон 6, 5, 9, 8, – культура. Схема позволяет хорошо рассмотреть остаточные регионы бытия – то есть то содержание сущего, которое не вошло в состав того или иного синтеза (квадраты 1, 3, 7, 9). Синтетические же регионы (квадраты 2, 4, 6, 8) схема опять-таки позволяет различить не самым лучшим образом. Так понятно, что синтез общества, культуры и природы в форме типа телесности показать на схеме не удалось, то же самое касается и невозможности показать роль культуры в структуре типа личности, и роль человека в структуре социального института и духовной культуры. Материальная сторона культуры и осмысленная сторона природы оказались лишены социального содержания. К числу плюсов можно отнести то, что схема передает тяготение некоторых компонентов трехсоставных синтезов к своим двум ближайшим регионам бытия: типа личности – к обществу и человеку, социального института и духовной стороны культуры – к обществу и культуре, смысла природы и материальной стороны культуры – к культуре и природе, типа телесности – к человеку и природе.

Таким образом, хотя ни одна из двух схем не позволяет показать реальное отношение между регионами сущего, вторая схема создает меньше

трудностей с интерпретацией этого отношения и больше возможностей сделать эту интерпретацию понятной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Том 2. М.: Мысль, 1978.
2. Бенвенист Э. Категории мысли и категории языка / Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 104-114.
3. Гартман Н. Старая и новая онтология // Историко-философский ежегодник 1988. М.: Наука, 1988. С. 320-324.
4. Каган М.С. Метаморфозы бытия и небытия: онтология в системно-синергетическом осмыслении. СПб.: Логос, 2006.
5. Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии: Переводы. М.: Прогресс, 1988. С. 31-95.
6. Husserl, E., 1952. Ideen zur einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Zweites Buch: Phänomenologische Untersuchungen zur Konstitution. Hague: Martinus Nijhoff.
7. Landgrebe, L., 1981. The phenomenology of Edmund Husserl. Six essays. Ithaca: Cornell University Press.
8. Meinong, A., 1988. Über Gegenstandstheorie. Selbstdarstellung. Hamburg: Felix Meiner Verlag.

REFERENCES

1. Aristotel, 1978. Sochineniya v chetyrekh tomah. Tom 2. [Papers in 4 volumes. Volume 2]. Moskva: Mysl. (in Russ.)
2. Benvenist, E., 1974. Kategorii mysli i kategorii yazyka [Categories of thought and categories of language]. In: Obshchaya lingvistika. Moskva: Progress, pp. 104-114. (in Russ.)
3. Hartman, N., 1988. Staraya i novaya ontologiya [Old and new ontology]. Istoriko-filosofskii ezhegodnik 1988. Moskva: Nauka, pp. 320-324. (in Russ.)
4. Kagan, M.S., 2006. Metamorfozy bytiya i nebytiya: ontologiya v sistemno-sinergeticheskom osmyslenii [Metamorphoses of existence and non-existence: ontology in system and synergetic comprehension]. St. Petersburg: Logos. (in Russ.)
6. Husserl, E., 1952. Ideen zur einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Zweites Buch: Phänomenologische Untersuchungen zur Konstitution [Ideas pertaining to a pure phenomenology and to a phenomenological philosophy. Phenomenological investigations of constitution]. Hague: Martinus Nijhoff. (in German)
7. Landgrebe, L., 1981. The phenomenology of Edmund Husserl. Six essays. Ithaca: Cornell University Press.
8. Meinong, A., 1988. Über Gegenstandstheorie. Selbstdarstellung [About theory of subjects. Self-presentation]. Hamburg: Felix Meiner Verlag. (in German)

РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА И Л.А. ТИХОМИРОВА В ФОРМИРОВАНИИ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Осмысление коренных начал Русского государства – Православия и монархии К.Н. Леонтьевым и Л.А. Тихомировым заложило основные понятия и традиции русской политической науки, которую следовало бы назвать «Школой русской государственности». В статье рассматриваются религиозно-политические идеи данных мыслителей, прослеживается их взаимосвязь и преемственность. Авторы приходят к выводу, что глубина и оригинальность наблюдений К.Н. Леонтьева и Л.А. Тихомирова, касающихся социально-психологической стороны российской и мировой истории, обусловлена их религиозным мировоззрением.

Ключевые слова: Российская империя, Православие, политическая философия, монархическая государственность, византизм, консерватизм

Religious and political ideas of Konstantin Leontiev and Lev Tikhomirov in political philosophy of Russian statehood. IGOR A. ROMANOV (Far Eastern Federal University; Russian Institute for Strategic Studies), VLADISLAVA N. ROMANOVA (Far Eastern Federal University)

The works of Konstantin Leontiev and Lev Tikhomirov, focused on the fundamental principles of Russian state – Orthodoxy and monarchy, have laid the basic concepts and traditions of Russian political philosophy. The article deals with the religious and political ideas of the thinkers, tracing their interrelation and continuity. The authors conclude that the depth and originality of K. Leontiev's and L. Tikhomirov's comments on social and psychological aspects of Russian and world history can be explained by their religious worldview.

Keywords: Russian Empire, Orthodoxy, political philosophy, monarchic statehood, Byzantinism, conservatism

Поиск новых оптимальных моделей государственного управления и построения взаимоотношений власти и общества в России зачастую приводит сегодня к заимствованию иностранного опыта в данной сфере. Однако полезность государственно-политических идей, взятых из зару-

бежной теории и практики государственности, нередко оказывается ничтожной в условиях российской исторической действительности. Государственность – это то, что отражает свойства и особенности, традиции отношений между властными структурами и населением внутри конкретного

* РОМАНОВ Игорь Анатольевич, доктор социологических наук, профессор кафедры теологии и религиоведения Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, ведущий научный сотрудник Российского института стратегических исследований.

E-mail: romanov.ia@dvfu.ru

РОМАНОВА Владислава Николаевна, кандидат политических наук, доцент кафедры теологии и религиоведения Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: romanova.vn@dvfu.ru

© Романов И.А., Романова В.Н., 2016

государства в связи с его развитием, укреплением, защитой и самовоспроизводством. Традиции русской культуры и русской государственности исторически формировались в рамках христианских представлений о происхождении государства и государственности. В этом, пожалуй, одно из главных отличий от научных школ западного менеджмента, повлиявших на формирование современных носителей государственности во многих развитых странах. «Менеджерское» восприятие мира определяется чаще всего не духовными мотивами, а стремлением к достижению экономического эффекта, получению прибыли. И такой концептуальный подход нередко переносится в сферу государственной политики, отражается на самой государственности как свойстве социальных вертикальных и горизонтальных взаимоотношений в обществе, возникающих по поводу государственного строительства и управления.

Более внимательное обращение к наследию русских дореволюционных авторов, внесших существенный вклад в формирование теории и методологии развития российской государственности, открывает новые возможности в современной государственнической практике. И эти возможности более органично и полно могут быть реализованы в современной России, нежели заимствованные идеи западного менеджмента.

Пожалуй, наивысший подъем научная школа русской государственности испытала в эпоху творчества русских мыслителей второй половины XIX – начала XX вв. Среди ряда исследователей этого периода особое место занимают Константин Николаевич Леонтьев и Лев Александрович Тихомиров. Они значительно потрудились на ниве создания отечественной политической науки и формирования самостоятельной научной школы русской государственности. Преемственность их четко структурированных и оформленных идей укрепления отечественной государственности как раз и позволяет говорить о возникновении научной школы.

Сегодня в российском обществе и власти существует потребность восприятия не только идей Леонтьева и Тихомирова, но и стиля их мысли, их взглядов на византийское наследие, полученное Россией, – православие и монархию, а также четко сформулированные представления об опасных, по сути, антигосударственных процессах, связанных с космополитизмом, нигилизмом и культурным разложением.

Что особенно важно и уникально в творчестве Тихомирова и Леонтьева? Тема византийского наследия, воспринятого Московским государством, является одной из центральных в работах

этих выдающихся авторов. В данной области их идейное наследие особенно актуально, поскольку раскрывает проблему религиозно-нравственных основ человеческих культур, незнание или игнорирование которых сегодня приводит в тупики государственного развития, международных и межконфессиональных отношений.

С молодости в них проявлялось тяготение к тому, что они назвали византизмом. Леонтьев признается, что в крепкой государственности есть глубокая эстетика [2, с. 22], что для него, как писателя и ценителя красоты, было очень важно. Леонтьев отвращался от современной ему жизни Запада и России во многом с позиций отсутствия красоты, интересного, самобытного, уникального, колоритного. С молодости у него, как и у Тихомирова, присутствовала любовь к государственному аспекту – строгости, стройности, дисциплине. Тихомиров впитывал этот «византизм» с детства, восприняв от отца большую симпатию к Императору Николаю Павловичу, к эпохе 1840-х гг., могущественной России, которая не пропала у Льва даже в период его революционной деятельности.

Преемственность идей К. Леонтьева и Л. Тихомирова прослеживается на основе их биографических фактов – они встречались, беседовали, переписывались, строили общие планы. Константин Леонтьев во многом способствовал личностному утверждению вернувшегося из эмиграции революционера-рenegата Льва Тихомирова. По воспоминаниям самого Тихомирова, Леонтьев стал его «катехизатором». Но смерть Константина Леонтьева, точнее инока Климента, в 1891 г. прервала это плодотворное общение. С этого периода Тихомиров в своих письменных трудах продолжает дело Леонтьева, используя начатки его идей, высказанные в публицистических статьях, развивает их, углубляет. Так появляется фундаментальный академический труд Тихомирова «Монархическая государственность».

Как и его учитель – Константин Леонтьев – Тихомиров трудится над формированием понятий и традиций русской политической науки, основанной на коренных началах Русского государства – Православии и монархии. Оба философа обнажают ложность идей всеобщего счастья, достигаемого либерализмом, демократией, революцией.

Отличие Леонтьева от Тихомирова – в их политической ориентации: у первого скорее внешнеполитическая, а у второго – внутривластная. Тихомиров во многом являлся наследником М.Н. Каткова и К.П. Победоносцева. Масштаб мысли Леонтьева – Россия и мировое окружение, что связано с его вовлеченностью в дипломатическую работу. Тихомиров знал русский народ, устройство

жизни внутри России, настроения молодежи и, как и Катков, был ориентирован на укрепление авторитета власти монарха внутри России. Тихомиров в «Монархической государственности» дает высокую оценку идеям Леонтьева, но не находит у него практического аспекта разработки монархического принципа. Это во многом объяснимо тем, что Леонтьев не писал для нужд внутренней политики.

Тихомиров стал преемником Леонтьева в его главной идее о Православии и самодержавии в России как наследии византизма. Он вошел в историю как первый серьезный исследователь монархического принципа. Леонтьев даже в «Византизме и славянстве» выступает как ученый-публицист, Тихомиров – автор академического научного труда «Монархическая государственность». Его интерес к монархическому принципу не случаен. Он видел, что все развитие современных ему обществ (второй половины XIX в.) направлено на отрицание этого принципа. Главная идея работы – истинность и даже вечность монархического принципа. Многие начатки идей о самодержавии он взял у Леонтьева, который рассмотрел исторические условия возникновения монархизма в России как проявления византизма. Тихомиров видит монархизм как вневременной принцип организации власти на земле, исторические формы его воплощения и вопросы дальнейшей жизнеспособности. Л.А. Тихомиров утверждал, что всякий принцип власти всегда возможен и никогда не устаревает, так как принципы власти неизменны с момента их возникновения, меняться может лишь форма их реализации в государственной системе.

Идеи работы Константина Леонтьева «Византизм и славянство» вдохновили Тихомирова на написание «Монархической государственности». Леонтьев первым ввел в философию понятие «византийская образованность». Многие грани этого понятия открываются через более позднее определение Леонтьевым цивилизации. «Цивилизация, культура есть именно та сложная система отвлеченных идей (религиозных, государственных, лично-нравственных, философских и художественных), которая вырабатывается всей жизнью наций. Она, как продукт, принадлежит государству, как пища, как достояние, она принадлежит всему миру... Цивилизации обыкновенно надолго переживают те государства, которые их произвели» [3, с. 254].

Византизм имеет свои признаки в жизни религиозной, политической, философской, культурной, эстетической. Леонтьев рассматривает только государственно-религиозный аспект, как важнейший для России. «Византизм организовал нас, система византийских идей создала величие наше,

сопрягаясь с нашими патриархальными, простыми началами... Изменяя, даже в тайных помыслах наших, этому византизму, мы погубим Россию», – говорит Леонтьев [3, с. 61].

С падением Византии в XV веке, ее образованность восприняли многие европейские народы, но плодотворнее всех – русский народ, Московское княжество, которое возросло в Великороссию. Византизм на русской почве наиболее полно и плодотворно проявляется в Православии, самодержавии и общине. Леонтьев подробно рассуждает только о Православии и самодержавии. Эти понятия в работе «Византизм и славянство» представляются синонимами византизма. По его мнению, это коренные начала в русском укладе, русской культуре.

Внешние признаки византизма у великорусов – великодержавность, крепкое организационное начало, дисциплина, почтительность, покорность. Их историческому развитию способствовали несколько организующих элементов государственного организма: аристократия, бюрократия, церковная система властей.

В работе Тихомирова «Монархическая государственность» такие составляющие византизма, как монархия и Православие оказываются в центре внимания. И Леонтьев, и Тихомиров определяют периодом активного восприятия Москвой византизма XV в. Это время падения Константинополя, хотя активное общение Руси и Византии началось намного раньше. Леонтьев и Тихомиров считают, что Москва как молодое государство наиболее творчески развила принципы, данные Византией, в отличие от других славянских и европейских народов, уже перенасыщенных культурным наследием Рима и Константинополя. «Настоящий тип монархической верховной власти суждено было... развить Московской Руси, взявшей благодаря урокам Византии монархическую верховную власть в основу государства, а в своем свежем национальном организме нашедшей могучие силы социального строя, в союзе с которым монарх и строил свое государство» [8, с. 176].

Москва проявила созидательный цивилизационный потенциал. Принципиальным в определении византийской преемственности для Леонтьева и Тихомирова, как его последователя, становится не набор внешних признаков, роднящих государство с Византией, а внутренняя идея, миссия. По Леонтьеву, Москва – это наследница Константинополя, наследница в своей будущей миссии, которая будет состоять в сохранении Византийского христианства, в дальнейшем его развитии, в спасении славянских народов и даже самой Европы. Тихомиров также напоминает о миссии России,

просветившей ряд народов, и о возможности потерять свое предназначение, окунувшись в революционный дурман. Миссию России Тихомиров также видит в указании монархического принципа.

Леонтьев не стремился обосновывать монархический принцип власти, но он создал идейную базу для его будущего развития. Тихомиров же обосновал его, наблюдая, что в последние века истории активно ведется борьба именно с монархическим принципом – борьба, которую ведут либеральные, революционные движения. По оценке Тихомирова, Леонтьев, исходя из своей теории роста, расцвета и гибели цивилизаций, видел дряхление России, приближение ее к концу: «Он выражал большие сомнения в молодости России, сильно полагал, что она уже дошла до предельного развития, начала склоняться к дряхлости, когда приходится думать не о развитии сил, а только о том, чтобы поменьше их тратить, помедленнее идти к неизбежному концу. С такими предчувствиями, конечно, не может быть охоты к разработке «конституции» хиреющей страны и монархии» [8, с. 295]. Автор же «Монархической государственности» был уверен в будущем монархии, в будущей востребованности своих изысканий, пусть и после реставрации монархии.

Леонтьев в «Византизме и славянстве» рассматривает культурно-исторические типы, в том числе римский, византийский. Тихомиров также вводит в фундаментальную работу «Монархическая государственность» главы о проявлении монархического принципа в римско-византийском государстве, в Византии, в западном абсолютизме, в Московском государстве. Делает он это детально, широко привлекая материал исторический и правовой. Он доказывает, что Россия – единственное государство, воплотившее монархический принцип наиболее близко к идеалу, в отличие от власти византийского автократора, Римской империи и Запада, где монархия была искажена. Тихомиров вопреки Леонтьеву верит в будущее монархического принципа. И задача политической науки и всей школы русской государственности – осмыслить его и представить миру.

Лев Тихомиров анализирует проявления монархического принципа. Он рассматривает его происхождение и содержание, источник которого, с одной стороны, потребность социального, земного устройства жизни человечества, а с другой – психология людей, ищущих над собою власть, правду, истину, порядок. Государство – средство воплощения порядка, признаком государства является верховная власть. «Когда возникает государство, возникает идея некоторой Верховной власти, не для уничтожения частных сил, но для их регулирования, примирения и соглашения. Без такой владыче-

ствующей силы частные силы обречены на борьбу» [8, с. 41]. Идею о якобы закономерной смене монархии демократией Лев Александрович отрицает. Монархию, власть аристократии и демократию он считает отдельными типами верховной власти.

Интересна идея Тихомирова об основании принципа верховной власти на религиозных представлениях людей. По его мнению, каковы религиозные представления людей, таковы и формы власти. Например, восточные деспотии обусловлены желаниями и требованиями тех божеств или духов, которым поклоняются восточные народы. В истории человечества явлен принцип монархизма, связанный с истинной верой – Христианством.

Тихомиров выделяет в монархизме седующие формы: деспотия, абсолютизм, самодержавие, они проявились в Риме, Византии, Европе, России. Наиболее близким к идеальному типу монархизма является российское самодержавие, потому что в нем воплощается взаимное единение верховной власти и нации. Это связано с тем, что из всех славянских племен «одна великорусская раса обладает великими государственными инстинктами».

Монархия деспотическая есть искажение чистоты монархического принципа, так как она дает монарху власть верховную, но без обязательного для него и народа единящего содержания. В монархии абсолютной монарх по существу имеет все власти управления, кроме верховной власти, остающейся у народа без употребления, но в полной потенциальной силе.

У Леонтьева мы видим примеры, где, по его мнению, наши племенные явления искажают византийское наследие, например, приходская жизнь, изменившаяся после Петра, до Петра Русь была ближе к Византии. По Тихомирову же, сама Византия была уязвлена «старо-римским абсолютизмом, неизбежно рождающим централизацию и бюрократию». Историческим моментом, подорвавшим единение верховной власти и нации в России, по Тихомирову, стал церковный раскол XVII в., свидетельствующий о кризисе веры. В условиях кризиса стали возможны петровские преобразования – как способ заимствования западных порядков для быстрого, на первый взгляд, решения национальных проблем. Русская монархия стала развиваться по губительному для нее пути – пути абсолютизма. Идеальный вариант монархии – московский – был искажен вместе с ослаблением веры народа и разрастанием бюрократии, которая, по Тихомирову, всегда является сторонницей парламентаризма.

Тихомиров в начале XX в. размышлял о будущем монархического принципа. Задолго до царей-

бийства он писал: «Наша монархия так разрыхлилась, что Господь один знает каковы ее судьбы... в обществе подорвана ее идея, да и «самого» общества-то нет... Мое сочинение может быть могло бы послужить будущему монархической реставрации. Но для настоящего оно бесполезно. Ни очами не смотрят, ни ушами не слушают» [1, с. 15-16].

Работу «Монархическая государственность» Тихомиров адресует будущему. «Смысла исторического процесса нельзя определить только на основании наблюдения тенденций одной какой-либо эпохи. Человечество вовсе не всегда правильно догадывается, к чему оно идет. История Греции, по общему убеждению всех ее политических людей и граждан, была процессом развития демократии. А между тем он на самом деле завершился всемирной монархией Александра Македонского» [8, с. 592].

Тихомиров описал преимущества монархии перед демократией. «Демократия, основанная на верховной власти количественной силы, по существу, враждебна влиянию нравственной силы, как в ее аристократических формах, так и в формах единоличного влияния. Монархическое самодержавие свободно от такой тенденции. Единства народной воли почти никогда не существует, а потому верховная власть в демократическом государстве, как правило, имеет те недостатки (шаткость, переменчивость, неосведомленность, капризы, слабость), которые в монархии являются как исключение. Единство воли в отдельной личности столь же нормально, как редко и исключительно в массе народа. В организации же самого управления монархия единственно способна охранить самостоятельность народной массы. Вследствие этих природных преимуществ монархии она и составляла до сих пор обычную норму государственной жизни человечества, в истории чаще всего мы встречаем именно ее, и величайшие эпохи национального творчества в большинстве случаев отмечаются именами монархов» [8, с. 594].

К.Н. Леонтьев и Л.А. Тихомиров также заметили, что масштабные процессы, происходящие в массах, социальных группах, целых государствах и культурах можно и нужно изучать, так как в современных им тенденциях развития общества они увидели нечто опасное. Социальная психология как наука еще не была разработана в тот период, когда жил Леонтьев, тем более, русская социальная психология. К. Леонтьев сделал предположение о перспективах еще не существовавшей науки социальной психологии и поставил перед ней проблему: «Как это люди ищут одного, а находят постоянно совсем другое? ... великого и почти всеобщего самообмана, ... не берусь объяснять те вну-

тренние душевные процессы... которые могли бы дать ключ к вразумлению этой не только странной, но даже страшной истории... Нет ли каких-нибудь всеобщих и весьма простых законов для развития и разложения человеческих обществ?» [4, с. 401].

Многие работы и статьи Леонтьева, несомненно, имеют множество идей, ценных для социальной психологии и социологии, легших в основу того, что сегодня мы называем «школой русской государственности». К таким работам относится почти все написанное Леонтьевым, в том числе «Византизм и славянство», «О всемирной любви», «Национальная политика как орудие всемирной революции», «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» и т.д. Но по большому счету Леонтьев описал эти процессы, не объясняя их.

Тихомиров продолжил традицию социально-психологического анализа современных общественных движений, руководствуясь той же самой проблемой, поставленной Леонтьевым: «Как это люди ищут одного, а находят постоянно совсем другое? ... великого и почти всеобщего самообмана...?». Проблемы социальной психологии присутствуют в работах Тихомирова «Борьба века», «Христианство без Христа», «Начала и концы. Либералы и террористы».

К. Леонтьеву принадлежит масса идей социально-психологического и социологического характера, которые можно назвать базовыми элементами школы русской государственности, к примеру, идея о роли наций, аристократии.

Развивая идеи Леонтьева в области психологии массовых движений, Тихомиров кое-что попытался объяснить на основе собственных наблюдений в революционный период своей жизни. Пожалуй, наиболее удачно у него это получилось в работе «Начала и концы. Либералы и террористы». В исследовании «Национальная политика как орудие всемирной революции» Леонтьев на примере греков поставил проблему «примитивизации» народов, обретших национально-политическую независимость и, по сути, сменивших веру православную на европейско-рациональную. Тихомиров дал объяснение подобным явлениям в труде «Начала и концы», указывая на процесс духовного падения интеллигенции в России, ее отказа от православия и принятия «веры революционной». Эта смена объясняется уходом людей от сложного процесса созидания мировоззрения, отказом от творческой работы и впуская чужой и самой примитивной картины мира. Рассуждая о современной ему молодежи, он пишет: «Из чего вышел нигилизм, это «движение озлобленной воли и отрицающего ума»? «Люди, не вникающие в психологию массовых движений, только руками разводят: «Откуда

взялось?»... Никогда я не поверю в благонамеренность русской молодежи, если она будто бы думает только о карьере и т.п., особенно если при этом в ней замечается упадок развития... В один прекрасный день все эти «карьеристы», смотришь, чуть не поголовно устраивают какую-нибудь нелепейшую штуку, где из-за выеденного яйца, глупо, бесцельно, прахом пускают всю свою «карьеру» [9, с. 84].

По мысли Льва Тихомирова, и в карьеристе рано или поздно проснется жажда деятельного воплощения нравственного идеала, так как без нравственного наполнения жизни, в силу духовной природы человека, невозможно прожить. Какие идеалы он сможет воплотить? «В глубине сердца карьерист не думает о спасении души, о вечной жизни, не думает о славе отечества. В душе он найдет только отрицание существующей жизни, презрение к ней, убеждение в ее негодности. Он найдет идеал отрицательный, и нравственного содержания жизни будет искать в чем-нибудь разрушительном. И чем менее он развит, тем более легкими путями станет он искать нравственного содержания» [9, с. 85].

Как Леонтьев умело анализировал национальные склады и характеры, так Тихомиров глубоко анализировал личностную психологию, индивидуальность. Особенно ярко это проявилось в его мемуарах: «Тени прошлого», «Воспоминания Льва Тихомирова». Внимание Леонтьева обращено к социальным движениям, тенденциям развития культур, народов, его интересует разрушительный характер идеи нации, значение аристократии в истории, поскольку он приходит к выводу, что народы, не выработавшие аристократию, склонны к демократии. На этом фоне Тихомиров индивидуально-психологичен, ему принадлежит идея личной жажды истины, характерная для русских, борьбы за формирование своего мировоззрения, поиска истины в философских системах и политических доктринах. У Тихомирова в воспоминаниях, портретах современников дано много тонких психологических наблюдений. Можно предположить, что это итог личного опыта жизни, его наблюдений за своей душой и окружающим миром, опыта аскетического. Действуя из логики христианина, Тихомиров для понимания болезненности состояния общества переносит в науку методы духовного самоанализа. Он настойчиво призывает русское общество наблюдать за теми поучительными уроками, которые дает история в XIX в. Эти призывы и мысли сегодня звучат не менее актуально, чем в ту предреволюционную эпоху.

В воззрениях православных авторов конца XIX в. присутствует мысль о религиозном характере увлечения русской молодежи западными по-

литическими идеями, не в стороне от этой мысли оказались К. Леонтьев и Л. Тихомиров. Западные идейные построения о всеобщем благе Леонтьев характеризует как рационально-европейскую веру, «религию эвдемонизма». Тихомиров, также вспоминая о своих юношеских увлечениях революцией, пишет: «Я был революционер. Это была у нас, у молодежи вера. Мы не имели никакого, ни малейшего подозрения, что революции может не быть» [7, с. 31]. Позднее он пишет работу о социальном мистицизме – о российском религиозном движении, которое предметом своего поклонения делает общество [6, с. 201]. Тихомиров высказывает свое отношение к космополитизму, для него это тоже своего рода религия, разрушительная и опасная. Тихомиров не приемлет космополитизм, видит в нем отрицание России, разрушительный, чуждый признак утраты русского, почвенного сознания, болезни. Для него космополит, как правило, революционер. Мы и сегодня находим неприятные подтверждения этим мыслям. «Болотное движение» и сегмент современных прозападных антигосударственных сил, состоящий из российских граждан, представлены самыми настоящими революционерами, имеющими космополитское сознание.

Леонтьев характеризует западные идеи как «гниль и смрад... новых законов о мелком земном всеблаженстве, о земной радикальной всепошлости» [4, с. 400], поскольку он видит, что рационализм – новая религия – рушит великие культурные миры Западной Европы.

Необходимо упомянуть мысль, развитую как Леонтьевым, так и Тихомировым, о тяжести последствий безобидных, на первый взгляд, социальных идей. В работе «Национальная политика как орудие всемирной революции» Леонтьев утверждает, что «всякое начало, доведенное односторонней последовательностью до каких-нибудь крайних выводов, не только может стать убийственным, но даже и самоубийственным. Так, например, если бы идею личной свободы довести до всех крайних выводов, то она могла бы, через посредство крайней анархии, довести до крайне деспотического коммунизма» [3, с. 34]. Всякая идея имеет «крайний идеал, который существует в обществах... люди непременно захотят испытать его. Необходимо помнить, что нововводители, рано или поздно, всегда торжествуют, хотя и не совсем в том смысле, которого они сознательно искали. Положительная сторона их идеала часто остается воздушным замком, но их деятельность разрушительная, ниспровергающая прежнее, к несчастью, слишком часто бывает практична, достигает своей отрицательной цели» [3, с. 257].

Эти идеи Леонтьева созвучны с работой Л. Тихомирова «Начала и концы», где он показывает родственную связь российского либерального лагеря с революционным и обвиняет первый в терроре, который осуществляется руками последних. По его мнению, идеал либерализма – конституция, парламентаризм – идеал промежуточный и логически незавершенный, революционеры выступают как более последовательные ревнители идеала свободы. Либеральная критика государства и монархии в России стала питательной средой для революционеров. Таким образом, Тихомиров рассмотрел начала и логические концы явлений, характерных для политической жизни России конца XIX – начала XX вв. и показал, каким образом либералы взрастили террористов.

В XIX в. Россия преуспела по многим направлениям культуры. Это был ее расцвет, «Золотой век». Она совершила огромный подвиг по созданию своего литературного языка и литературы, исторической науки. В музыке, живописи Россия отошла от простой подражательности. Но в области самосознания умственного к концу XIX в. российское общество продвинулось недалеко. Мысль юридическая в основном была несамостоятельной, позаимствованной с Запада. Политическая – тоже. В этом отношении за 200-летний период Россия сделала меньше всего¹.

В одной из глав «Монархической государственности» Тихомиров, на примере развития политического понятия «монархия», показывает, что в национальной политической мысли больше сделала публицистика, чем юридическая и политическая школа. «Русская политическая мысль, насколько она сделала успехов в национальном духе, всем обязана не государственной науке, которая прививала европейские идеи и понятия, а публицистике» [8, с. 279]. «...Даже до настоящего времени, несмотря на появление славянофилов и ряда близких к ним умов, как Данилевский, Достоевский, Катков, Леонтьев, Владимир Соловьев, несмотря на официальное признание формулы «православие, самодержавие, народность», в нашей философии государственного права монархия и самодержавие остаются ничуть не более ясны, нежели в Западной Европе» [8, с. 265]. Тихомиров объясняет это тем, что не смотря на факт возникновения русской государственности на монархическом принципе, тесно связанном с национальным нравственно-религиозным идеалом, европейское

просвещение с его рационализмом поставило под сомнение абсолютность и нравственно-религиозного идеала и монархии [8, с. 278].

К.Н. Леонтьев и Л.А. Тихомиров плодотворно трудились на ниве создания собственной русской политической науки, «школы русской государственности». Леонтьев указывал на цель этого, используя евангельский образ: «...чтобы Россию не застало грядущее как глупую деву с угасшим светильником политического разума в руках» [4, с. 401].

Сегодня эта цель актуальна особенно, поскольку современная общественная мысль России еще больше удалась от отечественных коренных начал, испытывая мощное западное влияние, хотя Россия обладает багажом уникальной самобытной мысли и опыта. Наследие Константина Леонтьева оценивается как провидческое (в вопросах внешней политики и мирового окружения России), многие его прогнозы сбываются и по сей день.

Социальные и политические процессы, происходящие в мире, вновь заставляют нас вернуться к трудам русских мыслителей в поисках решения проблем современности. Леонтьев и Тихомиров видели будущую миссию России в сохранении Византийского христианства, подъеме славянства и самой Европы из разрушительного кризиса.

Сегодня Россия выступает перед лицом мирового сообщества как хранительница христианства и христианской морали, от которой во многих странах идет стремительный отказ. Этот отказ наблюдался уже во времена Леонтьева и Тихомирова. Они воспринимали рационализм и комплекс либеральных идей Европы как своего рода новую религию. Трагической являлась смена православной веры на эту новую веру, которую обретали освободившиеся из-под власти Османской империи балканские народы, о чем писал Константин Николаевич. Для Тихомирова, прошедшего увлечение радикальными идеями, трагичным был выбор революционной веры российской молодежью XIX в.

Указанные в статье открытия Тихомирова и Леонтьева о процессах социальной психологии во многом дают ключ к уразумению явлений современности. Мы видим, как массы молодежи направляются по разрушительному пути и становятся адептами радикальных организаций, которые включаются в дело политической и культурной трансформации целых регионов. Нередко они становятся членами запрещенных исламистских организаций, националистических группировок. Ювенология ставит вопрос – почему молодежь зачастую несет потенциальную угрозу обществам и их стабильности? Такая постановка проблемы

¹ Данной точки зрения придерживались не только К.Н.Леонтьев и Л.А.Тихомиров, но и современный западный политолог и историк, специалист по русскому консерватизму Р. Пайпс [5].

возникла после событий 1960-х гг. в буржуазных странах, когда эти общества были потрясены «бунтами молодежи». России данная проблема хорошо знакома еще с середины XIX в., и русские мыслители Леонтьев и Тихомиров, пережившие сами период нравственного и ценностного выбора, указали на ее духовные истоки.

За авторами, идеям которых посвящена статья, видится глубокая традиция аналитики. Глубина их мысли объясняется ее религиозной и духовной составляющей. Можно найти глубокую связь мыслей К. Леонтьева, который стал иноком незадолго до смерти, с наставлениями его духовного отца – преподобного Амвросия Оптинского.

Затрагивая лишь малую долю теоретико-методологического пласта, положенного русскими мыслителями Леонтьевым и Тихомировым в основы исследования, осмысления и даже практики русской государственности, невольно открываешь невообразимый простор знаний и возможностей для созидания будущей России. Научная школа русской государственности, базирующаяся на преемственности религиозно-политических воззрений русских мыслителей второй половины XIX – начала XX вв., – это то, что необходимо сегодня не только будущим государственным руководителям, но и всему обществу, которое является носителем и выразителем государственности, наряду с представителями государственной власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дневники Л.А. Тихомирова // Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М.: Москва, 2000.
2. Косик В.И. Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М.: Зерцало, 1997.
3. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство: чем и как либерализм наш вреден М.: ДАРЪ, 2005.
4. Леонтьев К.Н. Национальная политика как орудие всемирной революции // Леонтьев К.Н. Византизм и славянство: чем и как либерализм наш вреден М.: ДАРЪ, 2005.
5. Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры. М.: Новое издательство, 2008.
6. Тихомиров Л.А. Борьба века // Тихомиров Л.А. Критика демократии М.: Редакция журнала «Москва», 1997.
7. Тихомиров Л.А. Воспоминания М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2003.
8. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность М.: АЙРИС ПРЕСС, 2006.
9. Тихомиров Л.А. Начала и концы. Либералы и террористы // Тихомиров Л.А. Критика демократии М.: Редакция журнала «Москва», 1997.
10. Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М.: Москва, 2000.

REFERENCES

1. Dnevniky L.A. Tikhomirova [Lev Tikhomirov's diaries]. In: Tikhomirov, L.A., 2000. Teni proshlogo. Moskva: Moskva. (in Russ.)
2. Kosik, V.I., 1997. Konstantin Leontiev: razmishlenia na slyvanskuyu temu [Konstantin Leontiev: thoughts on a Slavic theme]. Moskva: Zertsalo. (in Russ.)
3. Leontiev, K.N., 2005. Vizantizm i slavyanstvo: chem i kak liberalism nash vreden [Byzantinism and Slavdom: on the dangers of our liberalism]. Moskva: Dar. (in Russ.)
4. Leontiev, K.N., 2005. Natsionalnaya politika kak orudie vseмирnoy revolyutsii [National policy as an instrument of world revolution]. In: Leontiev, K.N., 2005. Vizantizm i slavyanstvo: chem i kak liberalism nash vreden. Moskva: Dar. (in Russ.)
5. Pipes, R., 2008. Russky konservatizm i ego kritiki: issledovanie politicheskoy kulturi [Russian conservatism and its critics. A study in political culture]. Moskva: Novoe izdatelstvo. (in Russ.)
6. Tikhomirov, L.A., 1997. Bor'ba veka [The fight of the century]. In: Tikhomirov, L.A., 1997. Kritika demokratii. Moskva: Redaktsiya zhurnala «Moskva». (in Russ.)
7. Tikhomirov, L.A., 2003. Vospominaniya [Memories]. Moskva: Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii. (in Russ.)
8. Tikhomirov, L.A., 2006. Monarkhicheskaya gosudarstvennost' [Monarchic statehood]. Moskva: Ayris press. (in Russ.)
9. Tikhomirov, L.A., 1997. Nachala i kontsy. Liberaly i terroristy [Beginnings and ends. Liberals and terrorists]. In: Tikhomirov, L.A., 1997. Kritika demokratii. Moskva: Redaktsiya zhurnala «Moskva». (in Russ.)
10. Tikhomirov, L.A., 2000. Teni proshlogo [Shadows of the past]. Moskva: Moskva. (in Russ.)